

ИСТОРИЯ

801-15

3115

УПАДКА

801-93

И

11062-0

РАЗРУШЕНИЯ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Сочинение Гиббона,

сокращенное Г. Адамомъ.

Переводъ съ Французскаго
съ примѣчаніями Русскаго переводчика.

МОСКВА,

Въ Типографіи Рѣшешникова

1824.

Печаташь дозволяешся съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Маія 19 дня 1824 года. Сію книгу разсматриваль Ординарный Профессоръ Сшашскіи Совѣтникъ и Кавалеръ

Левъ Цѣтеевъ.

2014143343

рег. 7430-0

ПРЕДИСЛОВІЕ:

Предпринимая переводъ сокращенной Испоріи упадка и разрушенія Римской Имперіи, я имѣлъ въ виду пользу опечествленныхъ читателей. Долго колебался я не доверяя собственнымъ силамъ; наконецъ побудили меня къ сему надежда ознакомить публику съ классическимъ сочиненіемъ и увѣренность, основанная на судьбѣ другихъ хорошихъ иноспранныхъ книгъ, что твореніе Гиббона можетъ еще долго быть непереведеннымъ. Знаю, что въ переводѣ моемъ много есть ошибокъ и недоспашковъ, которые я могъ бы исправить; но по обспояпельствамъ не имѣю времени. Пусть трудъ мой будетъ предпеченою совершеннѣйшаго. Мы такъ бѣдны

А

переводами хороших исторических писателей, что и недостаточной имѣетъ свою цѣну. Кпо повѣритъ, чтобы у народа, около спалѣтъ упражняющагося въ наукахъ, обладающаго языкомъ сильнымъ и богатымъ превосходными произведениями изящной литературы, не было хорошаго переложения Классическихъ Историковъ: Тацита, Фукидида, Гюма, Гиббона и проч: Къ сожалѣнію большая часть писателей нашихъ прудится для одной литературы, забывая, что успѣхи словесности находящіяся въ тѣсной связи съ образованіемъ, которое въ Государствѣ самодержавномъ почерпается изъ *бытописанія*. Нѣкоторые соотечественники, одаренные бѣднѣшимъ пиическимъ талантомъ, предпочитаютъ сочиненіе шарадъ и другихъ ничтожныхъ стихопвореній полезнымъ прудамъ переводчика. Сколько

другихъ стремятся за славою съ журнальными спатъями, съ переводами новыхъ романовъ, сказокъ, повѣстей, анекдотовъ и приключеній?

Должно удовлетворять вкусу всѣхъ читателей, и пусть провинціальная въроспеленная публика находитъ у книгопродавцевъ, торгующихъ въ обласныхъ городахъ и на ярмаркахъ, богатый запасъ литературнаго сору; чтение во всякомъ случаѣ лучше праздности; пусть повѣсть имѣетъ и ту еще пользу, что знакомитъ отчасти людей съ сердцемъ человеческимъ, ибо она есть подражаніе, хотя и не всегда вѣрное, нашей природѣ. Къ тому же ревностный читатель горныхъ замковъ, таинственныхъ подземелій, развалинъ, разбойничьихъ и рыцарскихъ повѣстей, спрашной охотникъ до привидѣній, пошанныхъ про-

ходовъ, словомъ до всего таинственнаго, необычнаго, часто нечувствительно переходитъ къ чтенію сочиненій полезнѣйшихъ. Кому нравится сказка, тотъ можетъ иногда читать безъ скуки Историю Александра, Кира, Цезаря, ибо жизнь мужей необыкновенныхъ всегда плѣняетъ воображеніе; они шли къ цѣли путями непроложенными.

Замѣтимъ, что воображеніе, высокая способность человека, образуется ранѣе разума и ранѣе его преобладаетъ. Чувственное существо, уединенное въ наслѣдіи опіатовскомъ, знаетъ одни грубыя наслажденія и живетъ однимъ плѣдомъ ш. е. въ полувину; болѣе образованной плѣняется подвигами Еруслава Лазаревича, ужасами Пиринейскаго замка и ш. п. Наконецъ человекъ ума зрѣлаго преобладаетъ истины и доказательствъ, сравниваетъ, мыслитъ

и все таинственное, чудесное, даже изящное въ липперапурѣ, оспавляетъ для часовъ отдохновенія, когда разумъ уже утомился, а воображеніе не перестаетъ еще творить мечты и украшать природу цвѣтами. Зрѣлость ума слѣдуетъ за пламеннымъ воображеніемъ въ людяхъ и народахъ, ибо нравственные законы образованія одинаковы для единицъ и милліоновъ. Не будемъ же удивляться, что у насъ много читаютъ и пишутъ чудесныхъ повѣстей и приключеній; мы приближаемся еще къ зрѣлости. Отъ писателей отечественныхъ зависитъ ускорить наше совершенствованіе; кто владеетъ перомъ, тотъ располагаетъ мнѣніями людей. Переводомъ Классическихъ Историковъ они открываютъ намъ міръ обширный, неизвѣстный, великія картины, обильный источникъ высокихъ чувствъ, ученія назидатель-

VIII.

наго. Творенія Н. М. Карамзина, образовавъ Историческій слогъ русской, облегчающъ трудъ историческаго переводчика. Въ заключение скажу нѣсколько словъ о предлагаемомъ въ переводѣ сочиненіи; оно есть только сокращеніе обширнаго Гиббонова творенія; но сокращеніе такое, гдѣ ничего существеннаго не выпущено, гдѣ сохранены мѣнія и мысли оригинальнаго Автора, а исключены однѣ примѣчанія критическія, которыя для немногихъ читателей могутъ быть полезны и любопытны. Не соглашаясь съ нѣкоторыми мѣстами переводимой мною книги, я присовокупилъ къ оной примѣчанія, излагая сомнѣнія свои со всею скромностію начинающаго.

II. Черевинъ.

Примѣчанія отъ издателя. Преждевременная смерть постигла Г. Переводчика среди сего и другихъ полезныхъ занятій, къ которымъ стремились его пламенная душа, провѣщенный разумъ и сердце, исполненное человеколюбивыхъ чувствованій.

Г Л А В А I.

Пространство и военныя силы, внутренняя связь и благосостояніе Римской Имперіи.

Исторія Рима въ теченіи 8ми столѣтій, считая со времени основанія сего знаменитаго города, повелѣвавшего вселенною, представляеть длинную, непрерывную цѣпь триумфовъ. Во 2мъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія Римъ покорилъ своему владычеству лучшую часть извѣстнаго міра. Его мужество, источникъ завоеваній, крепость и неизмѣнимость постановленій, науки и художества, которыми онъ покровительствовалъ: все сіе привязывало завоеванные народы къ его владычеству. Римской Сенатъ пользовался только наружнымъ блескомъ верховной власти; она принадлежала одному Императору, неограниченному исполнителю законовъ. Нерва, Траянъ, Адрианъ и оба Антонины мудрымъ управленіемъ заслужили уваженіе современниковъ и удивленіе потомства.

Благосостояніе Имперіи въ царствованіе сихъ Государей и важнѣйшія обстоя-

тельства. которыя содѣйствовали упадку и разрушенію оной при наслѣдникахъ Марка Аврелія, составляютъ предметъ нашего разсужденія.

Въ печеніи первыхъ вѣковъ Рима и во все время республики Исторія являетъ одинъ только безпрерывный рядъ завоеваній. Августъ, достигнувъ неограниченной власти въ Имперіи, успѣлъ умѣрить честолюбивый духъ Сената, который имѣлъ въ виду господство надъ вселенною. Государь сей понялъ, что Римъ, довольно уже сильный, мало могъ приобрести войною, но много чрезъ нее утратить. Худой успѣхъ Римскихъ полководцевъ въ Египтѣ утвердилъ его еще болѣе въ смирѣннѣи. Пораженіе Варіевыхъ легионовъ, оставившее Августу горестное и неизгладимое воспоминаніе, убѣдило его въ опасности воевать съ варварами, обитавшими среди лѣсовъ и болотъ Германскихъ. Въ завѣщаніи своемъ онъ совѣщавалъ ограничить Имперію дѣйствительными предѣлами, которые сама природа, казалось, для нее начерпала: къ Западу Океаномъ Атлантическимъ; Рейномъ и Дунаемъ къ Сѣверу; Евфратомъ къ Востоку; а къ Югу знойными песками Африки.

Миролюбивымъ правиламъ сего Государя послѣдовали сначала непосредственные его

преемники, которыхъ малодушію и безпечной нѣтѣ онъ благопріятствовалъ. Преданные забавамъ Столицы, сіи пираны гнушались пятгоспныхъ трудовъ войны и суровой жизни рапника. Въ печеніи перваго вѣка, по Христіанскому лѣтосчисленію, Римляне присоединили къ Имперіи одну Великобританію, завоеванную Агриколою. Возшествіе на престолъ Траяна возродило честолюбіе сего воинственнаго народа. Военное искусство приняло прежнюю силу. — Государь сей, обладавшій доблестями простаго рапника и дарованіями искуснаго полководца, удалился отъ умѣренныхъ правилъ своихъ предшественниковъ и послѣдовалъ примѣру Александра, коему соревновалъ въ славу. Онъ самъ выступилъ противъ Даковъ, которые въ прежнія царствованія оскорбляли Римлянъ, опіемстивъ за Римское величіе, варвары покорились безусловно побѣдителю и страна ихъ, имѣвшая въ поверхности 1300 миль (milles), обратилась въ новую область Римской Имперіи.

Дѣятельный духъ Траяна вскорѣ подвигнулъ его къ войнѣ съ восточными народами; онъ разбилъ Парфянъ, обошелъ побѣдоносно берега Тигра и простеръ славу свою и завоеванія отъ горъ Арменіи

до Персидскаго залива. Подвиги его однако не столь были прочны, сколь блистательны; плоды Траяновыхъ побѣдъ утратились послѣ его смерти. Преемникъ его Адрианъ изъ благоразумія или зависти, не всегда чуждой и великихъ мужей, за благо разсудилъ не только покинуть области, которыя удерживать казалось ему неблагоприятно, но даже и снѣсти обширные предѣлы Имперіи. Хотя Государь сей не имѣлъ предприимчивости Траяна, но онъ былъ необыкновенной дѣятельности и все обозрѣвалъ самъ. Народъ Римской чувствовалъ дѣйствія неусыпныхъ его попеченій, ибо Адрианъ объѣзжалъ одну область послѣ другой и лично отправлялъ правосудіе, которое въ послѣдствіи Антонинъ благочестивый продолжалъ съ не меньшимъ вниманіемъ и раченіемъ, непокидая однакожь окрестностей Столицы. Царствование Марка - Аврелія было несравненно воинственнѣе; сей Государь находился въ постоянной борьбѣ противъ набѣговъ Парфянъ и Германцевъ. Дунай и Ефратъ попеременно были свидѣтелями его успѣховъ и въ продолженіи славныхъ побѣдъ онъ устроилъ ту военную силу, описаніе которой входитъ въ составъ нашего сочиненія.

Въ щастливыя времена республики носили оружіе одни граждане Рима. Ихъ личныя выгоды тѣсно были соединены съ разпространеніемъ его владѣній и славы; но помѣръ того, какъ предѣлы Государства разширялись, слабѣли общественныя добродѣтели. Легіоны хотя и почитались составленными изъ Римскихъ гражданъ, но набирались въ областяхъ отдаленныхъ. Военачальники были вообще люди знашныя, воспитанные въ Столицѣ, а простые воины ничто иное, какъ наемники, которыхъ уподобить можно рашникамъ новѣйшихъ народовъ того особенно времени, когда войска начали получать жалованье. Папріотизмъ свободныхъ легіоновъ Римскихъ, дѣлавшій ихъ необходимыми, не оживлялъ болѣе наемнаго войска Императоровъ. Недоспашокъ любви къ отечеству они вознаградили другими побужденіями, которыя хотя происходили изъ инаго источника, но были не менѣе сильны. Поселяне и ремесленники приучались взирать на военное званіе съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ; вступая въ службу каждой изъ нихъ былъ увѣренъ, что повышеніе зависить единственно отъ храбрости, зналъ, что его добрая и худая слава падаетъ на всѣхъ товарищей и честь ихъ становилась для него драгоценнѣе собственной. Отъ Римскаго во-

ина требовали не только кляшвы въ вѣрности и повиновеніи начальникамъ, но другимъ, еще важнѣйшимъ общою, обязывали его не покидать знаменъ своихъ во время опасности; такой поступокъ почитался несколько безчестнымъ, сколько богопрошивнымъ. И такъ, между тѣмъ какъ съ одной стороны честь и Религія подкрѣпляли другъ друга въощреніи воиновъ къ точному исполненію ихъ долга, съ другой опредѣленное жалованье, временныя награжденія и вѣрная награда по истеченіи кратковременнаго срока службы, были новыми побужденіями, которыя подкрѣпляли еще страхъ наказаній, опредѣленныхъ военными узаконеніями. Малодушіе и неповиновеніе неизбѣгали при вѣрнаго наказанія. Выключая казни смертной, которая зависѣла отъ одного полководца, наложеніе всѣхъ другихъ, какъ бы онѣ спроти ни были, состояло во власти Ценсуріоновъ. Такая система военной подчиненности, усиленная швердостью самихъ предводителей, дѣлала войско надежнымъ и покорнымъ; рапники спрашивались болѣе своихъ начальниковъ, нежели неприятеля.

Между тѣмъ Римляне въ войнахъ своихъ уважали военныя дарованія не менѣе мужества. Слово войско (exercitus)

на ихъ языкѣ значило ученіе. Военныя упражненія производились съ особеннымъ вниманіемъ; старые рапники на ряду съ молодыми обязаны были участвовать въ оныхъ — послѣдніе для приобрѣтенія навыка, прочіе для того, чтобы не утратить онаго. Будучи безпрестанно подъ оружіемъ въ мирное и военное время, они привыкали къ трудамъ рапной жизни. Чтобы развязать ихъ болѣе и скрыть, нѣкоторымъ образомъ, тяжесть дослѣховъ, обыкновенно удваивали въ оныхъ на ученіяхъ, въ мирное время производимыхъ. Все, что могло укрѣпить шло, увеличили его дѣятельность и ловкость какъ-то: бѣганіе, прыганіе, плаваніе, почиталось важнѣйшею обязанностію рапниковъ; самая Пирійская пляска, которую заставляли производить воиновъ, какъ бы для собственнаго ихъ забавы, придавала легкость прыжкамъ и ловкость ихъ шлодвиженіямъ. Славнѣйшіе Императоры не гнушались участвовать въ сихъ занятіяхъ. Они считали за удовольствіе обучать лично не столь опытныхъ рапниковъ и надзирать за искуснѣйшими. Повѣствуютъ даже, что Адрианъ и Траянъ находили удовольствіе состязаться съ ними въ силѣ и искусствѣ. Въ царствованіе сихъ Государей военнымъ искусствомъ занимались съ успѣхомъ, и оно бы-

ло усовершенствовано. Ихъ военныя учрежденія почитались въ послѣдствіи совершеннѣйшимъ образцомъ Римскаго устройства военной силы.

Между шѣмъ время нечувствительно измѣняло учрежденіе войска и усовершенствовало оное. Легіонъ времени Траяновыхъ и Адриановыхъ существенно различествовалъ отъ легіона, описаннаго Полибіемъ. Первый состоялъ изъ 10 когортъ пѣхоты, тяжело вооруженной, раздѣленныхъ на 55 когортъ подъ начальствомъ такого же числа трибуновъ и центуріоновъ. Первая когорта, которой принадлежало почешное мѣсто, состояла изъ 1500 отборныхъ воиновъ, прочіе 9 изъ 555 пи; и такъ пѣхота легіона простиралась до 6100 человекъ. Доспѣхи легіонеровъ состояли въ открытомъ и высокомъ шлемѣ, въ кольчугѣ и сапогахъ, желѣзомъ окованныхъ, въ щитѣ изъ легкаго дерева, покрытаго воловьею кожею и мѣдною бляхою, въ легкомъ дропикѣ и тяжеломъ копѣѣ, называемомъ *pilum*, длина коего простиралась до 6 пи фузовъ и оканчивалась спальнымъ преугольнымъ остриемъ въ 18 вершковъ; наконецъ легіонеры имѣли еще короткій и обоюду острый мечъ, равно удобный къ удару сабельному и шпажному, хотя рапники

приучались наносить послѣдній предпочтительно первому. Легіонъ строился въ 8 линій, оставляя между рядами и ширенгами по 3 футовъ разстоянія.

Конница, безъ коей войско сіе было бы неполно, дѣлилось на 10 эскадроновъ: первый состоялъ изъ 132 человекъ, а прочіе 9 каждой изъ 66, что всего составляло 726 всадниковъ. Во времена республики въ конницѣ служило одно знатнѣйшее Римское и Испанское юношество; но въ царствованіе Траяна и Адриана она набиралась изъ одного сословія съ пѣхотою; лошадей употребляли обыкновенно Испанскихъ или Кападокійскихъ; оружіе всадниковъ не столь было обременительно, какъ у жителей Востока; оборонительное состояло въ шлеме, овальномъ щитѣ, легкихъ сапогахъ, окованныхъ желѣзомъ и колчугѣ; наступательное только въ одномъ копѣе и длинномъ мечѣ.

Римъ въ сохраненіи славы своей и безопасности преимущественно полагался на собственные легіоны. Между тѣмъ въ опредѣленное время дѣлались значительные наборы войска и въ областяхъ. Цари и Государства, плащія дань Имперіи, обязаны были военною службою,

и подь симъ только условіемъ сохраняли свои владѣнія и независимость. Опважнѣйшихъ варваровъ употребляли даже на службу въ войскахъ, и чрезъ то естественные враги Рима, по доброй волѣ или изъ принужденія, жертвовали жизнью для славы и обороны его владѣній.

Всѣ сіи различныя войска назывались вообще союзными. Опважнѣйшіе и надежнѣйшіе чужеземные рапники поступали подь начальство префектовъ и ценсуріоновъ, и приучались къ Римскому устройству и подчиненности; между тѣмъ большая часть оныхъ сохраняли дослѣхи, употребленію которыхъ научились на своей родинѣ, и имъ позволялось сражаться такъ почію, какъ они съ юности обыкли; союзниковъ сихъ размѣщали по легіонамъ, изъ коихъ каждой, везя за собою 10 большаго и 55 меньшаго размѣра военныхъ машинъ, составлялъ отрядъ войска полный и страшный, готовый предпринять осаду города или биться въ чистомъ полѣ.

Римскіе легіоны не менѣе отличались правильнымъ разположеніемъ своего спана, какъ и почнымъ соблюденіемъ военного устройства; спанъ дѣлали чешыреугольный. Не трудно вычислишь, что квадратъ въ 2000 фушовъ достаточенъ

былъ для помѣщенія 20000 войска. Посреди спана находилась спавка полководца, превышавшая всѣ прочія. Конница, пѣхота и союзники стояли на особыхъ и опдѣленныхъ мѣстахъ; улицы были широки, и со всѣхъ сторонъ между спавками и окопомъ оставлялось пространство въ 200 фушовъ шириною. Окопъ, обыкновенно возвышавшійся на 12 фушовъ, былъ защищаемъ ровомъ одинаковой же глубины и ширины, и укрѣпляемъ твердымъ частыколомъ. Легіоны, заранѣе приученные къ трудамъ, сами укрѣпляли свой спанъ, и тѣмъ удобнѣе, что не менѣе знакомы были съ лопатою и заспупомъ, какъ съ мечемъ и дрошикомъ. Лишь только звукъ трубный возвѣщаль походъ, воины безмолвно спановились каждой на свое мѣсто безъ замѣденія и безпорядка. Легіонеры, кромѣ оружія, которое довольно было тяжело, носили еще на себѣ кухонной скарбъ, все нужное для построения окоповъ и събспные припасы на нѣсколько дней. Не смотря на сіе бремя, они однакоже приучены были дѣлать по 7 ми (французскихъ) миль въ 6 часовъ. Приблизившись къ непріятелю, они слагали свою ношу и строились сами въ боевомъ порядкѣ.

Пращники и стрѣлки составляли войско передовое; военныя машины стави-

лись позади главной рапи; союзники занимали первую линию, тяжелая пѣхота вшорую, а конница прикрывала бока.

При семь-то военномъ устройствѣ Римляне сохранили и разпространили свои завоеванія, одержали пошъ длинной рядъ побѣдъ, копорыми они прославились и ушвердились. Въ писашеляхъ, говорившихъ о военномъ искусствѣ Римлянъ, находимъ мы почныя свѣденія объ учрежденіи и тактикѣ легионовъ; но переходя отъ сего предмета къ числу войскъ, не встречаемъ ничего яснаго, и принуждены дѣлать одни догадки. Легионъ вмѣстѣ съ союзниками могъ состоять изъ 12500 человекъ; войско, которое было подъ оружіемъ при Адрианѣ и его преемникахъ состояло изъ 30 ти легионовъ, слѣдственно число всѣхъ воиновъ простиралось до 375000 человекъ; легионы всегда стояли на границѣ въ лагеряхъ и рѣдко перемѣщались; и такъ, сколько исторія позволяетъ намъ судить объ этомъ, мы полагаемъ, что они размѣщены были слѣдующимъ образомъ: при легиона достачны были для Великобританіи; оборона береговъ Рейна и Дуная претовала 16, изъ коихъ два стояли въ Нижней Германіи,

3 въ Верхней, 1 въ Реціи, 1 въ Норикѣ, 4 въ Паноніи, 3 въ Мезіи и 2 въ Дакіи; Египеть, Африка и Ишпанія, удаленные отъ театра военныхъ дѣйствій, имѣли по одному легиону. Безопасность Италіи была обезпечена когортами города Рима и преторіанскою спражею. Она состояла изъ 20000 человекъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ одинаково съ легионами, отъ коихъ отличалась менѣе строгимъ соблюденіемъ военного устройства и подчиненности. Морская сила Римлянъ показала бы Европейцамъ новѣйшихъ временъ недостоюною сего воинственнаго народа и великаго его владычества. Но честолюбіе Римлянъ ограничивалось твердою землею; они не имѣли предприимчиваго духа, свойственнаго мореплаванію, необходимаго для основанія значительной морской силы. Въ Пуническую войну они создали нѣкоторымъ образомъ флотъ, и успѣхи его соответствовали ихъ ожиданію. Между тѣмъ ничто не могло заставить ихъ починать море приличною имъ спихіею. Океанъ былъ для нихъ всегда болѣе предметомъ ужаса, чѣмъ любопытства. — Полишика Императоровъ ограничивалась обезпеченіемъ преимущественно свободного плаванія по Средиземному морю. Довольствуясь бытъ покровителями торговли своихъ поддан-

ныхъ, они остерегались дѣлать открытія въ опдаленныхъ, непосѣщаемыхъ берегахъ Океана. Августъ содержалъ два флота въ приличнѣйшихъ пристаняхъ Италіи. Одинъ изъ нихъ находился въ Равенѣ на Адриатическомъ морѣ, другой въ Мизенѣ въ заливѣ Неаполитанскомъ. Они состояли изъ галеръ въ два или три ряда весель, вооруженныхъ нѣсколькими тысячами мапрсовъ; другіе флоты стояли въ Фрежусѣ на берегахъ Прованса, 4 судна и 300 солдатъ охраняли Понть-Евксинской; довольно значительныя флотиліи обезпечивали сообщеніе Галліи съ Великобританіею и судоходство по Рейну и Дунаю. Если, сообразивъ все сказанное нами, сложимъ число людей, служившихъ на флотѣ Римскомъ съ шѣмъ, которое составляло сухопутное войско; то сумма всѣхъ силъ Имперіи будетъ простираеться до 450000 человекъ. Перейдемъ теперь къ состоянію и пространству областей, которыя нынѣ обратились въ царства и республики, и для обороны либо для угнѣженія коихъ сіе страшное войско назначено было.

Испанія, ограниченная Пиринейскими горами, Средиземнымъ моремъ, Атлантическимъ Океаномъ раздѣлена была Августомъ на 3 области: Лузитанію,

Бетику и Таррагонезу. Первая заключала большую часть Португаліи, вторая нынѣшнюю Андалузію и Королевство Гренадское, третія состояла изъ остальной части Испаніи, и называлась Таррагонскою, по знаменитому своему городу Таррагону. Въ Римѣ почитали Испанію за одну изъ важнѣйшихъ областей.

Галлія заключала всѣ земли, между Пиринеями, Альпами, Рейномъ и Океаномъ лежація; кромѣ того, что теперь входитъ въ составъ Франціи, Галліею называлось еще Герцогство Савойское, кантоны Швейцарскіе, 4 Курфиршества Рейнскихъ, Лютихская область, Люксембургъ, Ганау, Фландрія и Брабантъ. Августъ, въ размѣщеніи своемъ легионовъ раздѣлилъ Галлію на нѣсколько частей; Нарбонское поселеніе дало имя своей части, прикосновенной Средиземному морю, и заключающей Лангедокъ, Провансъ и Дофине; Аквитанская Галлія простиралась отъ Пириней до Луара; между сею рѣкою и Сеною лежала Галлія Цельпическая, которую именовали Лионскою. Бельгика, находящаяся по ту сторону Сены, сначала ограничивалась однимъ Рейномъ; но когда Германцы завоевали часть оной, граница, проведенная отъ Базеля до Лейдена, начала именоваться

границею Верхней и Нижней Германіи. И такъ при возшествіи на престолъ Антониновъ, шесть областей, составляющихъ Галлію, были слѣдующія: Нарбонская, Аквитанская, Ліонская, Белгика и обѣ Германіи.

Въ Великобританіи Римляне обладали Англіею, Валлисомъ, частію Шотландіи до Думбартана и Едимбурга. Къ той части Европы, которая первоначально называлась Италіею, Римляне по праву завоеванія присовокупили страну, извѣстную подъ именемъ Ломбардіи. Генуезская область была обитаема Лигурійцами; Венеціи еще небыло; но Венецы обладали землею, на Воспокъ отъ Адига лежащею. Эпруски, и Омбрійцы занимали среднюю часть Италіи, которая составляетъ нынѣ Герцогство Тосканское и Церковную область. Отъ Тибра до предѣловъ Неаполитанскаго Королевства простиралась древняя область Сабиновъ, Лапиновъ и Волсковъ; Капуа и Кампанія занимали земли, непосредственно принадлежавшія городу Неаполю; остальная часть Королевства сего имени была обитаема Марсами, Самнишамы, Апулійцами, и Луканійцами.

Римскія Европейскія области были ограждены Рейномъ и Дунаемъ; Дунай

испекаетъ въ 30 миляхъ отъ Рейна. Въ печеніи, простирающемся болѣе 300 французскихъ миль, онъ принимаетъ въ себя 60 судоходныхъ рѣкъ, и наконецъ бѣ устьями впадаетъ въ Черное море. Области, орошаемыя Дунаемъ, вообще были извѣстны подъ именемъ Иллирии, которая раздѣлялась на Рецію, Норику, Панонію, Далмацію, Данію, къ коимъ присовокупили Мезію, Фракію, Македонію и Грецію; нынѣ большая часть Реціи находится во владѣніи Короля Баварскаго, остальная принадлежитъ Австріи, равно какъ и Спирія, Коринѳія, Карніолія, нижняя Венгрія, Славонія, извѣстныя въ древности подъ именемъ Норикъ и Паноніи; Далмація, поступившая отъ Венеціанъ во владѣніе Короля Венгерскаго, вмѣстѣ съ землями Рагузской республики составляла собственно такъ называемую Иллирію. Среди сихъ областей находится Кроація и Боснія; первая принадлежитъ Австріи, вторая Портѣ. Венгрія заключаетъ нынѣ ту часть Дакіи, которая лежала на лѣвомъ берегу Дуная; на правомъ берегу находящаяся, равно какъ и вся Мезія, составляющія часть владѣній Султана; Фракія, Македонія и Греція такъ же принадлежатъ ему подъ названіемъ Ромеліи.

Читатель, испытывающий судьбу народов, временное величіе царствъ, невольно погрузишься въ печальныя размышленія, взирая на Грецію, бывшую нѣкогда спраною свободы, колыбелію героевъ и мудрости; на Грецію, кошорая, покоряясь уже побѣдоносному оружію Римлянъ, очищала вкусъ своихъ завоевателей, и кошорая нынѣ въ порабощеніи поминься подѣ сугубымъ ярмомъ суевѣрія и самовластія народа, споль же непросвѣщеннаго, сколь жестокаго; между шѣмъ какъ попомки Александра, кошорой быспрыми побѣдами сокрушилъ Царство Персидское, и обогрилъ кровію всю Азію, осуждены покланяться гордынѣ и пишатъ сребролюбіе презрѣнныхъ Пашей. Спраны, завоеванныя Лукулломъ и Помпеемъ въ Азіи, даже области, покоренныя Траянами, находящяся нынѣ во власти послѣдователей Магомета, и составляютъ часть Оптоманской Имперіи. Сирія нѣкогда престольная спрана сильнаго государства, бывшая попомъ пограничною областію Римской Имперіи на Востокѣ, сущесвууетъ по одному любопытству путешественниковъ, кошорыхъ она привлекаетъ; въ то время какъ Финикія и Палестина, покинутыя и запустѣлыя, извѣстны только по своей древней знаменитости, хотя Финикіи обязаны мы изобрѣщеніемъ письма, а Па-

лестинѣ ученіемъ Христіанской вѣры. Египеть, знаменитый своими шайнствами, памяшниками, ученостию своего духовенства, шакъ же спенаетъ подѣ желѣзнымъ скипшромъ Беевъ и Пашей, кошорые не рѣдко вооруженною рукою споривающъ другъ у друга богатыя жапвы полей, водами Нила плодосворимыхъ. Знаменитый Карфагенъ, на берегахъ Африки, бывший споль долгое время совѣспникомъ Рима, нынѣ находящяся во владѣніи Тунисскомъ и Трипольскомъ; Нумидія, Царство славнаго нѣкогда Масиниссы и хипраго Югурты, повинуется нынѣ неограниченной власти Дея Алжирскаго. Царство Фецское есть Мавришанія древнихъ; и шеперь еще въ областяхъ, подпавшихъ игу Императора Марокскаго, примѣшны развалины города, построенаго нѣкогда Римлянами. Изъ Оспрововъ, имъ принадлежавшихъ, Маіорка и Минорка находящяся нынѣ во власти Ишпаніи; Сардинія и Сицилія управляющяся Ишпанскими Государями; Корсика, завоеванная Генуезцами и почти опустошенная войнами съ коренными жителями оной, оплчавшимися за свою независимость, принадлежитъ нынѣ Франціи; за исключеніемъ Мальты, коей Рыцари долгое время воевали съ успѣхомъ противъ народовъ Варварійскихъ, опустошавшихъ берега

Средиземнаго моря, всѣ прочіе острова находящіяся во власти Турокъ, копорые улучшили ихъ соспоянiе. Паденiе Римской Имперiи, изъ развалинъ копорой образовалось множество сильныхъ Государствъ, составляешь, безъ сомнѣнiя, предметъ доспойный удивленiя; но самое щеславiе и надмѣнность сего исполнскаго Царства, (почитавшаго варварами споль многихъ народовъ, пользовавшихся плодами щасливой независимости, не меньшее заслуживаешь вниманiе.

По вѣрнѣйшимъ изчисленiямъ пространства Имперiи легко заключишь можно, что длина ея простиралась за 1000, а ширина болѣе 600 французскихъ миль. Нельзя безъ удивленiя взирать на споль обширный рядъ земель, соединенныхъ въ одно Государство, особенно когда припомнимъ, что въ нихъ заключались самыя плодоносныя и обработанныя страны извѣстнаго міра. Но не менѣе удивляясь должно и тѣсной связи частей и внутреннему благосостоянiю сей Имперiи въ щасливыя времена Антониновъ. Источники такихъ преимуществъ заслуживають, безъ сомнѣнiя, вниманiе Историка и Философа. Мудрость и безпристрастiе узаконенiй очевидно содѣйствовали къ сохраненiю внутренняго согласiя

между областями сего обширнаго Государства. Если законы и были нарушаемы, если они и служили иногда средствомъ къ угнѣтенiю народовъ: по общеспоенная польза открывала вскорѣ ошущипельную необходимость обратиться снова къ постановленiямъ, опъ коихъ существенно зависѣли благо и спокойствiе цѣлаго. Искусства и науки, ободряемыя и покровительствуемыя, щедрою рукою, украшали цѣвшами образованности сiи царства, покоренныя военнымъ устройствомъ и мужествомъ Римлянъ. Коренные жители страны смѣшивались съ Римскими гражданами; имъ позволялось исповѣдывать вѣру опцовъ своихъ, и они могли бытъ участниками въ почестяхъ и преимуществахъ, присвоенныхъ ихъ завоевателямъ. Римская религiя, основанная на суевѣрiи, была такого свойства, что согласовалась со всѣми сектами. Многобожiе и различные роды богослуженiй, копорые были вообще терпимы, предупреждали всякіе споры между послѣдователями различныхъ ученiй, и поощряли ихъ къ взаимной терпимости. Римская религiя имѣла цѣль нравспвенную и возвышала душу, включая въ число боговъ мудрецовъ и героевъ, копорые ученостiю и мужествомъ своимъ прославили опечество. Римляне полагали, что славная смерть дѣлала вои-

на божественнымъ, безсмертнымъ, и благоговѣя предъ Юпитеромъ Капитолинскимъ, они не смѣялись надъ Персомъ, поклонявшимся первымъ лучамъ восходящаго солнца. Святость Христіанской религіи внушаетъ въ насъ презрѣніе къ симъ безчисленнымъ вѣроисповѣданіямъ, въ которыхъ самые пороки наряду съ добродѣтелию имѣють свои алтари и своихъ боговъ; философы съ равнодушіемъ взирали на сіи различныя поклоненія языческимъ божествамъ, видѣли несовершенства оныхъ, и обращали свое вниманіе на одну природу челоука. Славнѣйшія 4 школы были: Стоическая, Платоническая, Академическая и Эпикурейская; каждая изъ нихъ имѣла свою особенную систему. Стоики, не соглашаясь съ послѣдователями Платона, относили все къ матеріи, между тѣмъ какъ сіи послѣдніе утверждали всеобщую невещественность; Академики перялись въ скептицизмъ; а надменные ученики Эпикура не признавали верховной власти Провидѣнія. Между тѣмъ, хотя въ швореніяхъ и бесѣдахъ своихъ они проповѣдывали одну власнь разума, опровергая положительную религію и всѣ еогоніи древнихъ; но въ общественной жизни, оставляя свои умствования, они исполняли все то, что было предписано законами и освящено обычаемъ; совер-

шали обряды, надъ которыми ежедневно смѣялись, посѣщали храмы боговъ, бышію конхъ не вѣрили; чиновники Римскіе воспитывались въ правилахъ Философіи; они почитали религію покломо существенною частію гражданскаго правленія, и были убѣждены въ томъ, что въ каждой странѣ форма суевѣрія, освященная временемъ и опытностію, болѣе другихъ приличествуетъ климату и жителямъ оной. Они далеки были отъ всякихъ гоненій, копорья могли бы произвестъ смятеніе въ Государствѣ. Правда, что сребролюбіе заставляло ихъ иногда грабить храмы завоеванныхъ народовъ; но самыхъ идоловъ они не касались, развѣ только тогда, когда сіи идолы были произведеніемъ славнаго художника, либо имѣли богатыя украшенія. Если Императоры и опмѣнили власть Друидовъ въ Галліи; но эпо по тому, что считали ее опасною для Государства, какъ по важному вліянію главнаго Друида и ему подвластныхъ на народы, такъ и въ слѣдствіе челоуческихъ жертвоприношеній, кои строжайше воспрещить надлежало. Но Друидамъ оставлены были ихъ алтари, ихъ догматы и свободное опправление богослуженія. Правда, что въ Римѣ, столицѣ обширной Монархіи, часто ограничивали разнообразіе иностранныхъ обрядовъ, особенно когда они

оскорбляли нравственность : поклонение Серапису , совершение таинствъ Египетскихъ было запрещено ; жѣ , кои въ нихъ участвовали , часто были изгоняемы ; но такимъ правомъ не допускавъ иностраннаго богослуженія пользовалась не одна столица Имперіи : каждой городъ могъ ограничивать и воспрещать совершение всякаго обряда чуждаго его богослуженію , и сохранявъ чистоту сего послѣдняго . Въ царствованіе Флавіана и его дома , свобода вѣроисповѣданій была совершенна , боги cadaго народа имѣли свои храмы , и имъ свободно приносили жертвы посреди боговъ хранищелей Рима .

Римляне большею частію успѣховъ обязаны были благоразумной своей политикѣ . Не взирая на чинъ , на мѣсто рожденія , они принимали въ число гражданъ своихъ cadaго , кто по достоинствамъ своимъ могъ быть полезенъ республикѣ . Вниманіе , которое Спарша и Аенны обращали на то , чтобы избѣгнуть смѣшеній съ иноземцами , среди самыхъ успѣховъ ускорило паденіе сихъ республикъ , и Римъ не менѣе ихъ числлюбивый , но болѣе дальновидный , принималъ въ число подданныхъ своихъ всякаго , кто могъ ему быть полезенъ , какого бы онъ званія ни былъ : искусной невольникъ , смѣлой варваръ

Г
Л
Е
С

равно могли участвовать въ выгодахъ Римскаго гражданства.

У Римлянъ было правило: ни въ чемъ не уступать силѣ, а все даровать изъ одной милости. Самниты и Лукапцы великодушію Рима были обязаны шѣмъ, чего бы они никогда не приобрѣли силою оружія. Примуущества Римскихъ гражданъ были наконецъ разпространены на жителей всей Имперіи. Однакоже сіе было произведено постепенно; благоразумнѣйшіе Императоры старались сохранить достоинство званія Римскаго гражданина. Италія долгое время пользовалась преимуществомъ мѣстопребыванія Императоровъ и Сенапа, и конечно изъ уваженія къ памяти знаменитыхъ Римлянъ, основателей республики, она была освобождена отъ налоговъ и самовластныхъ правилей. Не иначе какъ въ продолженіи времени и съ большими предосторожностями области, колоніи и города, имѣвшіе особенныя права, были допускаемы къ участію въ примууществахъ Столицы. Сама Исторія научаетъ насъ, что въ царствованіе Антониновъ, свобода городовъ была сопровождаема значительными выгодами; съ нею народъ дѣлался участникомъ примуществъ Римскаго законодательства, особенно касательно супружествъ, наследствъ и завѣщаній; къ сему

открывалось блестящее поприще пѣмъ, кои пользовались покровительствомъ людей знатныхъ, либо сами имѣли личное достоинство.

Римляне, зная вліяніе языка на нравы, поспешенно занимались разпространеніемъ употребленія Латинскаго вездѣ, куда только проникало ихъ оружіе. Западные народы, склонные къ принятію всякихъ впечатлѣній, съ нѣкоторою алчностью присвоили первые начатки образованности; языкъ Вергилія и Цицерона вошелъ въ общее употребленіе между жителями Африки, Испаніи, Галліи, Великобританіи и Панноніи. Но не то было съ обитателями Греціи, которые, гордясь древними постановленіями и славою просвѣщенія, презирали грубые нравы пѣмъ, коихъ владычеству невольно покорялись. Множество Греческихъ поселеній, разбѣянныхъ отъ Адриатическаго моря до Нила и Евфрата, говорили однимъ языкомъ, и питали одинакія чувства. Римляне сами не могли не сознаваться въ красотѣ языка Греческаго, хотя непреклонная ревность ко всему отечественному заставляла ихъ предпочитать употребленіе собственнаго. Коренные жители Египта и Сиріи, преданные нѣмъ, либо омраченные мракомъ совершеннаго варварства, сохраняли языкъ свой, и постоянно упор-

ствовали въ пренебреженіи выгоды торговли и искусствъ, образующихъ гражданское общество. Между пѣмъ въ царствованіе Септима Севера въ первый разъ увидѣли Египтянина, засѣдающаго въ Римскомъ Сенатѣ.

Среди всеобщаго благоденствія разноплеменныхъ народовъ Имперіи у Римлянъ было одно бѣдственное сословіе людей; участь его должна обратиться на себя наше вниманіе, и возбудить сожалѣніе въ сердцахъ чувствительныхъ. Въ первыя времена Рима домашніе рабы были пѣнные на войнѣ или купленные за низкую цѣну варвары. Когда владычество Римлянъ разпространилось на большую часть земнаго шара, сей классъ людей сдѣлался рѣдокъ, и они прибѣгли къ несчастнымъ способамъ размноженія онаго; цѣна невольника возвышалась, и личная выгода заставляла господина обходиться съ нимъ челолюбиво, пѣмъ болѣе, что онъ нѣрѣдко составлялъ значительную часть его собственности. Адрианъ и Антонины, сострадая объ участи невольниковъ, приняли ихъ подъ покровительство законовъ. Право отнимать у нихъ жизнь, которое частные люди столь долгое время употребляли во зло, предоставлено было однимъ властямъ гражданскимъ. Невольникъ, доказавшій, что съ нимъ поступали без-

человѣчно, дѣлался свободнымъ, или могъ, по крайней мѣрѣ, перейти къ другому господину. Надежда вышши нѣкогда изъ неволи служила нѣкоторымъ утѣшеніемъ, которое услаждало участь осужденнаго судьбою на рабство: нѣрѣдко послѣ нѣсколькихъ годовъ усердной службы ихъ освобождали, и они приобрѣтали чрезъ то право вступать въ то самое общество, коего господинъ ихъ былъ членомъ. Между тѣмъ прежде, чѣмъ опущенной на волю могъ въполнѣ воспользоваться симъ преимуществомъ, гражданская власть должна была торжественно одобрить его освобожденіе; и даже послѣ сего онъ еще не участвовалъ въ почестяхъ гражданскихъ и военныхъ; слѣды порабощенія изглаживались совершенно не прежде 3го и 4го поколѣнія. Никогда съ точностію не было опредѣлено число невольниковъ, въ Имперіи находившихся; мы замѣтимъ только, что при Августѣ одинъ опущенникъ, весьма много поспрадавшій въ своей собственности во время междоусобій, оставилъ по смерти 4116 невольниковъ; изъ чего ясно видно, что число ихъ вообще было значительно. Но не менѣе сильное доказательство ихъ многочисленности есть и то, что, когда нѣкто совѣщивалъ дать невольникамъ опличительное одѣяніе, то предложеніе его по тому поль-

ко не приняли, что боялись открыть рабамъ ихъ число, и ознакомить ихъ слѣдовательно съ своими силами.

Не менѣе прудно опредѣлить съ точностію число подданныхъ Римскихъ; во время Клавдіева Цензорства Римскихъ гражданъ считалось до 6,945,000; если положить, что по спольку же было и женъ и дѣтей, то всего выдетъ по крайней мѣрѣ 20,000,000 душъ. Въ областяхъ было вѣроятно вдвое болѣе жителей, и число рабовъ равнялось конечно числу свободныхъ, а по тому вся населенность простиралась до 120,000,000; но сіе изчисленіе, равно какъ и другія такого же рода, основаны на однихъ догадкахъ и предположеніяхъ.

Различные народы, привыкшіе къ повиновенію, въ послѣдствіи смѣшались въ одно большое семейство, и побѣжденные опказались опъ надежды и даже желанія возвратить свою независимость. Внѣшній миръ и внутреннее спокойствіе призывали Римлянъ украсить цвѣтами гражданственности и образованности дикія страны, войною приобрѣтенныя. Государи и народъ, освобожденные опъ трудовъ военныхъ, посвящали свои досуги и сокровища на изцѣленіе золь, нанесенныхъ странамъ, кои долговременная брань опустошала огнемъ и мечемъ. Рука времени

и варваровъ не изгладила совершенно славу Римскаго великолѣпія, и развалины, разсѣяныя по всей Италіи, долго свидѣтельствовали о богатствѣ и славѣ властителя міра. Храмъ Марса и Юпитера, портики Ливіи и Октавіи, публичныя книгохранилища, доказывающъ разборчивость Августаго вкуса въ Зодчествѣ. Высокой гений его друга Агрипы является въ безсмертномъ памятникѣ Пантеона. Бережливость Веспасіанаго успунила похвальному желанію украситъ столицу; зданія временъ Траяновыхъ доказываютъ силу его Гения. Адрианъ не только покровительствовалъ искусствамъ, но самъ былъ художникъ. Антонины ободряли Зодчество и Ваяніе не менѣ наукъ и Философіи. Примѣръ Государей возбудилъ щедрость и въ частныхъ людяхъ. Изъ писемъ Плинія видимъ, что граждане ставили себѣ за честь участвовашъ въ трудахъ, на пользу общественную принимаемыхъ; одни служили обществу дарованіями, другіе дѣлали значительныя пожертвованія. Повѣствуя, что Иродъ Апшикъ, простой гражданинъ Римскій пожертвовалъ на сооруженіе водопровода въ Троадѣ денежную сумму, равную 2,400,000 Турскихъ Ливровъ. Развалины Спидія въ Аѳинахъ доказываютъ его вкусъ и великолѣпіе; между шѣмъ какъ купаль-

ни, театры и храмы, возобновленные и украшенные на его щепъ въ Коринфѣ, Дельфахъ и Термопилахъ свидѣтельствуютъ о неизчерпаемости его сокровищъ. Въ республикахъ Римской и Аѳинской, дарованія художника и богатства Гражданина посвящались на украшеніе общественныхъ зданій, и величіе ихъ составляло приятную проптивуположность съ простотою частныхъ домовъ. Въ великолѣпнѣ храмовъ особенно Римляне превосходили себя самихъ; сокровища, ихъ украшавшія, свидѣтельствуютъ о набожности народной. Римъ, упратавивъ свободу, сохранилъ еще высокія идеи, которыя во времена республики были душою его предпріятій, и зданія, сооруженныя при Императорахъ, носятъ на себѣ оппечатокъ оппашка свободы. Добродѣтельнѣйшіе Императоры являли свое величіе въ памяникахъ, которые они воздвигали славу народной и смѣлые чертежи Римскаго Зодчества украшались превосходнѣйшимъ Греческимъ ваяніемъ и живописью. Траянова площадь была четырёхугольная; ее окружалъ портикъ, посреди возвышался мраморной столпъ во 110 футовъ, на которомъ съ точностію изображены были подвиги сего Государя въ Дакии; высота столба равнялась совершенно высотѣ горы, которую дол-

и варваровъ не изгладила совершенно славу Римскаго великолѣпія, и развалины, разсѣянныя по всей Италіи, долго свидѣтельствовали о богатствѣ и славѣ властителя міра. Храмъ Марса и Юпитера, портики Ливіи и Октавіи, публичныя книгохранилища, доказывающъ разборчивость Августаго вкуса въ Зодчествѣ. Высокой гений его друга Агрипы является въ безсмертномъ памятникѣ Пантеона. Бережливость Веспасіанаго успунила похвальному желанію украситъ столицу; зданія временъ Траяновыхъ доказываютъ силу его Гения. Адрианъ не только покровительствовалъ искусствамъ, но самъ былъ художникъ. Антонины ободряли Зодчество и Ваяніе не менѣ наукъ и Философіи. Примѣръ Государей возбудилъ щедрость и въ частныхъ людяхъ. Изъ писемъ Плінія видимъ, что граждане ставили себѣ за честь участвовашъ въ трудахъ, на пользу общественную принимаемыхъ; одни служили обществу дарованіями, другіе дѣлали значительныя пожертвованія. Повѣствуютъ, что Иродъ Апшикъ, простой гражданинъ Римскій пожертвовалъ на сооруженіе водопровода въ Троадѣ денежную сумму, равную 2,400,000 Турскихъ Ливровъ. Развалины Спидія въ Аѳинахъ доказываютъ его вкусъ и великолѣпіе; между шѣмъ какъ купаль-

ни, театры и храмы, возобновленные и украшенные на его щепъ въ Коринфѣ, Дельфахъ и Термопилахъ свидѣтельствуютъ о неизчерпаемости его сокровищъ. Въ республикахъ Римской и Аѳинской, дарованія художника и богатства Гражданина посвящались на украшеніе общественныхъ зданій, и величіе ихъ составляло приятную проптивуположность съ простотою частныхъ домовъ. Въ великолѣпнѣи храмовъ особенно Римляне превосходили себя самихъ; сокровища, ихъ украшавшія, свидѣтельствуютъ о набожности народной. Римъ, утративъ свободу, сохранилъ еще высокія идеи, которыя во времена республики были душою его предприятий, и зданія, сооруженныя при Императорахъ, носятъ на себѣ оппечатокъ оппашка свободы. Добродѣтельнѣйшіе Императоры являли свое величіе въ памятникахъ, которые они воздвигали славу народной и смѣлые чертешки Римскаго Зодчества украшались превосходнѣйшимъ Греческимъ ваяніемъ и живописью. Траянова площадь была четырехугольная; ее окружалъ портикъ, посреди возвышался мраморной столпъ во 110 футовъ, на которомъ съ точностію изображены были подвиги сего Государя въ Дакии; высота столба равнялась совершенно высотѣ горы, которую дол-

женствовало срыть для сооруженія онаго. Остановимся на сихъ огромныхъ зданіяхъ, копорыя удерживали рѣки въ ихъ руслахъ; польза, прочность и смѣлость спавяшъ ихъ на ряду съ изящнѣйшими памятниками Генія и могущества Римскаго. Водопроводы столицы во всѣхъ отношеніяхъ заслуживають преимуществво; но пустыни Африки и Аравіи были наполнены городами, копорые населеніемъ, даже бытіемъ своимъ, обязаны были симъ искусственнымъ потокамъ чистой воды, всегда гошовой удовлетворяшъ ихъ потребностямъ. Мы говорили о народонаселеніи Имперіи, и удивлялись великолѣпію общественныхъ зданій; намъ остается упомянуть о числѣ городовъ и величинѣ ихъ; но перемѣшанные, разсѣянные опрывки исторіи, касательна сего предмета, служатъ невѣрнымъ руководствомъ въ изслѣдованіяхъ; насъ можетъ ввести въ заблужденіе щеславіе бытописателей и бѣдность самаго языка. Увѣряють, что въ древней Италіи считалось 1197 городовъ; какова ни была населенность ея при Антонинахъ, но мы должны полагать, что она не была менѣе шой, копорая существовала въ предыдущія столѣтія. Остатки Вероны свидѣтельствуютъ еще о великолѣпн сего города; между шѣмъ Верона была извѣстна

менѣ Аквилеи, Падуи, Медиолана и Равены.

Великобританія вышла уже изъ мрака и невѣжества, въ коихъ погружена была споль долгое время; Горкъ сдѣлался средоточіемъ управленія, и въ немъ Императоръ Северъ испустилъ послѣднее дыханіе; Лондонъ пользовался щасливимъ положеніемъ своимъ для торговли, и Батъ не менѣ шеперешняго славился цѣлебными водами. Тысяча двѣсти городовъ процвѣтало въ Галліи; однако, судя по погдашнему жалкому сослояннію Парижа, кажется, что сѣверныя области Имперіи не достигали еще высокой степени благоденствія; токмо южныя соспязались въ красотѣ и великолѣпн съ Италією. Марсель, Арль, Нимъ, Нарбонъ, Тулуза, Бордо, Ошень, Виень, Ліонъ, Лангръ и Тревы были уже знамениты, и ихъ погдашнее сослоянніе ни въ чемъ не различалось отъ нынѣшняго. Въ Испаніи, одни остатки древности, одни развалины прежняго великолѣпія ея, возбуждають любопытство и удивленіе спрашника, и вниманіе его не развлекають новѣйше памятники сей обширной Монархіи. По словамъ Плинія, 360 городовъ процвѣтало въ Испаніи при Веспасіанѣ, и описаніе, копорое онъ имъ дѣлаеть, доказываетъ истину его сказанія; 300 городовъ въ

Африкѣ были подвластны Кароагену; невѣроятно, чтобы число оныхъ уменьшилось при Императорахъ. Въ Азіи кочующій Бедуинъ и угнѣняемый поселянинъ находятъ еще убѣжище въ развалинахъ древности; и сіи варвары, опустошители вселенной, сохранили памь охъ разрушенія древніе памятники, коихъ слѣды и теперъ еще видны. Пять сохъ великолѣпныхъ городовъ процвѣтало въ сей части земнаго шара: Пергамъ, Смирна, Эфезъ, долго спорили о первенствѣ. Антіохія и Александрія, столицы Сиріи и Египта, мало уступали державному величію Рима. Всѣ сіи города сообщались между собою и съ столицею Имперіи прекрасными дорогами, копорыя содержались въ исправности съ величайшимъ раченіемъ. Столпы означали разстояніе, между шѣмъ, какъ прорышья горы, мосты, смѣлою рукою воздвигнутые надъ рѣками, сокращали оное. Все это не только дозволяло беспрепятственно сношиться между собою, но и облегчало движенія самихъ легионовъ, предметъ, на которой Римляне обращали шѣмъ большее вниманіе, что привыкли считать себя тогда только совершенными властелинами области, когда могли легко проникать въ нее различными путями. Учрежденныя по большимъ дорогамъ почты, въ короткое время из-

вѣщали Государя обо всемъ, что происходило въ Имперіи, и быстро разносили его повѣленія. На каждыхъ двухъ французскихъ миляхъ стояли ямы; на нихъ содержали до 40 лошадей; по всякой дороге можно было въ день пробѣжать 30 французскихъ миль; но для путешествія на почтовыхъ, требовалось позволеніе охъ правительсва; ибо лошади содержались единственно для общественной потребности. Оспійская гавань, вырытая по повѣленію Клавдія, при устьѣ Тибра, принадлежишь къ полезнѣйшимъ памятникамъ щедрости Императоровъ; она находилась охъ Рима въ пяти французскихъ миляхъ. При благоприятномъ вѣтрѣ изъ сей гавани можно было въ 7 дней достигнуть столповъ Геркулесовыхъ, нынѣшняго Гибралтарскаго пролива, въ 9 или 10 сутокъ бышь въ Александріи въ Египтѣ. По этому сообщенію морское не уступало въ удобности сухопутному.

Долгое время Востокъ исключительно обладалъ произведеніями, питающими роскошь и искусства; они постепенно переносимы были въ западныя части Европы. Скоро начали здѣсь упражняться въ земледѣліи; военные обычаи дикаго варварства уступили занятіямъ сельскаго домоводства и промышленности, которая овладѣла всѣми умами. Почти всѣ цвѣтши,

плоды, благовонныя и врачевныя травы, украшающіе нынѣ сады въ Европѣ, были вывезены изъ странъ иноземныхъ. Сицилія производила вина во времена Гомеровы, но напитокъ сей, не будучи усовершеншаемъ искусными дѣлашелями, не имѣлъ ничего приятнаго, между тѣмъ во времена Плинія, Римъ славился превосходными винами. Преимущество сіе вскорѣ распространилось на всю Галлію, и естъ причины полагать, что Бургондскіе виноградники были первоначально разведены въ царствованіе Антониновъ. Оливковыя деревья садили съ такимъ же раченіемъ и успѣхомъ; до того времени они были извѣстны только въ Италіи и Африкѣ, но вскорѣ сдѣлались извѣстны въ Испаніи и Галліи. Ленъ, произведеніе Египетской почвы, начали сѣять и въ другихъ областяхъ Имперіи. Луговья распахивали, особенно Луцерна, доставляли спадамъ изобильной кормъ. Къ симъ преимуществамъ можно присовокупить еще и то, что Римляне особенное вниманіе обращали на рыбную ловлю и на рудокопство: промыслы, которыми занималось значительное число подданныхъ Имперіи, и которые, удовлетворяя роскоши и лакомству богатаго, питали также и бѣднаго.

Съ земледѣліемъ родились и мануфактуры. Грубыя вещества измѣнились въ видѣ; искусство раскрыло въ нихъ новую пользу, и роскошь усилилась. Нѣкоторые Философы почитали утонченіе роскоши не только излишнимъ, но даже весьма вреднымъ благосостоянію Государства. Должно между тѣмъ согласиться, что богачій, стремясь за предметами новыхъ наслажденій, добровольно налагаетъ на себя подать, которая обращается въ пользу промышленнаго ремесленника и искуснаго художника (1). Пока обращеніе денегъ не выходило изъ предѣловъ Имперіи, оно сообщало новую дѣятельность политической машинѣ, и дѣйствія онаго, часто полезныя, никогда не были вредны. Но трудно бы было ограничить роскошь въ Государствѣ, столь обширномъ и сильномъ, какова была Римская Имперія; отдаленнѣйшія страны едва могли удовлетворять великолѣпію и пышности столицы. Скиѣскіе мѣха, Вавилонскіе ковры, янтарь, привозимый сухимъ путемъ съ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Дуная, драгоценныя камни, шелки, благовонныя вещества, произведенія Востока, покупались на вѣсъ золота. Торговля сія не приносила пользы Государству; чрезъ нее Имперія теряла ежегодно звонкой монеты до 19,200,000

ливровъ Турскихъ. Между тѣмъ, сколь ни былъ значительнъ такой ущербъ, но произведенія рудниковъ, вознаграждая оной съ избыткомъ, удовлетворяли нуждамъ торговли (2). Имперія вполне вкушала спокойствіе и изобиліе; области и столица равно наслаждались сими благами, и чувствовали свое щастіе.

Не смотря однако на сей наружной блескъ прочнаго благосостоянія, скрытныя причины, копорыя могли тайнсья опъ взоровъ современниковъ, нечувствительно наклоняли обширное Римское Государство къ паденію и мѣдленно разрушали оное. Продолжительной миръ, однообразное управленіе, тайно оправдали всѣ части Имперіи; не стало ни мужества въ сердцахъ, ни силы, единственнхъ источниковъ великихъ дѣяній; свѣтильникъ генія погасъ, и самой воинственнй духъ испребился; присраспіе къ искусствамъ разлилось по областямъ, и изнѣжило ихъ жителей (3). Великолѣпіе и богатство городовъ, служили приманкою хищности варваровъ, обуздываемой дополь одною силою. Коренные жители Европы были еще и мужественны и сильны, между тѣмъ, какъ народы Италіи, усипленные нѣтою и бездѣйствіемъ, прешали опъ одного звука трубы военной. Испанія,

Галлія, Великобританія и Иллирія снабжали еще леіоны превосходными рапниками, и сіи области составляли надежнѣйшій оплотъ Монархіи; жители оныхъ, сохраняя личную храбрость, упратели между тѣмъ тѣ высокія чувства, копорыя внушаютъ въ челоѣка народная слава, любовь свободы, присутствіе опасности и привычка повелѣвать другими. Законы и управленіе ихъ зависѣли опъ воли Государя для нихъ чуждаго; ихъ охраняло войско наемное. Помощники непобѣдимыхъ вождей, копорые сражались изъ любви къ опечесству, довольствовались простымъ званіемъ гражданъ или подданныхъ. Болѣе честлюбивые изъ нихъ шли ко двору Императоровъ, гдѣ Государь по своей волѣ раздавалъ награды простымъ воинамъ, и являлъ милость полководцамъ. Области, покинутыя, лишеныя той связи, безъ копорой нѣтъ ни политической силы, ни жизни, нечувствительно впали въ равнодушіе ко всему общественному, копорое есть источникъ и предпечя самолюбія, болѣзни нравственной, неисцѣлимой.

Любовь къ наукамъ есть почти неразлучная спутница мира и изобилія; они процѣтали въ царствованіе Адріана и обоихъ Антониновъ, копорые имъ покровительствовали. Во

всей Имперіи начали упражняться въ оныхъ; прелестями краснорѣчія восхищались даже на Сѣверѣ Великобританіи, и пѣсни Гомера и Виргилія раздавались на берегахъ Дуная и Рейна. Греки занимались Физикою и Астрономіею; они читали и удивлялись швореніямъ Птоломея и Галена. Между шѣмъ сіи Геніи древности не передали попомкамъ ни того пламени, ни шѣхъ высокихъ порывовъ, которыми одушевлялись сами; вскорѣ области Липпературы наводнились однѣми холодными и рабскими подражаніями. Въ нихъ изображался немощной духъ того времени; въ разслабленныхъ шѣлахъ жили умы, чуждые творческаго воображенія; воспитаніе однообразное, искусственное и не свойственное кореннымъ жителямъ Италіи, обременяло, такъ сказать, цѣпями ихъ выраженія и самыя мысли, и внушало одно безплодное удивленіе къ высокимъ качествамъ предковъ, съ которыми они не въ силахъ были сравниться. Сей вѣкъ, кромѣ неподражаемаго Лукіана, не произвелъ ни одного писателя, достойнаго жить въ потомствѣ. Платонъ, Аристотель, Зевонъ и Эпикуръ оставались единственными образцами въ училищахъ, и мнѣнію ихъ покорялись всегда съ слѣпою довѣренностію. Самое названіе поэта при-

шло въ забвеніе , и хитрые софисты за-
спунили мѣсто краснорѣчивыхъ вишій.

Въ половинѣ 3 вѣка, по Христіанскому
лѣтосчисленію , выпранный Лонгинъ , ро-
дившійся на Воспокѣ , жившій подь само-
державіемъ , но одаренный геніемъ высо-
кимъ , не соопрѣтспивующимъ ни породѣ
его, ни положенію, оплакивалъ повсемѣсп-
ной разврашъ , которой уничижалъ его
современниковъ , разслаблялъ ихъ муже-
спво, подавлялъ семена дарованій. „ По-
„ добно дѣшямъ, говоришь онъ , которыя
„ опъ долговременнаго сжашія членовъ на
„ всегда оспаюпся немощными, души наши,
„ обремененныя однажды цѣпями предраз-
„ судковъ и неволи, неспособны бывають
„ возвышашься. Никогда не поспигнушь
„ онѣ испиннаго величія , которому мы
„ споль много удивляемъ въ древнихъ ,
„ кои живя подь республиканскимъ прав-
„ леніемъ , писали и дѣйспвовали съ рав-
„ ною свободою.“

Слѣдуя сей метафорѣ , родъ человѣ-
ческой съ каждымъ днемъ понижался
нравспвенно болѣе и болѣе , и подлинно
Римская Имперія была населена пигмея-
ми , когда гордые исполины Сѣвера яви-
лись на поприщѣ исторіи , и сперли съ
лица земли сіе переродившееся поколѣ-
ніе. Они явили доблести и чувства, коихъ
слѣдовъ не оставалось болѣе въ мірѣ , и

послѣ десяти вѣкового переворота съ свободою, возникли снова и вкусъ и науки.

Г Л А В А II.

Состояніе Римской Имперіи въ царствованіе Антониновъ.

Монархія есть государство, въ которомъ одно лицо, въ какомъ бы званіи ни было, исполняетъ законы, управляетъ доходами и повелѣваетъ войскомъ. Въ Римѣ не спало болѣе республиканскаго правленія: необузданное честолюбіе Диктатора ниспровергло оное; жестокая рука Триумвира обагрилась кровію, и одно предубѣжденіе вооружало еще людей противу царскаго достоинства. Послѣ сраженія при Акціумѣ, судьба вселенной зависѣла отъ Октавія, усыновленнаго Цезаремъ, прозваннаго его именемъ и въ послѣдствіи ласкательствомъ Сената украшеннаго титуломъ Августа. Побѣдитель повелѣвалъ 44 легіонами старыхъ воиновъ, которые гордились собственны-

ми силами, презирали слабость республиканскаго правленія, въ 90 лѣтнихъ междоусобіяхъ привыкли проливать кровь согражданъ, дѣлать насилія всякаго рода, и наконецъ душою были преданы дому Цезаря, которой осыпалъ ихъ наградами, и отъ коего ожидали они еще новыхъ, большихъ щедротъ. Области, уже давно угнѣбаемыя наместниками мятежной республики, спраспно желали единодержавія, въ которомъ бы одно лицо было господиномъ, но не сообщникомъ сей толпы мѣлкихъ тирановъ. Народъ Римской, радуясь впасть паденію Аристократіи, требовалъ токмо хлѣба и зрѣлищъ; онъ пѣлся щедростію Августа, которой снѣшилъ удовлетворять его желанія и вкусу. Почти всѣ богатѣйшіе жители Италіи были послѣдователями Эпикура; они вкушали мирныя радости и блаженное спокойствіе, не заботясь нимало о древней бурной свободѣ, которой воспоминаніе одно могло возмутить приятной сонъ жизни, посвященной наслажденію. Большая часть знатнѣйшихъ Римскихъ родовъ пресѣлась; ревностные республиканцы, которые могли спасти государство, погибли въ междоусобіяхъ; нѣкоторые уцѣлѣли среди волненія, не имѣли ни власти, ни силы. Римскій Сенатъ, издревль знаменитый мудростію,

былъ наполненъ людьми, собранными случайно; ихъ не только неукрашало высокое званіе Сенаторовъ, но они даже унижали оное своимъ поведеніемъ.

Августъ, не опасаясь болѣе личныхъ враговъ, рачительнымъ преобразованиемъ Сената, явилъ намѣреніе бытъ опцемъ, но не пираномъ своего опечества. Будучи избранъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Агриппою въ Цензоры, онъ пересмотрѣлъ списокъ Сенаторовъ, исключилъ изъ него тѣхъ, коихъ пороки или упорность требовали примѣрнаго наказанія; около двухъ сотъ убѣдилъ онъ добровольною опспавкою предупредить позоръ изгнанія. По опстановлено было, чтобы никто не могъ сдѣлаться Сенаторомъ, не будучи владѣльцомъ имѣнія цѣною въ 200,000 ливровъ. Новыя фамиліи Паприціевъ замѣнили древнія, погибшія въ междоусобіяхъ. Наконецъ происками своими Августъ приобрѣлъ почешное названіе Главы Сената, которое Цензоры давали токмо гражданину знаменишому предъ другими своимъ вліяніемъ и заслугами. Августъ, принимая оное, какъ бы невольню уступалъ желанію сонма, имъ самимъ составленнаго. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой чешлолюбіе скрывалось подъ личиною патриотизма. „Оплакивалъ, даже оправдывалъ свое прежнее поведеніе; говорилъ,

„ что сыновняя любовь требовала отъ
„ него опмщенія за убійство опца; что
„ его челювѣколюбіе принуждено было
„ уступать иногда жестокимъ законамъ
„ необходимости, и онъ для спасенія республики, угрожаемой Антоніемъ позорнымъ игомъ власши недостойнаго гражданина и Царицы варварскаго народа, нашелся вынужденнымъ соединиться съ поварищами недостойными; что нынѣ будучи свободенъ удовлетворить своему долгу и наклонности, онъ шоржеспвенно возвращаетъ Сенату и народу первоначальныя ихъ права; одно его желаніе всшунить въ званіе простаго гражданина, и шамъ раздѣлять со всѣми благосостояніе, которымъ наслаждается опечество.“ Каково бы ни было дѣйствительное разположеніе Сената къ Августу, но онъ могъ еще раздѣлиться во мнѣніи и колебаться между выгодами монархіи и республики; со всѣмъ тѣмъ онъ опшвѣчалъ Императору единоголосно и рѣшишельно. Не принявъ власши возвращаемой Августомъ, и заклиналъ его не покидать республики, имъ спасенной. Сначала искусной пиранъ пришворно опвергалъ ихъ просьбы; наконецъ, какъ бы противъ воли покорился желанію Сенаторовъ. Онъ согласился войти въ управление обласшей, и принявъ общее на-

чальство надъ войскомъ Римскимъ въ качествѣ Проконсула и Императора; но объявилъ, что приемлетъ власть сію только на десять лѣтъ. Подобная борьба припворной умѣренности Государя съ безпредѣльнымъ усердіемъ и довѣренностію Сенапоровъ, повторялась нѣсколько разъ при жизни Августа, и память объ ней сохранилась до послѣднихъ временъ Имперіи. Римскіе Государя всегда торжественно праздновали десятой годъ своего царствованія.

Римской полководецъ пользовался неограниченною властію надъ воинами. Диктаторъ или Консуль могли конечно заставитъ юнаго Римлянина вступить въ военную службу, но сей послѣдній, находясь въ лагерѣ подчинялся власти полководца, которой могъ, не нарушая коренныхъ постановленій, произвольно располагать воинами, непріятелями и даже подданными республики. Поступки его не подчинялись никакой опредѣленной формѣ; онъ судилъ окончательнo виновныхъ, воля его была закономъ. Законодательная власть указывала обыкновенно враговъ, съ коими республикѣ воевать должно было; но въ странахъ весьма отдаленныхъ отъ Италіи полководцы не ждали высочайшаго повелѣнія объявлять войну народу, и дѣйствовали такъ, какъ имъ

казалось сообразнѣе съ пользою общественною. Они столь же произвольно располагали и плодами побѣды; власть ихъ въ такихъ случаяхъ была неограниченна, особенно когда они освободились отъ надзора повѣренныхъ Сенапа. Помпей, управляя Азіею, дѣлилъ царство, заводилъ поселенія, и отпрѣшалъ Государей отъ престола. По возвращеніи въ Римъ, Сенапъ и народъ однимъ опредѣленіемъ утвердили всѣ его мѣры. Такова была власть полководцевъ надъ рапниками и даже надъ завоеванными областями, гдѣ они завѣдывали дѣлами военными и гражданскими, отправляли правосудіе, управляли доходами, писали законы и исполняли ихъ.

Такъ какъ Августу не возможно было самому начальствовать надъ легионами, расположенными по границамъ областей отдаленныхъ; то онъ испросилъ позволеніе ввѣрять свою власть особеннымъ сановникамъ. Сіи послѣдніе были предшавителями Императора, единственнаго полководца республики, коего гражданская и военная власть простиралась на всѣ Римскія владѣнія. Одинъ только Римской рыцарь удостоился префектуры Египетской. Впрочемъ, за исключеніемъ сего случая, честь управлять областями

и предводительствовать войскомъ, была предоставлена членамъ Сената.

Августъ, принявъ власть, которою его облакали, рѣшился польстить тщеславію Сената, и подчинилъ спокойнѣйшія и надежнѣйшія области управленію гражданскихъ чиновниковъ. Въ раздѣлѣ сихъ областей онъ даровалъ Проконсуламъ, Сенатомъ выбраннымъ, почетное первенство предъ чиновниками, представителями его собственной власти; но въ то же самое время закономъ опредѣлено было, чтобы присутствіемъ Императора въ какой бы то ни было области прекращалась всякая другая. Новыя завоеванія обращены были въ помѣстья Императорскія, и власть Государя равномерно распространилась на всѣ части Имперіи. Ему позволено было въ самой столицѣ имѣть опрядъ шѣлохранищелей и вмѣствъ начальствовать надъ войскомъ Имперіи. Не смотря на власть свою, Августъ могъ дѣйствительно повелѣвать только одними гражданами, которые, согласно съ обычаемъ, обязались въ службѣ порожесвеннымъ общаніемъ; но рыцари, чиновники и Сенаторы такъ приспосадились къ неволѣ и такъ ревновали безславія, что спѣшили дать кляшву, которая подчиняла ихъ слѣпому повиновенію.

Хотя Августъ на войскѣ основалъ свое владычество, и почиталъ его надежнѣйшею опорою; онъ предпочелъ однако властвовать въ почетномъ званіи гражданского сановника. Въ одно время сдѣлавшись Консуломъ и Трибуномъ, онъ въ лицѣ своемъ соединилъ всѣ разсѣяныя отрасли власти гражданской. Обязанность Консула состояла первоначально въ надзорѣ за соблюденіемъ обрядовъ религіи, въ наборѣ и начальствѣ надъ войскомъ, въ сношеніяхъ съ государствами союзными и иностранными, наконецъ въ управленіи финансами. Трибуны были представителями народа, и могли однимъ словомъ: *НЕ ПОЗВОЛЯЮ*, остановить каждую мѣру правительствва. Званіе первосвященника и цензора не ускользнули отъ дѣятельнаго Августова властолюбія; первое дѣлало его блюстителемъ уставовъ вѣры, другое нравовъ и имущества народа Римскаго. Наконецъ, чтобы довершить чудовищное соединеніе всѣхъ властей въ десницѣ одного, уполномочили Императоровъ дѣлать все, что они сочтутъ выгоднѣе для Имперіи и приличнѣе достоинству законовъ, правительства и религіи.

Когда всѣ отрасли управленія обрѣли главу Императоровъ, тогда сановникамъ республики осталась одна шѣль прежней

власти, одні почешныя шпта безъ существеннаго достоинства и силы. Августъ рачительно сохранялъ всѣ прежнія формы. Каждой годъ выбирали поже число Консуловъ, Преторовъ и Трибуновъ, копорые исполняли самыя маловажныя должности ихъ званія, и не имѣли между тѣмъ ни малѣйшей силы. Но сіи почести льстили щеславію Римлянъ, и легкомысленной народъ величался ими. Императоры, чшобы званіямъ симъ придашь большую важность, не гнушались сами раздѣлять ихъ съ своими подданными. Августъ, изъ робости или прищворной умѣренности согласился на то, чшобы народъ пользовался преимуществомъ дѣлать выборы. Между тѣмъ, пишущъ, что онъ присовѣщовалъ Тиверію передать Сенату право на выборы. Собранія народныя были навсегда опмѣнены, и Государи переспали спрашиться порывовъ толпы опасной, копорая въ надеждѣ возстановить республику, могла потрясти новое правительствво, а можетъ быть, нанести государству смертельные удары, ибо движенія народныя всегда пагубны шамъ, гдѣ нѣтъ ни нравовъ, ни патриотизма.

На преимуществахъ и достоинствахъ Сената Августъ и преемники его основали свое владычество; сословіе сіе спра-

ведливо казалось имъ орудіемъ болѣе массы народной покорнымъ; а пошому они во всякомъ случаѣ старались говорить языкомъ патриціевъ; повелѣвая, внимали часто мнѣнію верховнаго совѣта націи, и щеславные, легкомысленные Сенаторы радовались пому, что ушрашивъ право рѣшать дѣла, могли еще одобшивать, соглашались на мѣры. Римъ, Италія, и внутреннія области соспоали подъ непосредственнымъ управленіемъ Сената; онъ окончательно рѣшалъ всѣ дѣла гражданскія, и въ опправленіи правосудія находилъ занятіе равно обширное и достойное. Важнѣйшія шяжки опкрывали блестящее поприще вишійству. Здѣсь геній краснорѣчія имѣлъ послѣднее убѣжище. Сенатъ судилъ мздоимныхъ чиновниковъ и преступленія, копорыя нарушали спокойствіе, безопасность и величество народа; въ качествѣ законодательнаго сословія, онъ считался представителемъ націи, пользовался по наружности верховною властію, и декреты его ушверждали силу законовъ. Разсуждая о дѣлахъ правленія, Императоры принимали шшло Сенаторовъ, и подавали свои голоса на ряду съ другими; рачительно скрывая опъ народа свое могущество, они принимали видъ исполнителей воли Сената, и повиновались верховнымъ ве-

лѣніямъ, которыя они сами подъ рукою внушали въ покорныхъ законодательяхъ.

Дворъ Римскихъ Государей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ безстыдныхъ пирановъ, согласовался въ устройствѣ съ правилами благопристойности и умѣренности; въ немъ не было великолѣпія и наружнаго блеска; Государя жили съ подданными, посѣщали ихъ и принимали ихъ приглашенія. Дворецъ, столяръ, одѣжда Императорская, ни чѣмъ не отличались отъ жилища, стола и одѣжанія богатѣйшихъ гражданъ. Домашніе ихъ состояли изъ невольниковъ и опущенныхъ на волю; Августъ и Траянъ съидились бы употребить въ услуженіе послѣдняго Римскаго гражданина. Между тѣмъ, сколь Государя сіи неказались доселѣ выше наружнаго блеска величія, но они не могли однако защититься себя отъ безбожныхъ ласкательствъ, свойственныхъ Воспочнымъ народамъ. Преемниковъ Александра первыхъ начали тамъ боготворить. Римскіе намѣстники въ Азіи, преемники ихъ власти завладѣли дворцами ихъ, и присвоили также алтари и храмы имъ посвященные. Естественнo, что Императоры не отвергли почестей, принимаемыхъ Проконсулами; но злоредной яды лести быспро разлился по областямъ и достигъ столицы. Юлій Цезарь нибѣль

слабость еще при жизни своей согласиться на то, чтобы его причислили къ богамъ хранителямъ Рима. Дѣйствительная или прихворная скромность заставила преемника его опказаться отъ сей опасной почести, и въ послѣдствіи одинъ безумной Калгула и безбожной Домиціанъ желали храмовъ и поклоненія. Между тѣмъ Сенатъ имѣлъ обычай торжественно включать въ число боговъ каждаго умершаго Государя, копорой при жизни своей не былъ пираномъ. Понятія язычества допускали это, хотя въ глазахъ христіанина, боготвореніе челоука есть нарушеніе святыни; но добродѣтели Антониновъ, конечно, заслуживали народное поклоненіе тамъ, гдѣ каждой день курился неугасимой фиміамъ на алтаряхъ, порокамъ Зевса и Алкида посвященныхъ.

Основатель Императорскаго правленія былъ челоукомъ произхожденія незнашнаго; онъ родился въ небольшомъ городѣ Ариціи, и назывался Окшавіемъ. Усыновленный дядею, прозвалъ себя Цезаремъ. Но имя Окшавія было омрачено ужасами Тріумвирашства, а имя Цезаря живо напоминало безпредѣльное честолюбіе Дикшатора. Въ Сенатѣ предложили дать новое шило правителью Государства, и, послѣ весьма важнаго разсужденія, наимено-

вали его Августомъ; шило это казалось приличествовало мирнымъ наклонностямъ и умѣренности, которыхъ личину хитрый честолюбецъ на себя принималъ. Личное шило Августа и названіе Цезаря, присвоенныя семейству Императорскому, не умерли съ первымъ Императоромъ; вскорѣ шило сіи соединены были неразрывно между собою, и долго сохранялись преемниками Имперіи. Между шимъ соблюдали слѣдующее различіе: шило Августа давали одному Монарху, но шило Цезаря означало фамилію и преимущественно наследника престола.

И. Августъ, холодный и нечувствительный сердцемъ, рано надѣлъ личину прищворства и не покидалъ ее до смерти. Добродѣтели и пороки его были искусственны; личная выгода вооружила его сначала противъ республики, она же заставила его послѣ бытъ ея покровителемъ; шѣ же причины, которыя побудили его добровольно опказаться опъ нѣкоторой части своей власти, внушили въ него прищворное уваженіе къ свободнымъ постановленіямъ республики. Онъ старался обмануть народъ, являя ему шѣнь свободы, а войско привести въ заблужденіе пышною картиною гражданскаго правительствва. Опасенія заставили его скрывать подъ личиною умѣренности

яестной санъ Императорской. Смерть Цезаря не покидала его воображенія; преданность легионовъ конечно защитила бы его опъ немощныхъ усилій явнаго возмущенія, но какая бдительность могла укрыть опъ кинжала смѣлаго республиканца? Цезарь наружнымъ блескомъ владычества приготовилъ судьбу свою; подъ именемъ Консула или Трибуна онъ могъ бы властвовать спокойно и безопасно, между шимъ какъ одно шило Царя пробудило духъ республиканской. Августъ, сколько ни алкалъ власти, но утрашился судьбы родственника, и избѣгалъ его нескромнаго щеславія. Обманчивой наружности свободы довольно было для немощнаго Сената и народа изнѣженнаго. Смерть Калигулы, Нерона, Домициана, не была дѣйствіемъ оной, но плодомъ ужаса, сими чудовищами внушеннаго. Убіиство Калигулы, совершенное опважною рѣшимостию Херея, казалось оживило на время еще неохладѣвшій духъ вольности; Консулы созвали собраніе Сената въ столицѣ, предали память Цезарей проклятію, и съ нѣсколькими которшми, которыя, казалось, хотѣли раздѣлить ихъ предпріятіе, провозгласили древнюю свободу. Но преторіанцы, надмѣнные спражи Императорскаго трона, подавили преждевременной порывъ республиканства. Его

нестало, и Клавдій явиль при семь случаѣ свою умѣренность, просилъ великодушно виновныхъ, и имѣлъ благоразуміе предати забвенію поспуки, за копорыя могъ бы мспити жестоко.

Августу угрожала опасность несравненно большая всѣхъ шѣхъ, копорыя онъ дошолъ ошклонялъ споль успѣшно; она состояла въ необузданности самага войска, на копорое нельзя было совершенно положишься. Похищая верховную власть, Августъ явиль воинамъ примѣръ нарушенія Государственныхъ постановленій; онъ былъ уже разъ свидѣтелемъ и едва не жертвою ихъ мятежнаго изступленія, и прешпалъ ошъ спраха, что немогъ смити ихъ буйштва, бывши самъ долгое время виновникомъ онаго. Августъ принялъ благое намѣреніе возстановити подчиненность во всей ея спрогоспи, и общее предубѣжденіе въ пользу величества и знаменитости Сенапа, облеченнаго наружнымъ блескомъ могущества и посшавленнаго ошъ него посредникомъ, между нимъ самимъ и войскомъ, содѣйствовало много къ утвержденію его власти на прочномъ основаніи и къ безусловному повиновенію легионовъ. Сии благоразумныя и хитрыя мѣры удаляли до самой смерти Коммодовой опасности, неразлучныя съ военнымъ самовластіемъ. Въ крашк-

временныя царствованія Гальбы, Отона и Випелія народъ Римской испышалъ бѣдствія ошъ честолюбія войскъ: каждое хотѣло возвести на престоль избраннаго имъ Государя, но за исключеніемъ сего времени прошекло около двухъ сотъ лѣтъ безъ всякихъ междоусобій; перевороты, воспослѣдовавшіе послѣ смерти Калигулы и Домиціана, не выходили изъ предѣловъ столицы. Легионы рѣдко оскорбляли Императоровъ неповиновеніемъ и своевольствомъ, но Государи знали мятежной духъ ихъ, и спѣшили за ранбе раздѣлять власть съ наслѣдниками престола. Августъ возложилъ послѣднія надежды свои на Тиверія, усыновилъ его и доставилъ ему званіе Цензора и власть Трибуна. Веспасіанъ раздѣлилъ правленіе съ Государемъ, коего любезныя качества засшавляли забыть его незнашное происхождение, и навсегда прославили родъ Флавіевъ. Типовы добродѣтели оправдали вполнѣ выборъ Императора, и Римляне въ крашкременное царствованіе его наслаждались мгновеннымъ благоденствіемъ.

Преклонныя лѣта и слабость сложенія Нервы подали случай къ возвышенію Траянову, и безсиліе прешарѣлаго Императора находило опору въ крѣпости шѣла и дѣятельности духа усыновленнаго имъ

наслѣдника. Мудрое управленіе и военныя доблести Траяна, царствовавшаго надъ Римомъ во времена, споль опть насъ опдаленныя, возбуждають и шеперь къ нему почтеніе и заспаввляють удивляпсья. Но патріотизмъ Нервы превосходитъ всякую похвалу; ибо онъ, по движению собственнаго сердца, выбралъ въ преемники челоѵка чуждаго, предпочишая благо Имперіи выгодамъ родспвенниковъ, естеспвенныхъ своихъ наслѣдниковъ. Нѣкоторые Испорики полагають, что Траянъ не имѣлъ намѣренія усыновитъ племянника своего Адріана въ наслѣдіе престола; но Императрица Плотина успѣла происками своими преодолѣть нерѣшимельность своего мужа, и расположила его въ пользу племянника, либо предъявила усыновленіе подложное, и Адріанъ былъ облеченъ властію, которую Траянъ будпо бы завѣщаль ему пропиевъ своей воли. Адріанъ исправилъ законы, поддержалъ военную подчиненность во всей силѣ, самъ посѣщаль обласпи, и даровалъ Государспву миръ и постоянное благоденспвіе. Его упрекають однако въ смерти чешырехъ Сенапоровъ, которыхъ онъ въ началѣ своего царствованія, считаая личными своими врагами пошому шолько, что общее мнѣніе находило ихъ достойными престола, приказаль умершвишь. При

концѣ жизни жестокая и шягостная болѣзнь перзала его члены, и сдѣлала изъ него пирана безчеловѣчнаго и своенравнаго. Красивая наружность Елія Вера доспавила ему дружбу Императора; онъ усыновилъ его въ наслѣдники; но ранняя смерть, похипивъ сего сладоспрасшнаго вельможу, вскорѣ послѣ возвышенія его на спепень Цезарей, подала Адріану случай сдѣлать выборъ доспойнѣйшій, и еще разъ ушвердилъ благососпояніе Римлянъ усыновленіемъ Анпониновъ. Анпонинъ благочеспивый изъ признапельности усыновилъ сына Верова, и въ послѣдспвіи сдѣлалъ его участникомъ власпи Марка Аврелія. Порочной Веръ имѣлъ одну шолько добродѣтель: слѣпое уваженіе къ доспойнспвамъ своего соправителя, копорому оспавлялъ шягостную заботу управленія, чтошбы самому свободнѣ предавался забавамъ. Мудрый Императоръ не обращаль вниманія на поведеніе Верова, оплакаль смерть его и покрыль завѣсою его памяшь.

Адріанъ желая похвальнымъ дѣломъ возвратишь пошерю, которую потерпѣлъ въ общественномъ мнѣніи, рѣшилъ заслужишь признапельность подданныхъ возведеніемъ на престоль гражданина наиболѣе доспойнаго ихъ уваженія. Проницательный Государь скоро замѣшилъ пя-

пидесятилѣтняго Сенатора отличныхъ свойствъ, чистѣйшей правспвенности и семнадцатилѣтняго юношу, коего благонадежный и рѣшительный характеръ предвѣщаль будущаго, всѣми доблестями украшеннаго мужа. Адрианъ усыновилъ перваго въ наслѣдники престола съ тѣмъ однако, чшобы онъ усыновилъ послѣдняго.

Анпониъ благочеспивый имѣлъ двухъ сыновей, но любилъ Римъ болѣе своего семейсва. Выдавши дочь свою Фавспину за Марка Аврелія, онъ склонилъ Сенатъ возложитъ на него званіе Проконсула и Трибуна, и сдѣлалъ его участникомъ въ почешныхъ трудахъ правленія. Маркъ Аврелій чшилъ своего благодѣтеля, любилъ его какъ отца, и повиновался какъ Государю. Управляя уже одинъ, онъ шелъ по слѣдамъ предшеспвенника, и дѣйствовалъ по его правиламъ. Сіи два царствованія, продолжавшіяся около сорока двухъ лѣтъ, сосавляютъ можеть бытъ единспвенную эпоху въ Испоріи, когда правительсво имѣло въ виду одно благо и щастіе народное.

Благочеспіе, правосудіе и миролюбіе отличали Типа Анпониина; въ домашней жизни онъ былъ весьма любезень, простъ и чуждъ всякаго припворсва въ обращеніи; чувствительность доброй души

являлась на спокойномъ всегда челѣ его. Добродѣтели Марка Аврелія были несравненно спрое; воспитанный въ правилахъ суровыхъ Споиковъ, онъ рано изучился владѣть собою и почиталъ добродѣтель верховнымъ благомъ, порокъ единымъ зломъ, а всѣ наружныя предметы вещами, незаслуживающими особеннаго вниманія. Среди шума военной жизни онъ учился мыслитъ, и не гнушался преподавать всенародно Философію. Жизнь его вообще была полное и совершеннѣйшее поясненіе правилъ Зеноновыхъ. Онъ былъ спрогъ и неумолимъ для себя самаго, но снисходителенъ къ слабостямъ другихъ; онъ оплакалъ кончину Авидія Кассія, возмушителя Сири, кошорой самоубійствомъ лишилъ его удовольствія лвить ему свое милосердіе. Война въ глазахъ сего добродѣтельнаго Государя казалась бѣдспвіемъ человѣческаго рода; онъ не спрашилъ однако ея опасностей, когда необходимость законной обороны заспавляла обнажать мечъ. Суровость годоватаго времени никогда не оспанавливала его военныхъ дѣйспвій; восемь жестокихъ зимъ провелъ онъ въ спанѣ Римскихъ легіоновъ, на льдиспыхъ берегахъ Дуная. Къ несчастію слабость сложенія тѣла не соопвѣщеспвовала крѣпоспи его духа, и съ печеніемъ времени бремя трудовъ и за-

божь изнурили его силы. Память Аврелия была драгоценна попомству, и долго послѣ его смерти во многихъ домахъ ставили его изображенія вмѣстѣ съ домашними богами. Вѣкъ, протекшій отъ смерти Домиціана до возшествія на престоль Коммода, можетъ справедливо назваться щасливѣйшимъ для рода человеческого (4). Неограниченная власть, стягнѣвшая надъ Римскою Имперіею, смягчалась мудростію и доблестями Государей; чешыре Императора, слѣдовавшіе другъ за другомъ, отправляли правосудіе съ величайшимъ безприсрастіемъ, и удерживали войско въ повиновеніи одною швердостію, умѣряемою кропкою снисходительностію. Формы правленія соблюдались рачительно, свобода царшвовала по крайней мѣрѣ по наружности, и сіи Государи, неограниченные и сильные, почипали сами себя служителями Государства. Они безъ сомнѣнія находили награду трудовъ въ своихъ успѣхахъ и въ удовольствіи созидать общественное благо; но сіе чистѣйшее и благороднѣйшее наслажденіе, безъ сомнѣнія, отправляемо было печальными размышленіями о будущемъ; непостоянство вещей человеческихъ заставляло ихъ справедливо спрашиться перевороша въ существующемъ порядкѣ. Развращенное

юношество, тирань подозрительной, могли нѣкогда употребить во зло шувласть, посредствомъ кошорой они шворили единое добро народу, и въ одинъ часъ разрушить зданіе, стоившее имъ шолыкихъ трудовъ и пожертвованій. Лѣтописи первыхъ царшвованій оправдывали сіи опасенія: жестокой и скрышный Тиверій, слабоумный и бѣшеный Калигула, глупой Клавдій, кровожадный Неронъ, скопоподобный Випелій, и малодушный Домиціанъ, одинъ за другимъ по смерти Августовой угнепали и опустошали Имперію. Въ печеніи почти восьмидесяти лѣтъ Римъ отдохнулъ шолько при Воспасіанѣ и Типѣ. За исключеніемъ кратковременныхъ царшвованій сихъ двухъ Государей, Имперія во все эпо время шенала отъ непрестанныхъ ударовъ самовластія, кошорое явило себя врагомъ добродѣтели и дарованій. Воспоминанія прежней свободы и обширные предѣлы Монархіи для Римлянъ, гонимыхъ тиранскимъ правительствомъ, дѣлали всякое прищесненіе болѣе чувствительнымъ. Сравненіе прошедшаго съ настоящимъ усугубляло шолько ихъ бѣдствія. Незнаемой рабъ Персидскаго Монарха, получивъ внезапно чины и богатства можетъ еще почипать себя рабомъ прихошей Государя; отъ именемъ, со-

стояніемъ, почестями обязанъ господину, который власень, не нарушая ни мало справедливости, лишить любимица того, чѣмъ надѣлилъ его изъ одной своей нравной щедрости. Воспитанный въ правахъ самодержавія Персъ едва знаетъ имя свободы; языкъ, обычаи родины рано приучили его къ рабству и къ слѣпому повиновенію. Но Римляне не могли забыть прежней вольности; едва миновалось одно столѣтіе съ того времени, какъ народное мнѣніе было еще единственнымъ источникомъ почестей и крапчайшимъ, вѣрнѣйшимъ къ нимъ путемъ. Они не могли не сожалѣть о республикѣ, знаменитой гражданскими и военными добродѣтелями, и не питать сильнаго отвращенія ко всѣмъ злодѣяніямъ, коими Цезарь и Августъ себя осквернили. Греческая (Философія) ознакомила ихъ съ точными и обширными свѣденіями о правахъ природы челоѣческой и объ источникѣ правительствъ; естественно, что они питали глубочайшее презрѣніе къ пиранамъ, которыми наружно принуждены были раболѣпствовать.

Бѣдствія поработченныхъ Римлянъ усугублялись тѣмъ еще, что они не имѣли ни какого способа избавишься угнѣшенія. Бѣгство было невозможно; обширное продолженіе земель и морей со всѣхъ сто-

ронъ преграждали имъ пуши. Всякому угрожала неминуемая опасность быть открытымъ, схваченнымъ и преданнымъ снова раздраженному властелину. Куда ни обращались безпокойные взоры, вездѣ встрѣчали они волны грознаго Океана, степи враждебныхъ народовъ, варварское варѣчіе, жестокіе нравы или наконецъ подвластныхъ Царей, готовыхъ купить покровительство Императора гибелью несчастнаго странника. Въ царствованіе Тиверія, нѣкто Римской рыцарь рѣшился убѣжать къ Парфянамъ, его схватили въ Сицилійскомъ проливѣ; но такой примѣръ показался столь мало опаснымъ, что пиранъ не захотѣлъ даже наказать виновнаго. Гдѣ бы ты ни былъ, пишеть Цицеронъ къ заточенному Марцеллу, помни, что рука побѣдителя вездѣ тебя настичь можетъ. Римская Имперія подъ игомъ пирана была пространною и ужасною пемницею, изъ коей бѣжать было не возможно.

Г Л А В А - Ш.

Жестокость, неистовство и умершвление Комода. Избраніе на царство Пертинакса. Государь сей предпринимаетъ преобразование правленія. Онъ умершвленъ Преторіанцами. Преторіанцы явно продаютъ престолъ Дидію Юліану. Клавдій Албинъ въ Британіи, Песценій Нигеръ въ Сиріи и Селтимъ Северъ въ Панноніи объявляютъ себя противниками убійцъ Пертинаксовыхъ. Междоусобія. Северъ торжествуетъ надъ соими совѣстниками.

Чрезмѣрная снисходительность Марка Аврелія къ своимъ родственникамъ и приближеннымъ выходила изъ предѣловъ добродѣтели, и была виною бѣдствій, которыя постигли Имперію послѣ его царствованія. Супруга Марка Аврелія, Фавшина, славилась равно любовными приключеніями и красою; одинъ шокмо

Императоръ, казалось, не вѣдалъ о худомъ поведеніи Императрицы. Въ печеніи придцаши лѣтъ онъ неоднократно давалъ почетныя мѣста въ управленіи ея любовникамъ, и благословлялъ боговъ за ихъ милосердіе, даровавшее ему подругу спольвѣрную, крошкую и добродѣтельную. По просьбѣ супруга Сенашь назвалъ ее богинею, и въ честь женѣ, закоснѣвшей въ прелюбодѣніи курились жертвенники и воздвигались храмы. Ее изображали съ принадлежностями Юноны, Цереры и Венеры, и молодые люди обоого пола въ день брака обязаны были поклоняться сему цѣломудренному божеству.

Но пороки Коммодовы, пагубные для цѣлаго Государства помрачаютъ славу Марка Аврелія, и доказываютъ, сколь вредно приспращіе отца, предпочитающаго благо сына, недостойнаго короны, счастью милліоновъ людей. Извѣстно однако, что сей рачительной отецъ употребилъ все для его воспитанія. Добродѣтельвѣйшіе и ученѣйшіе мужи были призваны опъ всюду для образованія ума и сердца юнаго Коммода. Но семена ученія немогли укоренишься на почвѣ неблагодарной; щещно лучшіе насавники спарались внушить испорченному сыну Марка Аврелія добродѣтели, приличныя пресподу, котораго онъ былъ преемникомъ; легко-

мысленныя слова царедворцевъ скоро заглушали въ сердцѣ питомца уроки философіи, а поспѣшность Марка Аврелія раздѣлить съ сыномъ Императорское допотопство, испребила плоды долговременнаго надзора и ученія. Излишне снисходительный отецъ Коммодовъ умеръ, спустя послѣ сего чепыре года; но онъ жилъ довольно, что бы разкаяшся въ неблаго-разумномъ поступкѣ, который преждевременно освободилъ юнаго властолюбца отъ силы разсудка и законовъ.

Жестокости Коммодовы не были никогда дѣйствіемъ мщенія и ненависти, которыя не рѣдко увлекають человека за предѣлы разума, и заглушаютъ въ сердцѣ всякое сожалѣніе. При возшествіи на престолъ онъ не имѣлъ ни враговъ ни совѣтниковъ, которыхъ бы устранилъ или наказать было нужно. Возлюбленный сынъ Марка Аврелія наследовалъ родительско при восклицаніяхъ Сената и войска. Бѣдственна кончина Нерона и Домиціана была разительнымъ примѣромъ неизбежной гибели, ожидавшей тирановъ, между тѣмъ какъ мирное царствованіе пятерыхъ предшественниковъ доказывало Коммоду, что можно властвовать спокойно, шествуя хотя немного по слѣдамъ ихъ. Коммодъ имѣлъ характеръ болѣе слабый нежели жестокій; принимая легко впе-

чатлѣнія отъ людей, его окружавшихъ, душа его вскорѣ заражалась пороками, и по свирѣпое звѣрство, которому онъ предавался сначала по совѣту льстецовъ, съ теченіемъ времени обратилось въ привычку, и сдѣлалось наконецъ господствующею страстію.

Коммодъ, по смерти отцовской, оспался обремененъ предводительствомъ многочисленнаго войска и заботами тяжкой войны. Вскорѣ появилась снова вокругъ престола толпа юныхъ царедворцевъ, которые пороками навлекли на себя гнѣвъ Марка Аврелія, и были удалены отъ двора. Они вкрались въ довѣренность новаго Императора, увеличивали словами труды и опасности походовъ въ страны дикія, лежащія за Дунаемъ, и легко уговорили его предпочесть военному шуму великолѣпіе и забавы Рима. Между тѣмъ, изъ нѣкопорого уваженія къ мудрымъ совѣтникамъ покойнаго родителя, онъ оспался при войскѣ во все лѣто. Окончивъ походъ, и даровавъ варварамъ миръ честной, онъ возвратился въ столицу. Приятная наружность, ласковое, непринужденное обращеніе, приобрѣли ему общую любовь, и самое неперѣніе его возвратишся въ Римъ, чтобы заняшся однѣми забавами, приписали единственно любви его къ отечеству. Въ те-

ченіи первыхъ трехъ лѣтъ своего царствованія, онъ предославлялъ управленіе Государства вѣрнымъ сановникамъ своего родителю; они сохраняли спокойствіе въ Имперіи, между тѣмъ какъ Императоръ и его любимцы, чуждаясь дѣлъ, предавались нѣгѣ и распуществу. Вскорѣ несчастный случай породилъ, или скорѣе раскрылъ въ Коммодѣ ту свирѣпую наклонность сердца, которая служила основаніемъ его характера. Въ одинъ вечеръ, когда возвращался онъ изъ Амфитеатра во дворецъ, и проходилъ подъ темнымъ и узкимъ портикомъ, убійца устремился на него съ мечемъ, восклицая: *вотъ, что Сенатъ посылаетъ тебѣ*; угроза помѣшала удару, и схваченный злодѣй назвалъ своихъ сообщниковъ. Луцилія вдова Л. Вера, и сестра Императора, завидуя царствующей Императрицѣ, вооружили злодѣя на умерщвленіе своего брата; Клавдій Помпейнъ, второй мужъ ея, не вѣдалъ преступнаго замысла жены своей. Сія честлюбивая женщина столь хорошо знала добродѣтели своего мужа, что не открыла ему онаго; но въ полѣ своихъ обожателей легко нашла руку, готовую служить ей злодѣянствомъ. Виновные испытали суровость правосудія; Луцилія сначала послана была въ заточеніе, а въ послѣдствіи погибла насильственнымъ смертію.

Хотя Коммодъ совершенно былъ увѣренъ, что заговоръ сей не простирается далѣе дворца, но слова убійцы такое сдѣлало на него впечатлѣніе, что съ того времени онъ началъ подозрѣвать, а потомъ и ненавидѣть Сенатъ. Тѣхъ, коихъ опасался прежде въ званіи Министровъ, началъ считавъ тайными врагами. Гнусное племя донощиковъ, почти истребленное въ предъидущія царствованія, снова появилось; оно размножалось по мѣрѣ покровительства и одобренія, оказываемыхъ ему Императоромъ. Ихъ рвеніе, возбуждаемое богатыми наградами, искало по всюду жервъ. Суровая добродѣтель считалась безмолвною хулою пороковъ Государя; важныя заслуги обнаруживали опасное для тирана превосходство; дружба родителю (Марка Аврелія) была доспапочною причиною ненависти сына. Въ сіе бѣдственное время подозрѣнія замѣняли доказательства и улики; осужденіе слѣдовало немедленно за обвиненіемъ. Смерть Сенатора влекла за собою гибель всѣхъ, кои оплакивали его кончину, и которые могли бы опомститься за него. Коммодъ, обогрившись однажды кровію подданныхъ, сдѣлался недосступнымъ угрызенію совѣсти и чувству жалости. Между всѣми жертвами его тиранства, наиболее сожалѣли о

Максимъ и Кондіанъ; ихъ прославила брашская любовь: ученіе, занятія и забавы были у нихъ одинаковы. Антонины, любя ихъ добродѣтели, и съ удовольствіемъ взирая на взаимную дружбу обоихъ братьевъ, сдѣлали ихъ въ одно время Консулами, но любезныя ихъ качества и безпорочность нравовъ оскорбляли пирана. Жестокой Коммодъ имѣлъ великодушіе поразилъ ихъ въ одно время и однимъ ударомъ; ихъ приняла одна могила. Самое орудіе злодѣйствъ Коммодовыхъ не могло избѣгнуть его свирѣпаго бѣшенства. Переннисъ, сановникъ подлый и честолюбивый, грабежемъ и хищеніемъ стяжалъ себѣ сокровища несмѣшныя. Предводительствуя Препоріанцами въ то самое время, какъ сынъ его начальствовалъ Иллирійскими легионами, онъ могъ искасть престола; сего было довольно для возбужденія подозрѣній въ пиранѣ, копорый началъ помышлять о способѣ отъ него избавиться. Судьбу Перенниса рѣшилъ случай, показывающій, сколь военная подчиненность была въ то время ослаблена. Легионы Великобританскіе, недовольные его управленіемъ прислали въ Римъ посольство, изъ тысячи пяти сотъ человекъ состоящее, для принесенія своихъ жалобъ; сіи военные денушаты достигли

совершенно своей цѣли, и Императоръ съ величайшимъ равнодушіемъ предалъ мщенію ихъ своего сановника. Дерзость войска, столь опдаленнаго отъ столицы, и замѣченная онымъ слабостъ правительсва, предвѣщали ужасныя попрясенія. Побѣги въ легионахъ умножились, и бѣглецы явно и ненаказанно грабили по большимъ дорогамъ. Проспой ратникъ, Матернъ, собравъ сіи шайки разбойниковъ, и составивъ изъ нихъ небольшое войско, разбивалъ шюрмы, приглашалъ невольниковъ разторгать оковы рабства, и опустошалъ богатые и незащищаемые никѣмъ города Галліи и Испаніи. Наконецъ побѣжденный и со всѣхъ сторонъ окруженный войскомъ, онъ въ самомъ отчаяніи нашель послѣднее пособіе: велѣлъ своимъ воинамъ разсѣяться, перебраться чрезъ Альпы небольшими опдѣленіями, чшобы не быть замѣченными, и переодѣвшись, тайно явился въ Римъ во время празднества Цивиллы. Матернъ намѣревался умертвить Императора и завладѣть его престоломъ. Мѣры такъ хорошо были приняты, что уже переодѣтые воины наполняли улицы Рима; но завистъ одного сообщника открыла сей необыкновенный заговоръ въ то самое время, какъ все было готово къ исполненію.

По смерти Перениса Государь ввѣрился въ Клеандра. Рожденный невольникомъ во Фригии, Клеандръ приобрѣлъ милость пирана, служа его порокамъ, и быстро достигъ высочайшей степени, на какую только подданному вознесись возможно. Сребролюбие было господствующею страстью сего любимца, и во все время его управления явно торговали чинами и мѣстами республики. Исполненіе законовъ также находилось подъ вліяніемъ самовластиа и издонмства Клеандрова; богатой пресшупникъ легко оправдывался, и подвергалъ обвинителя своего какому хотѣлъ наказанію. Сими же средствами Клеандръ подъ именемъ Императора обогащалъ казну и строилъ купальни, портики и зданія для общественныхъ упражненій и забавы народной. Но наружный блескъ безпредѣльной сея щедрости не могъ изгладить изъ памяти народной ни смерти Сенатора Бирра, копорой по достоинствамъ сдѣлался зятемъ послѣдняго Императора, ни казни Арія Антониана, послѣдняго преемника имени и добродѣтелей Антониновъ. Пресшупленіе перваго состояло въ томъ, что онъ обнаружилъ Императору дѣйствительное свойство Клеандрово; второй погибъ отъ того, что во время управления Азіею пригото-

рилъ къ смерти одного недостойнаго любимца временщика.

Моровая язва и голодъ усугубили бѣдствія Римлянъ и усилили въ народѣ негодованіе, произведенное смертію Бирра и Арія. Первая напасть могла быть дѣйствіемъ гнѣва Божія; вторую приписали монополіи Государева любимца. Народъ ропсаль; вскорѣ общее неудовольствіе обнаружилось, и толпы усстремились ко дворцу, требуя головы Клеандровой. Клеандръ старался разогнать народъ преторіанскою конницею; но пѣхота, завидуя давно преимуществамъ сего войска, взяла сторону гражданъ. Междоусобная война свирѣпствовала передъ самымъ дворцомъ въ то время, какъ Императоръ спокойно предавался распусшву. Одна Фадилла, старшая сестра его и Марція, любимая наложница, успѣли его вывести изъ сей безопасности и пробудить въ немъ дѣятельность; они бросились къ ногамъ его, живо изображая злодѣянія временщика и ярость изсшупленнаго народа. Усшрашенный Коммодъ выходитъ изъ сладосшрашнаго упоенія, и повелѣваетъ выставить предъ народъ голову Клеандрову; столь желанное зрѣлище водворило спокойствіе.

Распусшво и безчеловѣчіе Коммодовы не могли приобрести ему привязанности

и довѣренности подданныхъ; всякое чувство добра погасло въ его сердцахъ; его дворець былъ театромъ гнусныхъ забавъ и наслажденій, коихъ описаніе осквернило бы перо Историка. Въ обществѣ поступалъ онъ соотвѣстственно наклонности своей къ низкимъ и жестокимъ удовольствіямъ. Игры цирка и амфитеатра, бои гладиаторовъ, ловля дикихъ зверей, пипали въ немъ кровожадныя желанія и доспаляли занятія его искусству. Съ отвращеніемъ и небрежностію внималъ онъ въ юности урокамъ философіи и другихъ наукъ; между тѣмъ какъ учителя гимнастическихъ упражненій находили въ немъ ученика способнаго и прилѣжнаго; вѣрность глаза и его искусство изумляли каждого. Подвиги славнаго Алкида, убившаго льва Немейскаго и вепря Ериманпскаго, были предметами его удивленія; онъ назвалъ себя Римскимъ Алкидомъ, включилъ лвиную кожу и булаву сего вишпя въ число Регалій Императорскихъ, и наконецъ явилъ Римлянамъ зрѣлище сихъ гимнастическихъ упражненій, которыми дополѣ занимался только въ кругу своихъ любимцовъ.

Вооруженный стрѣлами, коихъ остріе оканчивалось полумѣсяцомъ, Коммодъ часто останавливалъ быстрой бѣгъ Спруса и пересѣкалъ на двое длинную его

шею. Иногда Барсъ выбѣгалъ на ристалище и спремился на шрепещущаго преступника, Коммодъ напрягалъ лукъ, убивалъ звѣря и человекъ избавлялся отъ смерти. До сама львовъ наполняли амфитеатръ и столько же стрѣлъ, пущенныхъ вѣрною рукою Коммода сражали ихъ постепенно; огромность не защищала Слона, полстая кожа не охраняла Единорога отъ мѣшкаго удара; если онъ стрѣлялъ въ голову или сердце живошнаго, то стрѣла никогда не пролетала мимо, и язва была равно смертельна; но самой послѣдній изъ гражданъ не могъ видѣть безъ негодованія Императора на попрощѣ Гладиаторовъ, надменнаго званіемъ бойца, которое по законамъ и нравамъ Римскимъ почиталось позорнымъ; семь сошь придцать пять разъ бился онъ въ качествѣ Гладиатора, и къ довѣршенію своего безславія, неустыдился въ награду за свои шруды брать изъ казны на содержаніе столь высокую плашу, что народъ для удовольстворенія сихъ безумныхъ издержекъ былъ обремененъ новыми налогами.

Въ Амфитеатрѣ побѣды его не всегда были кровопролитны, но упражнясь водворцѣ, онъ не рѣдко наносилъ смертельные раны несчастнымъ прошивникамъ; вскорѣ Коммодъ пренебрегъ прозваніемъ Алкида, и назвался Поломъ по имени сла-

наго Гладіатора, повелѣвая начертать оное на своихъ изваяніяхъ. Онъ приказалъ Сенату превозносить сію новую гнусность; одинъ Клавдій Помпейянь, супругъ Луциллы, осмѣлился сохранить достоинство своего сана. Какъ отецъ онъ позволялъ сыновьямъ для безопасности своей посѣщать зрѣлища амфитеатра, но какъ Римлянинъ онъ объявилъ, что самъ никогда не рѣшился видѣть сына Марка Аврелія, унижающаго такъ свое достоинство. Сіи благородныя чувства не навлекли однакожь ему гнѣва ширана, и онъ не пошерялъ ни чести, ни жизни. Роковая минуша приближалась когда самому Коммоду суждено было испытать пагубныя слѣдствія своей жестокости. Ненаказанно, невозбранно проливалъ онъ кровь благороднѣйшихъ гражданъ Рима, но погибъ коль скоро приближенные къ нему начали спрашивать его гнѣва. Наложница Коммодова Марція, царедворецъ Эклепсъ, и начальствующій Препоріанцами Лепъ, испрашенные судьбою своихъ товарищей и предшественниковъ, рѣшились предупредить ударъ, которой казался неизбежнымъ; они каждую минушу могли быть жертвою подозрительности Императора и внезапнаго возмущенія народа. Послѣ одинадцатилѣтняго царствованія Коммодъ умеръ оправою. Однажды воз-

вратился онъ домой, упомянутый охотною; Марція подала ему чашу вина, разведеннаго ядомъ; онъ выпилъ, заснулъ, и былъ тогда же удушенъ молодымъ Гладіаторомъ. Мѣры заговорщиковъ были зрѣло обдуманы, и они заранѣе избрали наследника престола. Першинаксъ, престарѣлой Сенаторъ, коего добродѣтели могли извинить такое умерщвление, обратился на себя ихъ вниманіе. Онъ отпралялъ тогда должность Префекта столицы, и хотя былъ незнамнаго произхожденія; но личными достоинствами возвысился до первыхъ степеней въ Государствѣ; только области, по большей части испытавшія крошость и мудрость его управленія, могли радоваться возшествію его на престолъ. Изъ всѣхъ друзей и сановниковъ Марка Аврелія оставался въ живыхъ одинъ Першинаксъ, и каждую минушу ожидалъ дѣйствія Коммодова неистовства. Когда ему возвѣстили прибытіе царедворца и начальника Препоріанцевъ, онъ встрѣшилъ ихъ съ спокойнымъ духомъ, готовый принять смерть; но какъ удивился, когда вмѣсто гибели они предложили ему корону; онъ принялъ ее съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, тѣмъ болѣе, что зналъ обязанности Государя и опасность, неразлучную съ верховною властью.

Горестно и отвращительно читаешь историю царствования Коммодова, представляющую одну непрерывную цепь жестокостей и неистовств; картина добродетелей Пертинаксовых послужит без сомнѣнія ошдохновеніемъ. Лешь проводилъ новаго Императора въ спавъ Преторіанцевъ, а между тѣмъ разпустилъ въ городѣ слухъ, что Коммодъ умеръ скоропостижно, и добродѣтельный Пертинаксъ возшелъ уже на престоль. Преторіанцы съ большимъ удивленіемъ чѣмъ радостію извѣстились о подозрительной кончинѣ Государя, къ нимъ однимъ щедраго и снисходительнаго. Но сила обстоятельствъ, власть Префекта, восклицанія ликующаго народа, заставили ихъ скрыть свое неудовольствіе. Они приняли даръ, обѣщанный новымъ Императоромъ, поклялись ему въ вѣрности, и проводили его въ Сенатъ. Сословіе сіе долженствовало собраться наслѣдующій день рано поушру, чтобы присутствовать при облеченіи послѣдняго пирана Консульскимъ званіемъ въ одеждѣ Гладіатора; оно съ восхищеніемъ узнало о судьбѣ Коммодовой и возвышеніи добродѣтельнаго Пертинакса. Память сына Марка Аврелія предана была вѣчному позору, изваянія его повержены и пишла сперты со всѣхъ общественныхъ памяш-

никовъ. Между тѣмъ его хоронили съ почестями, приличными Императорскому сану. Пертинаксъ не могъ опказать сего воспоминанію о доблестяхъ родителя Коммодова и слезамъ Клавдія Помпейяна, которому самъ былъ много обязанъ. Новый Императоръ, въ день возшествія на престоль, опдалъ свое частное имущество сыну и супругѣ. Сія послѣдняя ни когда не принимала пишла Августы, и сынъ ее не облакался въ Цезарское достоинство. Виѣшнее обращеніе Императора было важно, но привѣпливо. Умѣренность и бережливость, которыя соблюдалъ онъ въ домашней своей жизни и удовольствіяхъ, служили ежеминутнымъ упрекомъ распочительности и роскоши его предшественника. Первою заботою Пертинакса было возможное врачеваніе глубокихъ ранъ, нанесенныхъ Государству долговременнымъ угнѣженіемъ; онъ даровалъ свободу жертвамъ, заключеннымъ въ темницахъ, ворошилъ сосланныхъ въ заточеніе, и перенесъ тѣла умершвенныхъ Сенаторовъ въ гробницу ихъ предковъ. Доносчики, ободряемые въ предыдущее царствование, наказывались при Пертинаксѣ. Но Императоръ явилъ въ семъ случаѣ свойственную ему умѣренность и по благоразуміе, которое во всемъ дѣйствуетъ по законамъ справедли-

востпи, а не по внушенію мспительности и народныхъ предубѣжденій.

Безумная распочительность Коммодова истощила казну государственную, и возстановленіе финансовъ претовало не усыпныхъ попеченій. При возшествіи на престоль Перпинакса въ казнохранилищѣ было только сто девяносто двѣ тысячи ливровъ; совсѣмъ шѣмъ имѣлъ онъ великодушную смѣлость опмѣнить нѣсколькие налоги, установленные его предшественникомъ, и объявилъ: „что лучше желаетъ управлять законно и праведно республикою бѣдною, чѣмъ прибрѣтати сокровища средствами безчестными и прищѣснительными.“ Продавая предметы роскоши, наполнявшіе дворець, и заставляя недостойныхъ любимцовъ ширана возвращати незаконно присвоенное ими достпаяніе, Перпинаксъ собралъ денежную сумму и наградилъ Преторіанцевъ.

Среди общей радости, мрачной и дикой видѣ сихъ послѣднихъ обнаруживалъ ихъ тайное неудовольствіе; они съ опвращеніемъ покорились Перпинаксу, и опасаясь прежней подчиненности, копорую сей Государь намѣревался возстановити, сожалѣли о необузданной свободѣ временъ Коммодовыхъ. Негодование сіе питалъ въ нихъ самъ Префектъ Лешъ, которій скоро замѣнилъ, что новый Го-

сударь, награждая заслуги подданного, не дастъ управлять собою любимцамъ. На претій день царствования Перпинакса, Преторіанцы схватили одного Сенатора съ намѣреніемъ привести его въ свой станъ и провозгласити Императоромъ. Ни мало не обольщаясь опасною почестью, претовущій Сенаторъ вырвался изъ рукъ воиновъ, и искалъ убѣжища у ногъ Императора. Черезъ нѣсколько времени Созій Фалькъ, одинъ изъ Консуловъ того года, предался честолюбивымъ замысламъ; юный лѣтами и богатой фамиліи, онъ дерзновенно воспользовался опсущствіемъ Перпинакса и составилъ противъ него заговоръ; неожиданное возвращеніе Государя и его твердость уничтожили замыслы Созія. Императоръ просперъ милосердіе до того, что простилъ претупленіе, дабы въ царствование свое не пролилъ крови даже виновнаго Сенатора.

28 Марта, спустя только восемьдесятъ шесть дней по смерти Коммодовой, общее возмущеніе вспыхнуло въ станѣ Преторіанскомъ; двѣсти или притса дерзкихъ ратниковъ, въ самой полдень, успремилась ко дворцу Императорскому; двери онаго не были заперты; Перпинаксъ, извѣщенный о приближеніи мятежниковъ, встрѣшилъ ихъ, изобразилъ свою невиц-

ность, напоминая о святости присяги, ими данной. Твердость и мужество Императора, казалось, нѣсколько минутъ удерживали крамольниковъ въ предѣлахъ благопристойности, но одинъ злодѣй, болѣе другихъ изступленный, нанесъ ему первый ударъ, за нимъ посыпались другіе, и Пертинаксъ испустилъ духъ въ глазахъ негодующаго народа, который могъ только оплакивать свое бѣдствіе.

Хотя военная сила была незначительна въ сравненіи съ числомъ жителей Рима, но извѣстно, что десяти или пятнадцати тысячный корпусъ болѣе нежели достаточенъ бываетъ для удержанія въ повиновеніи народа многочисленнаго (5); когорты же Преторіанскія состояли почти изъ такого числа воиновъ; они учреждены были Августомъ, которой, не смотря на то, что имѣлъ предосторожность подтвердить свое похищеніе верховной власти декретами Сената, понималъ между тѣмъ, что твердѣйшая его опора состоятъ въ войскѣ. Преторіанцы получали двойное жалованье и пользовались другими преимуществами. Съ начала только при когорты ихъ стояли въ столицѣ, прочіе были размѣщены по городамъ Италіи, ближайшимъ къ Риму; но подозрительный и свирѣпый Тиверій все войско ихъ приблизилъ къ своей особѣ; оно

разположилось въ одномъ станѣ, рачительно укрѣпленномъ, который по выгодному своему положенію повелѣвалъ городомъ. Преторіанцы, получивъ чрезъ сіе возможность знать все, что происходило во дворцѣ и Сенатѣ, скоро ознакомились съ собственными силами и замѣтили слабость гражданскаго правительсва. Свобода, которою они пользовались среди шума и забавъ богатой и роскошной столицы, питала ихъ гордость; они привыкли считать себя спражею и вмѣстѣ властелинами Императоровъ, Сената и столицы. Лучшій и отважнѣйшій изъ Государей принужденъ былъ льстить ихъ гордости, веселить ихъ забавами и не обращать вниманія на ихъ порочное поведеніе. Со времени царствованія Клавдія ни одинъ Императоръ не достигалъ престола, не купивъ сначала согласія сихъ мятежныхъ пѣлохранищелей богатыми дарами. Преторіанцы поддерживали права свои не только силою оружія; но старались подкрѣпить ихъ доводами, называли себя естественными представителями народа Римскаго, и, согласно съ правилами прежняго республиканскаго правленія, считали себя законными избираемыми военнаго властелина республики: было ли мнѣніе сіе справедливо или лож-

но, но они дополняли силою недоста-
шокъ строгихъ доказательствъ.

Преторіанцы, нарушивъ законы умер-
щвленіемъ Перпинакса, унизили и до-
стоинство престола дальнѣйшимъ своимъ
поведеніемъ. Воины бѣжали по валу и гро-
могласно возвѣщали, что Римская Им-
перія продается съ публичнаго торгу,
и будетъ уступлена тому, кто за нее
предложитъ болѣешую цѣну. Явились двое
совѣтниковъ: одинъ Сервій Сулпиціанъ,
шестъ послѣдняго Императора, волнуе-
мый безразсуднымъ честолюбіемъ и суеш-
нымъ желаніемъ возсѣсть на престолъ,
предъ симъ только обогранный кровію его
родственника; другой Дидій Юліанъ, бо-
гатый Сенаторъ, коего жена и дочь увѣ-
рили, что онъ достоинъ порфиры. Суль-
пиціанъ предлагалъ уже каждому воину
по три тысячи восьми сотъ сорока лив-
ровъ, но Юліанъ давалъ имъ по чепыре
тысячи восьми сотъ; предложеніе по-
слѣдняго было принято; ему отворили
ворота стана, и Преторіанцы провоз-
гласили его Императоромъ, но съ усло-
віемъ передать забвенію приязанія Суль-
пиціановы.

Воины въ слѣдствіе договора окружи-
ли Императора, и въ рядахъ своихъ по-
вели его по городскимъ улицамъ. Сенатъ
былъ созванъ. Друзья Перпинаксовы и

личные враги новаго Императора изъ бла-
горазумія скрыли негодованіе свое подъ
личиною наружнаго удовольствія. Юліанъ
произнесъ длинную рѣчь, говорилъ о до-
бровольномъ избраніи его на царство, о
своихъ высокихъ достоинствахъ, о до-
вѣренности и привязанности къ нему со-
гражданъ. Словамъ его рукоплескали всѣ
Сенаторы; они не могли не признавъ
Государя, окруженнаго полною воору-
женныхъ ходатаевъ. Юліанъ, сопровож-
даемый ими, прибылъ во дворець. Первый
предметъ, поразившій его взоры, было
тѣло Перпинаксово, разпростертое на
мѣстѣ убійства и умѣренная прапеза,
изготовленная предъ тѣмъ покойному на
ужинъ; на одно смотрѣлъ онъ равнодуш-
но, на другое взглянулъ съ презрѣніемъ,
далъ великолѣпное пиршество, и до глу-
бокой ночи забавлялся зрѣлищемъ извѣст-
нѣйшихъ плясокъ того времени. Между
тѣмъ, когда рой царедворцевъ удалился
и онъ остался одинъ, окруженный мра-
комъ и тишиною; по грусть овладѣла
его душою, и не дала ему вкусить сла-
дости безмятежнаго сна; онъ безъ со-
мнѣнія размышлялъ о судьбѣ предше-
ственника и рассказывался въ неблагора-
зумномъ честолюбіи своемъ; его опасеніе
было не безъ причины. Воины, покрыв-
шіе его порфиною, спыдились собствен-

наго выбора; граждане взирали на Юліана съ негодованіемъ. Паптриціи изъ одного благоразумія принимали присворныя ласки Императора съ наружнымъ удовольствіемъ; но народъ, находя опору въ своей многочисленности, не скрываль своего неудовольствія; разъяренная толпа онаго преслѣдовала Юліана укоризнами, угрозами и ругательствами; граждане, не въ силахъ будучи сами опмстити оскорбленное величество Рима, звали на помощь легіоны, на предѣлахъ Имперіи расположенные.

Общее неудовольствіе вскорѣ перешло отъ столицы въ отдаленнѣйшія области. Войска Британіи, Сиріи и Пантоніи оплакали судьбу Перпинаксову, и несоглашались утвердити позорнаго торга, заключеннаго Препоріанскими когортами. Сіи при войска были совершенно равносильны, и каждое состояло подъ начальствомъ полководца опытнаго и искуснаго.

Клавдій Альбинъ пользовался предъ своими совмѣстниками преимуществомъ знатной породы; но линия, на которой основывались права его, опчасти пресѣклась, а опчасти переселилась въ одну изъ отдаленнѣйшихъ областей Государства; его обвиняли въ томъ, что онъ подъ завѣсою философіи скрываль гнуснѣйшіе пороки, но сему повѣрити трудно,

особенно припомнивъ, что его упрекають въ развратѣ подобострастные и низкіе писатели царствованія Северова. Альбинъ былъ почтенъ довѣренностію Марка Аврелія; правда, онъ пользовался милостию и сына его; но кажешся, ни когда не былъ ни орудіемъ жестокостей, ни соучастникомъ гнусныхъ забавъ его. Когда грозныя обстоятельство заспавили Коммода спрашиться всеобщаго неудовольствія, онъ писалъ къ Альбину и дружески предлагаль ему шипло и званіе Цезаря. Благоразумный полководецъ всегда опказывался отъ сей почести, копорая вовлекла бы его въ неизбѣжную гибель своего Государя. Онъ хотѣлъ достигнуть престола благороднѣйшими путями. Извѣстясь о смерти Императора, онъ собралъ войско, и объявилъ ему намѣреніе возстановити законную власть Сената и народа. Обладая спокойно областію, отдѣленною отъ матерой земли моремъ, будучи увѣренъ въ преданности хорошо устроенаго войска, намѣстникъ Британіи презираль угрозы Коммодовы, изъявляль сомнительное повиновеніе Перпинаксу, и возмущился противъ Юліана, какъ скоро сей Государь присвоиль себѣ престоль. Скромный Альбинъ не назвался ни Августомъ, ни Императоромъ, но

принялъ шипло намѣстника Сенапа и народа.

Песценій Нигеръ, незнапный породю, личными достоинствами возшедшій на высокую степень Сирійскаго правителя, имѣлъ дарованія, приличныя болѣе званію намѣстника, нежели Государя хотя честлюбіе побуждало его искашь короны. Въ качествѣ полководца и правителя онъ снискалъ привязанность воиновъ и приобрѣлъ уваженіе жителей подвластной ему области. По умершвеніи Перпинакса Азія обратилась къ Нигеру и склоняла его овладѣшь престоломъ; но онъ не имѣлъ ума, необходимаго для успѣшнаго совершенія такого предпріятія. Ласкаясь надеждою, что не встрѣшитъ совѣстниковъ и взойдетъ на престолъ, не проливая крови согражданъ, онъ не заботился о средствахъ, которыя могли обезпечить его въ побѣдѣ и занялся суешными почестями пріумфа. Въспомогая, чтобы не медля идти въ Италію и внезапно явись въ Римъ, онъ упрямилъ въ Антіохіи по время, которымъ дѣяшельный Северъ умѣлъ искусно и рѣшительно воспользоваться.

Сепшимъ Северъ, Африканскій уроженецъ, повелѣвалъ тогда легіонами Панноніи. Войско его, образованное долговременною войною съ Германцами и Сарма-

тами, по справедливости почиталось лучшимъ въ Имперіи; безпредѣльное честлюбіе, превосходящее и прелести забавъ и страхъ, неразлучный съ опаснымъ предпріятемъ, одушевляло ихъ предводителя. При первомъ извѣстіи о смерти Перпинаксовой онъ собралъ свои легіоны, изобразилъ имъ безсиліе и надмѣнность Препоріанцевъ, обѣщавъ каждому воину по девяти тысячъ шести сотъ ливровъ, и преклонилъ ихъ опмститъ достоинство Имперіи, поруганное и оскорбленное. Войско немѣдленно наименовало его шиплами Августа, Перпинакса и Императора. Мѣстоположеніе его намѣстничества облегчало ему вступленіе въ Италію; онъ двинулся съ быстротою, соотвѣтственною важности предпріятія. Северъ справедливо могъ надѣяться опмститъ за Перпинакса, наказавъ Юліана, и принявъ изъявленія покорности Сенапа и народа, прежде нежели его совѣстники, опдаленные отъ Италіи преспранными морями и областями, извѣстятся о его намѣреніи. Во время похода онъ едва позволялъ себѣ минупное опдохновеніе; идучи пѣшкомъ передъ полками, онъ оживлялъ въ нихъ надежду, возбуждалъ ихъ мужество, и раздѣлялъ труды послѣдняго ратника.

Августъ говариваль, чшо войско, въ Панноніи стоящее, можетъ въ десять дней явиться предъ вратами Рима; быстрый походъ Севера убѣдилъ Юліана въ истинѣ сихъ словъ, и явилъ ему приближеніе гибели неизбѣжной. Съ каждымъ мгновениемъ уменьшался пѣсней кругъ жизни и владычества Императора; тщетныя старанія избѣгнуть бѣдствія, котораго онъ не въ состояніи былъ отворотить, дѣлали его и смѣшнымъ и презрительнымъ. Стыдъ и страхъ удерживали еще приемъ малодушныхъ Преторіанцевъ, но воины сіи, изнеженные роскошью и забавами, неохотно покидали купальни и зрѣлища, и пренебрегали при одной мысли сразиться съ мужественными легионами Севера. Каждое дѣйствіе Юліаново обнаруживало его страхъ и смущеніе; иногда претоваль онъ, чшобы Сенатъ объявилъ Севера врагомъ Государства, иногда хощь раздѣлить съ нимъ Корону. Онъ посылалъ пословъ къ своему совѣстнику для переговоровъ, но тайно вооружалъ на него убійць. Северъ, равнодушный къ предложеніямъ Юліановымъ и обезпеченный отъ всякихъ заговоровъ вѣрностію шести сотъ отборныхъ воиновъ, безпрепятственно продолжалъ быстрое шествіе. Онъ безъ пруда прошелъ чрезъ пѣснины Аппенинскія, присоединилъ къ своимъ легионамъ войска противъ него посланныя,

и на весьма короткое время остановился въ Инперемніи, нынѣшней Терни, въ двадцати четьрехъ миляхъ отъ Рима.

Почти невѣроятная быстрота, съ кою многочисленное войско прошло около двухъ сотъ пятидесяти французскихъ миль въ теченіи сорока дней, свидѣтельствуешь объ исправности дорогъ, подчиненности легионовъ и цвѣтущемъ состояніи земледѣлія въ сихъ спранахъ (6). Северъ совершенно былъ увѣренъ въ побѣдѣ; но опчаяніе Преторіанскихъ когорть могло бытъ поводомъ къ кровопролитію. Онъ успѣлъ предупредить оное, обѣщавъ имъ простишь учиненное ими злодѣйство, съ тѣмъ однако условіемъ, чшобы они выдали побѣдителю зачинщиковъ Перпинаксова убійства, и предоставили собственной оборонѣ недостопаго Государя, котораго они возвели на престоль. Когорты съ радостію приняли споль легкія для нихъ условія; они схватили большую часть убійць и Императоръ Юліанъ, послѣ шестидесяти шести дневнаго царствованія, опредѣленіемъ Сената былъ заключенъ во внутренности своего дворца.

Первые дни царствованія своего Северъ посвятилъ опмищенію смерти Перпинаксовой, и воздалъ приличную честь памяти сего добродѣтельнаго Государя.

Его погребеніе было совершено съ печальнымъ великолѣпіемъ; преемникъ самъ произнесъ похвальное слово, въ которомъ искусно изобразилъ искреннее свое огорченіе. Полишика претовала опъ него казни убійць Першинаксовыхъ. Преторіанцамъ повелѣно было собратъся на проспранномъ полѣ безъ оружія въ одеждѣ поржешвенной, и ожидать прибытія Императора. Немедленно опрядъ Иллирійскаго войска спалъ вокругъ нихъ непроницаемою стѣною, какъ бы составленною изъ копій и щиповъ; избличенные въ своемъ преступленіи, безъ спосововъ бѣжашъ или сопротивляшъся, объяпые спрахомъ которпы, безмолвно ждали своей участи. Северъ, взошедъ на возвышенное мѣсто, громогласно укорялъ ихъ въ вѣроломствѣ и малодушіи, и повелѣвъ снятъ съ нихъ всякія украшенія, разпустилъ съ безчестіемъ, запрещаимъ подь смершною казнію подходить къ столицѣ ближе придцати миль. Императоръ, исправивъ такимъ образомъ погребальный обрядъ и успокоивъ стѣнь предшественника, оставилъ Римъ, въ которомъ пробылъ только придцать дней, и двинулся на встрѣчу совѣспникамъ, коихъ несоль легко было побѣдипъ.

Если бы Клавдій Альбинъ и Песценій Нигеръ, не теряя времени пошли прошивъ него; шо онъ не устоялъ бы мо-

жетъ бытъ прошивъ силъ соединенныхъ: но извѣспныя свойсшва Севера, согласно съ исторіею, опкрываюпъ намъ способы, коими предупредилъ онъ сіе ужасное соединеніе. Северъ уважалъ кляпвы и договоры только тогда, когда они согласовались съ его выгодами; по прошествіи опасности послушная ему совѣспь освобождала его опъ исполненія обѣщаннаго. Согласно съ симъ правиломъ онъ давалъ слово единспвенно для обмана, и льспилъ другимъ съ намѣреніемъ ихъ погубипъ. Идучи на встрѣчу Нигеру, онъ не подавалъ ни малѣйшаго вида непріязненнаго расположения, и опклоняя всякую мысль о совѣспничествѣ, не упоминалъ объ ономъ ни слова, и говорилъ объ Нигерѣ какъ о старомъ другѣ, котораго назначалъ себѣ въ преемники. Сыновья Нигеровы попались въ его руки. Пока могущество опца внушало спрахъ и почщеніе, ихъ воспитывали съ величайшимъ раченіемъ; но поражение Нигерово влекло за собою и погубель дѣшей его; сін нещасные были сначала сосланы въ заповченіе, а попомъ тайно умершвлены.

Два сраженія: одно близъ Гелеспонта, другое въ узкихъ стѣспинахъ Сициліи произшедшія, рѣшили судьбу Сирійскаго полководца; Императоръ, не теряя времени, пошелъ съ побѣдоносною арміею на

Альбина. Пока Северъ опасался еще Нигера, онъ оказывалъ Альбину все возможное уваженіе; въ награду за его неуспралишешъ онъ далъ ему шипло Цезаря, и даже въ письмахъ своихъ, уже извѣщая о побѣдѣ, называлъ его брапомъ и шоварищемъ; но посланные съ сими письмами имѣли повелѣніе испросить у Альбина особую аудіенцію, и воззвать ему кинжалъ въ сердце; заговоръ былъ открытъ и легковѣрной Альбинъ переспалъ наконецъ вѣривъ ложнымъ привѣтствіямъ и ласкашельствамъ своего прошивника. Горя желаніемъ месши, онъ пошелъ прошивъ коварнаго, желая рѣшить мечемъ, кому бытъ властелиномъ Имперіи. Спо пятыдесять тысячъ Римлянъ было на полѣ сраженія близъ Ліона. Мужество Бришанскихъ легионовъ долго спорило съ устройствомъ войскъ Иллирійскихъ. Щасіе казалось на время покинуло знамена Северовы; но рѣшительная побѣда наконецъ его увѣчала. Альбинъ въ одно время лишился и надежды и жизни; съ симъ достопамятнымъ днемъ прекратилась война.

Въ междоусобіяхъ нынѣшней Европы Религія, свобода или обязанность одушевляли воиновъ, и заставляли ихъ принимать живое участіе въ успѣхѣхъ предпріяшя. Римскіе легионы имѣли шокмо

въ виду награды, раздаваемыхъ имъ полководцами и надежду получить шѣ, кои были имъ обѣщаны. Пораженіе, лишая предводителя возможности удовлетворить корыстолюбію воиновъ, освобождало ихъ отъ всякихъ обѣщанъ вѣрности, и имъ оставалось одно шолько пособіе — побѣгъ немѣдленной. Разоренныя области и рѣдко укрѣпленные города шѣшили прибѣгнуть къ милосердію побѣдителя.

Между шѣмъ Визаншя приняла дѣятельное участіе въ войнѣ Нигера съ Северомъ, и мужествомъ своимъ заслужила славный и пагубный для себя гибель побѣдителя. Сей городъ, служившій важнѣйшимъ мѣстомъ сообщенія Европы съ Азіею, былъ снабженъ значительнымъ флотомъ и защищаемъ сильнымъ гарнизономъ. Северъ, овладѣвъ проходомъ Геллеспонскимъ, разстроилъ оборонительный планъ прошивника, и поручилъ полководцамъ своимъ осаду Визанши. Городъ сей въ печеніи цѣлыхъ шрехъ лѣтъ сопротивлялся соединеннымъ на морѣ и сушѣ силамъ цѣлой Имперіи, и одинъ голодъ заставилъ его сдаться. Раздраженный упорною обороною Императоръ велѣлъ срыть Визаншю, и лишилъ Римлянъ сильнѣйшаго оплота прошиву варваровъ Понта и Азіи. Въ слѣдующемъ столѣтш Готскіе суда покрыли Понтъ Ев-

ксинскій, и чрезъ Босфорской проливъ проникли въ Архипелагъ и даже Средиземное море.

Пока Северъ спрашился еще совмѣстниковъ, онъ поступалъ кротко и благо разумно, что можеть быть и преклоняло Сенатъ на его сторону; но послѣ пораженія Нигера и Альбина онъ обнаружилъ свой непреклонный характеръ. Голова Альбинова, посланная въ Сенатъ при грозномъ письмѣ, возвѣстила сему собранію, что Императоръ рѣшился не щадить ни одного изъ приверженцевъ своего совмѣстника. Сорокъ одинъ Сенаторъ были осуждены и преданы смерти. Галлія и Испанія были обременены чрезмѣрною пѣнею; многіе тамъ жители подверглись гоненію, другіе были преданы смерти. Северъ, совершивъ мечь, которую безъ сомнѣнія почиталъ необходимою для собственнй безопасности, управлялъ въ послѣдствіи Государствомъ согласно съ мудростію и справедливостію, и слѣдовалъ постоянно своему правилу: чтобы явить себя челоѣколюбивымъ и милосердымъ должно сначала быть жестокимъ и неумолимымъ. Северъ почиталъ Имперію своею собственностію, а по тому безпрестанно забоилясь объ ея улучшеніи. Полезныя узаконенія, выполняемая съ приличною строгостію, воз-

становили спокойствіе въ Государствѣ. Общественныя зданія воздвигались, и частая раздача хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ привязала народъ къ Императору. Всѣ части Имперіи свидѣтельствовали о своемъ благосостояніи; но ядъ междоусобій заразилъ въ самомъ источникѣ Государственныя постановленія, и буйство легионовъ служило вѣрнымъ признакомъ упадка Имперіи. Полифика или признапельность побудила Севера ослабить подчиненность въ помѣ войскѣ, которое возвело его на престоль. Онъ прибавилъ рапникамъ жалованье, и не преспавалъ оказывать имъ разныя щедроты. Преторіанцы жили въ спанѣ, какъ частные люди, и носили между шѣмъ украшенія, опличавшія ихъ отъ прочихъ войскъ.

Северъ, опмѣнивъ Преторіанцевъ послушаю убійства Перпинаксова, завель однакожь спражу въ четверо больше прошивъ прежняго. Воины были набираемы въ пограничныхъ областяхъ, и между шѣмъ какъ юношество Италіанское было лишено военныхъ упражненій, свирѣпый видъ и грубые нравы сихъ чужезмцевъ ужасали робкихъ жителей столицы. Начальство надъ симъ войскомъ было поручено Префекту; Плавціанъ, любимецъ Императора первой опправлялъ сію должность,

и уже протекло десять лѣтъ съ того времени, какъ онъ вступилъ въ оную. Старшій сынъ Севера женился на его дочери, и супружество сіе, вмѣсто того чтобы утвердить еще болѣе счастье Плавціана, было причиною его гибели. Честолюбіе его возбудило опасенія въ умѣ Государя, который принесъ его въ жертву своей безопасности. Повѣспують, что онъ съ сожалѣніемъ согласился на смерть челоука, котораго еще любилъ. Какъ бы то ни было но Папиньянъ, знаменитый законовѣдецъ, наследовалъ Плавціану въ опасномъ званіи Препорія.

Предшественники Северовы оставляли Сенату наружность власти, но сей надменный и непреклонный Государь, привыкшій къ безусловному повиновенію, презиралъ сословіе, находившееся какъ бы между Императоромъ и войскомъ. Онъ поступалъ какъ завоеватель, управлялъ самовластно, присвоивая себѣ всѣ отрасли управленія. Власть Императора не считалась болѣе вѣрною на время, но добровольно уступленною навсегда Сенатомъ. Въ это время Римское законовѣденіе, тѣсно соединенное съ системою Монархическаго правленія, казалось достигло высочайшей степени совершенства. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе

Папиніана, Павлуса, Анпіана и другихъ искуснѣйшихъ законовѣдцевъ, жившихъ въ царствованіе Северово.

Г Л А В А IV.

Смерть Северова. Тиранство Каракаллы, лохищеніе престола Макриномъ, безуміе Геліогаболово, доблести и смерть Александра Севера.

Средства, коими Северъ проложилъ себѣ путь къ престолу, пинали его честолюбіе и дѣятельность; но достигнувъ однажды верховной власти, онъ не вспрѣчалъ болѣе въ мірѣ ничего такого, чтобы могло привлечь и занять его безпокойной духъ, или наполнить пустошу душевную. *Я былъ всѣмъ*, говорилъ онъ, *и во всѣмъ вижу суету*. Желаніе утвердить Императорское достоинство въ своемъ семействѣ сдѣлалось единственною цѣ-

лю его честолюбія, и всѣ мысли свои обратилъ онъ на славу своего попомства. Сей Государь, подобно всѣмъ Африканцамъ, прилѣжалъ къ учению магіи и гаданія; онъ въ совершенствѣ зналъ гадательную Аспрологию, и имѣлъ къ ней большую довѣренность. Послѣ смерти первой супруги своей онъ женился на Юлію Домнѣ, молодой женщиנѣ, родившейся въ Эмезѣ, что въ Сиріи. Ея Царское происхожденіе преимущественно заставило Севера искать руки ея. Онъ мало заботился о красотѣ; но Юлія обладала однако всѣми ея прелѣстями; она соединяла пламенное, живое воображеніе съ необыкновенною твердостью духа и рѣдкимъ благоразуміемъ. Въ царствованіе сына своего, коего участь она предвидѣла, Юлія Домна мудростью и умѣренностью нерѣдко укрощала неистовство и сумасбродство юнаго Государя. При жизни супруга она покровительствовала художествамъ, и поощряла наградами произведенія ума. Словесность и Философія занимали часы ея досуга, и придавали новой блескъ ея дарованіямъ. Ученые, признавательные къ ея благодѣяніямъ, прославили сію Государыню въ панегирикахъ, гдѣ описывали основательность разума и качества ея души. Между шѣмъ цѣломудрыя не было добродѣтели Императри-

цы Юліи; она еще болѣе прославилась любовными приключеніями, чѣмъ своею ученостію.

Императоръ имѣлъ отъ сего брака двухъ сыновей; Каракалла и Гета были предметомъ приятнѣйшихъ его надеждъ, но сіи сладостныя мечты скоро исчезли. Онъ замѣтилъ, что сыновья, его преемники, подпоры власти имъ присвоенной, не имѣютъ качества, необходимыхъ къ утверженію престола. Чуждые дарований и добродѣтелей они пламенѣли взаимною, непримиримою ненавистію, которая обнаружилась еще въ ихъ дѣтствѣ, усилилась съ лѣтами, и раздѣлила въ послѣдствіи театръ, Циркъ и дворъ на двѣ спорныя. Северъ щедро старался остановить успѣхи рождавшейся вражды. Распря между сыновьями его продолжалась; она помрачила блестящую будущность, которая представлялась его воображенію, и увеличила болѣзни его старости. Императоръ видѣлъ, что престоль, приобретенный великимъ трудомъ и обезпеченный пролитіемъ многой крови, не замѣлитъ разрушенія послѣ его смерти. Съ горестію опечаленнаго отца Северъ предрекъ, что слабѣйшій сынъ его погибнетъ отъ руки сильнѣйшаго, а сей послѣдній будетъ въ свою очередь жертвою своихъ пороковъ. Въ намѣреніи со-

хранишь между ними равновѣсіе, онъ украсилъ обоихъ шипломъ Августа и прозваніемъ Антонина. Въ первой разѣ еще въ Римѣ было при Императора, но такое безреспубликанское Северово усилило только взаимную ненависть несчастныхъ братьевъ. Между тѣмъ какъ Каракалла починяла равенство въ почестяхъ оскорбленіемъ своего права первородства, Гетта старался снискать любовь войска и народа, чтобы проповѣдывать честолюбивымъ его приязнаніямъ. Въ сихъ опасныхъ обстоятельствахъ вспыхнула война въ Великобританіи. Императоръ воспользовался симъ случаемъ, чтобы удалить сыновей своихъ отъ роскоши столичнаго города, и занялъ ихъ полезными и почестными трудами. Не смотря на довѣренность къ своимъ полководцамъ и припадки подагры, которыми часто былъ подверженъ, шестидесятилѣтній Северъ отправился самъ на сей отдаленный островъ, и намѣревался довршить столь часто предпринимаемое завоеваніе Великобританіи. Жители Каледоніи, не въ силахъ будучи сопротивляться сильному войску Императора, просили мира; но они были покорными до той, пока имѣли причину спрашивать Римскаго оружія; по опущеніи легионовъ они немедленно возвратились въ

прежнее состояніе независимости. Стремительный духъ сихъ народовъ воспламенилъ гнѣвъ Севера; онъ безпрепятственно проникъ до Сѣверныхъ береговъ острова. Между тѣмъ непріятельскія засады и суровость климата погубили болѣе пятидесяти тысячъ Римлянъ; Императоръ рѣшился послать другое войско не для завоеванія, но для истребленія Каледонянъ.

Смерть постигла неумолимаго завоевателя, и избавила несчастныхъ жителей Каледоніи отъ всѣхъ бѣдствій, которыми имъ угрожали. Слабѣющее здоровье Императора было разстроено новою болѣзнію, которая сдѣлалась смертельною отъ поведенія сына его Караллы. Чудовищное задумало прекратить жизнь отца и всѣми силами старалось поколебать вѣрность къ нему легионовъ. Северъ всегда осуждалъ непрощительную низкосклонность Марка Аврелія, который, щадя недостойнаго сына, подвергъ Государство бѣдствіямъ безчисленнымъ. Находясь самъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ видѣлъ какъ легко родительская нежность заглушаетъ въ сердцѣ Государя строгій голосъ судьи. Онъ рассуждалъ, угрожалъ, но не имѣлъ силы карать. Северъ умеръ въ Йоркѣ на шестидесять пятомъ году своей жизни и ос-

мнадцатомъ своего царствованія. При смерти онъ поручилъ сыновей своихъ войску, и увѣщавалъ ихъ жить въ любви и согласіи. Дѣти его не обратили вниманія на совѣты родительскіе; иначе поспуило войско. Оно отвергло просьбы Каракалловы, кою хотѣлъ царствовать одинъ, и, согласно съ волею Севера, провозгласило обоихъ братьевъ Императорами.

Оба Государя оставили въ покоѣ Каледонянъ, возвратились въ Римъ, совершили родительское погребеніе и приняли торжественныя поздравленія Сената, народа и областей Имперіи. Каждой изъ нихъ объѣхалъ послѣ сего Галлію и Испанію, являя по всюду гнусное зрѣлище братской вражды. Никогда не вкушали они за одною трапезою, никогда не отдыхали подъ одною кровлею. Въ Римѣ изъ предоспорожности раздѣлили они дворецъ на двѣ половины; двери и проходы были охраняемы стражею и даже укрѣплены; ихъ покои не имѣли ни малѣйшаго сообщенія между собою; наконецъ оба Императора не входили ни въ какія сношенія. Они видались только у своей матери и едва могли скрывать укоренившуюся ненависть другъ къ другу подъ личиною прищворства, къ кою при дворѣ невольно привыкають.

Такой образъ Правленія не могъ существовать долго; положили раздѣлить Имперію, и уже рѣшено было Каракаллѣ, старшему изъ обоихъ братьевъ, получить въ удѣлъ Европу и западную часть Африки; Азіею же и Египтомъ владѣть Гетѣ, кою хотѣлъ избрать столицею своего Государства Александрію либо Антиохію. Многочисленныя войска, расположенныя на берегахъ Босфора Фракійскаго, должны были охранять предѣлы обоихъ Государствъ. Сенаторы, родомъ Европейцы, должны были остаться въ Римѣ, родившіеся же въ Азіи послѣдовать за Императоромъ Воспока. Просьбы Императрицы Юліи перемѣнили сіе намѣреніе, кою возбудило бы всеобщее удивленіе и негодованіе. Римляне спрашивались двухъ бѣдствій, кою могли быти виною паденія Имперіи: междоусобной войны и совершеннаго раздѣла областей.

Еслибы принятое намѣреніе—раздѣлить Государство на двое было исполнено; то Императоръ Европейскихъ областей, населенныхъ народомъ мужественнымъ, скоро бы покорилъ бы своей власти слабыя и изнѣженныя роскошью племена Воспока; но Каракалла прибѣгнувъ къ злодѣянію, одержалъ легчайшую побѣду. По убѣжденію матери своей Юліи, оба Государя по-

сѣшили ее для взаимнаго примиренія; во время ихъ бесѣды нѣсколько ценсуріоновъ, пославленныхъ въ похаенномъ мѣстѣ самимъ Каракаллою, съ мечемъ въ рукахъ устремились на несчастнаго Гешу и умертвили его. Испуганная Юлія шщепно спаралась спасти несчастнаго сына; ее ранили въ руку, и она съ ужасомъ увидѣла спаршаго своего сына возбуждающаго и помогающаго убійцамъ. Совѣршивъ злодѣяніе, Каракалла спѣшилъ искапъ убѣжища въ спанѣ Прешоріанцевъ; онъ палъ къ подножію боговъ, хранишелей Рима, говорилъ рѣчь къ войнамъ, описалъ имъ мнимую опасность, копорой подвергался, и рашники, пронупые словами, спарались его успокоить. Каракалла далъ имъ замѣшить, что убійство Гешы было необходимо для его личной безопасности, и дабы еще болѣе убѣдить ихъ въ справедливости своего дѣла, онъ распочилъ имъ сокровища, собранныя бережливымъ Северомъ. Успупчивый и малодушный Сенать, всегда готовый повиноваться сильнѣйшему, упвѣрдилъ рѣшеніе войска, и Каракалла повелѣлъ воздапъ праху умертвленнаго имъ брата почести, сану Императорскому приличныя.

Среди забавъ и занятій Государственныхъ жестокія угрызения преступной совѣсти шерзали непрестанно духъ Ка-

ракаллы. Его воображеніе смущали тѣни разгнѣваннаго родителя и умертвленнаго брата. Но вмѣсто того, чтобы загладить пресупленіе дѣлами достойными властелина обширной Имперіи, онъ спарался только удалить все то, что могло ему привести на память прошедшее. Фадиллу, послѣднюю дочь Марка Аврелія, погубилъ онъ за то, что она оплакивала кончину Гешы. Тиранъ запрешилъ даже матери своей печалиться о смерти любимаго ея сына. Спращась подобной участи, она принуждена была скрывать свою горестъ во глубинѣ сердца, выдапъся съ убійцею Гешы и наружно одобряпъ его злодѣяніе. Въ жертву своему безчеловѣчію Каракалла принесъ болѣе двадцати тысячъ человекъ, копорыхъ дѣйствительно либо припворно почиталъ за друзей Гешовыхъ. Гельвій Перпинаксъ, сынъ Государя сего имени, погибъ жертвою неумѣстной шушки, и Тразія Приска поспигла шаже участъ только за то, что предки его славились ненавистію къ самовласцію. Когда предлогъ личной безопасности Государя сдѣлался недоспапочнымъ, тогда прибѣгли къ новымъ. Добродѣтель вмѣнялась въ пресупленіе, безпорочная жизнь считалась безмолвною хулою пороковъ пирана.

Между безчисленными жертвами, коих постигла судьба Гепы, находился и Папиніанъ. Причина его смерти заслуживаетъ особенное вниманіе. Сей знаменитый правовѣдецъ руководствовалъ Севера въ пусяхъ справедливости и умѣренности; по просьбѣ сего Государя онъ и послѣ смерти его, опправляя прежнюю должность, продолжалъ пещись о благосостояніи Имперіи и всѣми силами старался сохранить согласіе между обоими преемниками. Каракалла повелѣлъ ему произнести краснорѣчивое похвальное слово убійству Гепы: „легче совершить злодѣяніе нежели оправдать его“ опвѣщивалъ беспрашный Папиніанъ, не колебавшись ни мало опъ предстоявшей опасности. Добродѣтель столь мужественная, безъ сомнѣнія, болѣе украшаетъ память знаменитаго мужа, нежели всѣ сочиненія и слова искуснаго правовѣдца.

На слѣдующій годъ послѣ смерти Геповой Каракалла покинулъ столицу и не возвращался въ нее болѣе. Различныя области Имперіи, особенно Воспочныя, были теапромъ его грабительствъ и жестокостей; за маловажное оскорбленіе онъ повелѣлъ въ Александріи, что въ Египтѣ, избить всѣхъ жителей. Изъ храма, Серапису посвященнаго, ширанъ

хладнокровно взиралъ на пысячи гражданъ и чужеземцовъ, погибавшихъ опъ меча его клеветниковъ. Между шѣмъ, какъ ни во что спавилъ своихъ подданныхъ, онъ заботился однако весьма много о привязанности войска, и не смотря на свойственную его нраву надменность, онъ сносилъ оскорбительную вольность обращенія просныхъ ратниковъ и старался подражать имъ въ одеждѣ, грубомъ и просномъ ихъ обхожденіи. Презрительныя поступки не могли внушить въ подданныхъ къ нему любви и уваженія; но пока гнусные его пороки еще обращались въ пользу войска, казалось, ему недолжно было опасаться возмущенія народнаго. Однако заговоръ, образованію коего самъ онъ подалъ поводъ своею недовѣрчивостію, погубилъ его. Для большей безопасности онъ раздѣлилъ власть и обязанности Претора: Опиллію Макрину поручено было гражданское управленіе, а Адвеншу начальство надъ войскомъ. Необыкновенное искусство въ дѣлахъ государственныхъ возвело Макрина на сію высокую степень; но милость Императора, кошорою онъ пользовался, была ненадежна. Недовѣрчивый и своенравный ширанъ каждую минушу могъ лишиться его оной и погубиться однимъ словомъ. Одинъ Африканецъ, по злобѣ къ Макрину либо изъ

суевѣрія, вздумалъ предсказывать будущее владычество сего сановника и сына его надъ Имперією. Схваченный и приведенный въ цѣпляхъ въ Римъ, онъ въ присутствіи городского Префекта утверждалъ истину предсказанія. Префектъ сообщил обо всемъ Императорскому двору, пребывавшему тогда въ Сиріи. Макринъ конечно бы погибъ, еслибы вѣрной другъ не открылъ ему заблаговременно угрожающей опасности. Императоръ упражнялся въ ристаніи на колесницахъ въ то время, какъ пришли къ нему письма изъ ополіцы; онъ отдалъ ихъ, не распечатывая, Префекту Препорія, повелѣлъ ему рѣшить текущія дѣла государственныхъ и дать въ оныхъ отчетъ. Макринъ рачительно скрылъ ошъ ширана письмо, которое заключало роковое предсказаніе и рѣшился предупредить угрожающее ему бѣдствіе. Онъ возбудилъ неудовольствіе въ нѣкоторыхъ военныхъ чиновникахъ и особенно воспламенилъ негодованіе Марціала ратника, которому незадолго предъ тѣмъ отказали въ чинѣ Ценсуріона. Государь, выѣхавъ изъ Эдессы на богомоліе въ Карры, приоспановился на дорогѣ. Стража изъ благоприспоспности спала въ нѣкоторомъ ошъ него отдаленіи. Марціалъ воспользовался симъ случаемъ, приблизился къ ширану и вонзилъ ему кин-

жалъ въ сердце. Гибель убійцы, умерщвленнаго пущъ же Скифскимъ стрелкомъ Императорской стражи, избавила его соумышленниковъ ошъ дальнѣйшихъ неприяностей. Такъ погибъ Каракалла, чудовище, посрамившее пороками чело-вѣчество; признашельные ратники забыли его вины и преступленія, вспоминая ошъ одной его щедрости, и заставили Сенатъ включить его въ число боговъ. Александръ Великій былъ всегдашнимъ предметомъ его удивленія; онъ устроилъ фалангу наподобіе Македонской и гналъ послѣдователей Аришомеля; но сынъ Северовъ ни однимъ поступкомъ не походилъ на Македонскаго героя, кромѣ умерщвленія многихъ опцовскихъ и своихъ собспвенныхъ друзей.

По смерти Каракаллы Имперія оставалась безъ главы шрое сущювъ. Препоріанцы сочли себя въ правѣ избрать Государя. Префектъ Адвенпъ имѣлъ благо-разуміе отказатьсь ошъ сего опаснаго званія, и Препоріанцы принуждены были вручить скипетръ Макрину, котораго впрочемъ не любили и не уважали. Вскорѣ послѣ возшесствія своего на престоль, новый Императоръ далъ двѣнадцатилѣтнему своему сыну Діадуменіану шшло Цезаря и названіе Антонина. Макринъ надѣялся, что сей обрядъ, доставившій

Преторіанцамъ новыя милости и щедрости со стороны Государя, вмѣстѣ съ приличною наружностію юнаго наслѣдника, привлечеть къ нему любовь войска и ушвердитъ его на престолѣ Цезарей.

Сенатъ и области признали сначала избраніе войска; но когда прошла первая минуша удивленія и радости, произведенная извѣстіемъ о смерти пирана, тогда собраніе принялось изслѣдовать свойства Макриновы и шакъ спрого, чшо характеръ его никакъ не могъ укрыться отъ проницательнаго взора кришкики. Дотолъ верховная власть вручалась члену Сената. Званіе Префекта Преторія принадлежало еще исключительно рыцарямъ. Макринъ не былъ Сенаторомъ, порода его была незнашная, избранные имъ сановники не нравились, сего достаточнo было для возбужденія зависти. Нельзя было сомнѣваться въ способности его управлять дѣлами гражданскими; но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго военнаго дарованія. Одинъ видъ рапниковъ, которыми повелѣвать надлежало, приводилъ его въ шрепешъ. Роковая шайна о заговорѣ, погубившемъ Каракаллу, открылась, и вскорѣ разнесся въ станѣ слухъ, чшо Макринъ былъ главнымъ виновникомъ умершвенія Императора. Сколько предлоговъ для возмущенія! Между тѣмъ Макринъ

далъ еще новый поводъ къ мяшежу, предпринявъ различныя преобразованія. Всѣ онѣ были весьма полезны; разшочительность предшественника сдѣлала необходимыми опасныя мѣры бережливости, и Макринъ поступилъ въ эшомъ съ надлежащимъ благоразуміемъ. Онъ оставилъ старымъ воинамъ тѣ преимущества и шожалованье, которыми они пользовались въ царшвованіе Каракаллово; но поступавшимъ вновь рапникамъ опредѣлилъ умѣренное содержаніе, постановленное Северомъ. Нещасная ошибка разрушила его предначертаніе: вмѣсто шого, чшобы размѣстить по различнымъ областямъ войска, собранныя его предшественникомъ, онъ позволилъ имъ ошпашься въ Сири, гдѣ они могли передавать другъ другу свое неудовольствіе и ознакомиться съ собственными силами.

Вдова Северова не существовала болѣе. Сестра ея Юлія Меза получила повелѣніе оставить дворъ и даже выѣхать изъ Антиохіи. Она при несмѣшномъ богатствѣ удалилась въ Эмезу съ двумя дочерьми: Семіасою и Мамеею, которыми обѣ были вдовы и имѣли по одному сыну. Васіанъ сынъ Семіасы, назначенный въ первосвященники храма Солнца, обязанъ былъ симъ званіемъ Римскому Императорскому престолу. Макринъ, излишне

спрогий, приказалъ войску, расположенному въ Эмезѣ, провести зиму въ спанѣ. Воины, часто посѣщая храмъ Солнца, находили въ черпахъ юнаго Вассіана сходство съ Каракаллоу. Хипрая Меза непоколебалась ни минушы пожертвовать своему честолюбію доброю славою своей дочери; она разпустила слухъ, что Вассіанъ былъ побочной сынъ послѣдняго Императора; недостатокъ совершеннаго сходства его съ мнимымъ родителемъ приправила она щедрими дарами, и Вассіанъ былъ провозглашенъ Императоромъ. Войско прозвало его Антониномъ и пригласило къ опущенію опцовской смерти. Макринъ рѣшительно мѣрою могъ бы уничтожить прошивника, который былъ еще ребенкомъ; но не зная, что начать въ сихъ общоюпелстввахъ, онъ остался въ Антіохіи, между тѣмъ какъ сильныя отряды войска присоединялись къ заговорщикамъ. Макринъ рѣшился наконецъ встрѣшиться своего совѣтника. Въ сраженіи близъ деревни, называемой Имма въ двадцати двухъ миляхъ отъ Антіохіи, Преторіанцы, по какому то невольному побужденію, сразились съ рѣдкимъ мужествомъ. Уже ряды мятежниковъ были распросны, но мать и бабка Сирійскаго Государя бросились изъ колесницъ и при мѣромъ своимъ оживили мужество въ

слабѣвшихъ воинахъ. Самъ Вассіанъ, проводившій потомъ оспальную часть жизни въ недостойной нѣгѣ, явилъ себя героемъ въ сію рѣшительную минушу; онъ бросился на конѣ въ средину неприятелей, между тѣмъ какъ евнухъ Ганисъ съ своей стороны дѣйствоваль, какъ прилично великому полководцу. Макринъ могъ бы еще одержать побѣду, если бы не отказался отъ своего щастія, обратившись въ позорное бѣгство, которое на нѣсколько дней продлило сыновнюю и его собственную жизнь. Преторіанцы, замѣшивъ, что предводитель ихъ покинулъ, немедленно опдались побѣдителю и соединились съ прошивниками подъ знаменами подложнаго сына Каракаллова.

Письмо, коимъ новой Императоръ извѣщаль Сенатъ о своей побѣдѣ, было пѣнишельно. Онъ изъявляль намѣреніе подражать Августу и Марку Аврелію; по сей причинѣ сіе сословіе, въ прочемъ всегда покорное и слабое, приняло оное съ особеннымъ уваженіемъ. Между тѣмъ, хотя Сенаторы и скрывали свое неудовольствие, но они не могли взирать равнодушно на Императора, который вопреки обыкновенію, безъ всякаго Сенатскаго Декрета, присвоиваль себѣ власть Трибуна и Проконсула. Такая неосмотрительность, которая казалась сему

сословію знакомъ совершеннаго пренебреженія къ формамъ, освященнымъ долговременнымъ обычаемъ, произошла безъ сомнѣнія опъ невѣжества сановниковъ юнаго Монарха, либо опъ дерзкой надменности его легіоновъ. Императоръ провель зиму въ Никомедіи въ однѣхъ забавахъ и суешной роскоши. На слѣдующее лѣто онъ торжественно вѣхаль въ столицу. Въ Римъ послали изображение Васціаново для помѣщенія на алтарь побѣды. Онъ былъ предсавленъ въ шелковой одеждѣ священника, украшенной золотомъ, съ шірою на головѣ, въ богатомъ ожерельѣ и съ драгоценными браслетами на обѣихъ рукахъ; брови его были начернены, а лицо покрыто бѣлилами и румянами. Украшенія столь женоподобныя не могли нравиться Римлянамъ; они писали величайшее презрѣніе къ Азіатской роскоши. Присутствіе самаго Императора заняло вскорѣ ихъ вниманіе особеннымъ образомъ и засшавило ихъ сожалѣніемъ о предъидущихъ своихъ пиранахъ.

Въ Емезѣ поклонялись Солнцу подъ именемъ Геліогабала и въ видѣ чернаго камня, высѣченнаго наподобіе конуса, который по преданію народному низпаль съ неба въ семь священномъ городѣ. Новый Антонинъ, обязанный престоломъ сему божеству, захотѣль вознести оное

выше всѣхъ прочихъ. Онъ назвалъ даже себя Геліогабаломъ въ качествѣ главнаго жреца. Въ торжественномъ шествіи по городу дорога была усыпана золотымъ пескомъ. Черной камень, украшенный драгоценнѣйшими камнями, везли на колесницѣ, запряженной шестью совершенно бѣлыми лошадьми. Набожный Императоръ самъ держаль бразды и наклонялся назадъ, чтобы вполне насладиться высокимъ присутствіемъ божества своего. Богу Геліогабалу воздвигли великолѣпный храмъ на горѣ Палапинѣ и на первѣйшихъ особъ въ Государствѣ возложили обязанность священнослужителей. Между пѣмъ Эмезскому богу не доставало высокой подруги, которая раздѣлила бы съ нимъ ложе. Сначала избрали для сего Полладу; но луна, которой Африканцы поклонялись подъ именемъ Аспаршеи, показала приличіе въ супруги Солнцу. Изображеніе ея перенесли изъ Карфагена въ Римъ, и день сей божественной свадьбы былъ празднованъ въ столицѣ и областяхъ Имперіи.

Императоръ Геліогабаль (такъ называютъ его въ Исторіи), развращенный въ юности обычаями своей родины и своими богатствами, необузданно предался грубѣйшимъ наслажденіямъ. Искусству надлежало изобрѣшашь предметы роскоши

и распущства, которые моглибы еще нравиться упомленной чувственности сего Государя. Сладчайшія вина и яствы возбуждали загрублѣй его вкусъ, между шѣмъ какъ безстыдныя женщины своимъ сладострасшіемъ спарались оживить въ немъ изнемогающее желаніе. Изобрѣшеніе новаго блюда награждалось щедро; области разорялись на безумную распочительность двора. Императоръ женился на Веспалкѣ, копорую силою ошпоргъ отъ подножія алпаря. Однако ничто не могло насытить его спрасши, и повелитель Римской Имперіи началъ наконецъ подражать въ одеждѣ прекрасному полу и вести себя какъ распущная женщина. Очъ безславиль первѣйшія мѣста въ Государствѣ, раздавая ихъ безчисленнымъ своимъ любовникамъ, изъ коихъ одинъ назывался мужемъ Императора, или, какъ онъ говорилъ самъ, мужемъ Императрицы.

Воины, возведшіе Геліогабала, пользовались безпредѣльною свободою, копорал нерѣдко доходила до своевольства и мало заботились о поведеніи Государя. Однако они спыдились избраннаго ими Императора и съ удовольствіемъ взирали на возникающія добродѣтели двоюроднаго брата его Александра сына Мамеи. Меза, предвидя неизбѣжныя слѣдствія

пороковъ сына Каракаллоа, устремила свои мысли на Александра, чптобы сохранилъ Императорскій вѣнецъ въ своемъ семействѣ, и убѣдила Императора сдѣлать его Цезаремъ. Зависть вскорѣ произвела въ немъ раскаяніе въ поступкѣ, къ копорому склонила его минущая нѣжность; пиранъ рѣшился погубить Александра. Тщешно спараясь освободиться отъ него хитростію, онъ рѣшился напасть на него явно и лишить его Цезарскаго достоинства; тогда Препоріанцы объявили себя защитниками Александра, и пренециуцій Императоръ покмо слезами и обѣщаніями могъ ихъ успокоить. Сколь низокъ ни былъ душою, Геліогабаль не могъ сносить равнодушно зависимости, въ копорой находился; онъ рѣшился впередъ показать свою твердость. Случай вскорѣ представился: разнесшійся слухъ объ Александровой смерти возбудилъ воиновъ къ новому возмущенію. Императоръ укротилъ оное казнію начинщиковъ. Сія неумѣстная спротость погубила его вмѣстѣ съ матерію и любовниками. Геліогабаль, послѣ чепырехъ лѣтъ и прехъ мѣсяцовъ своего царствования, былъ умершвленъ Препоріанцами; шѣло его съ презрѣніемъ паскали по улицамъ Рима, и память его была

предана Сенапомъ заслуженному поношенію.

Убийцы возвели на престоль Александра, которому было только шестнадцать лѣтъ. Юный Государь нарѣкся Северомъ; щедростію и доблестями онъ снискалъ привязанность войска и Сенапа. Александру Северу даны были шипла, соединенныя съ Императорскою властію; но управление Государствомъ поручено было двумъ женамъ: матери его Мамей и бабкѣ Мезѣ. Последняя умерла вскорѣ по возшествіи на престоль внука. Геліотагаль оскорбилъ предразсудки Римлянъ, во первыхъ повелѣвая спавить имя матери во всѣхъ общественныхъ бумагахъ; во вторыхъ пребуя, чтобы она засѣдала въ законодательномъ собраніи и, въ качествѣ члена Сенапа, подавала голосъ. Мать Александра была благоразумнѣе сестры своей; она отказалась отъ сего необыкновеннаго и смѣшнаго преимущества, и просила, чтобы женъ исключили навсегда изъ Сенапа закономъ. Мамея не обольщалась призракомъ владычества; одна дѣйствительная власть была предметомъ ея высокаго честолюбія. Она крайне старалась удержатъ сына въ совершенной зависимости, и прибѣгала для того ко всѣмъ средствамъ, даже къ злодѣянію. Александръ, съ ея согласіемъ, женился

на дочери одного Паприція. Почтеніе его къ своему пещю и любовь къ супругѣ не понравились Правительницѣ. Паприція осудили на смерть, а Императрицу сослали въ Африку. Однако за исключеніемъ сего поступка и того, что дѣлала она по скупости, Мамея мудростію правленія своего основала благоденствіе подданныхъ и прославила своего сына. Она составила Государственный Совѣтъ изъ шестнадцати просвѣщеннѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ Сенапоровъ, подъ предсѣдательствомъ Ульпіана, мужа столь же знаменитаго уваженіемъ своимъ къ законамъ, какъ и глубокими свѣденіями въ законодательствѣ. Все, что вело къ иноземному суевѣрію или Азіатской роскоши, было совершенно истребляемо. Однѣ личныя достоинства открывали путь къ мѣстамъ гражданскимъ и военнымъ. Мамея заслужила особенно почтеніе благоразумныхъ мужей раченіемъ своимъ о воспитаніи сына. Плодоносная почва приноситъ обильные плоды почвы безъ воздѣлыванія. Александръ родился съ щасливѣйшими способностями; одаренный превосходнымъ разумомъ, онъ рано полюбилъ добродѣтель, рано вкусилъ удовольствіе ученія и позналъ необходимость дѣятельной жизни. Однѣ занятія Александровы представляющъ намъ его Госу-

даремъ совершеннымъ. Онъ вставалъ рано и посвящалъ первыя минушы дня молиш-вѣ; оспальная часнь упра прошекала въ заняшяхъ дѣлами общественными. Красоты словесности оживляли духъ, ушомленный подробностями управленія; упражненія шблесныя слѣдовали за умшвенными. Послѣ умбренаго обѣда, онъ принимался снова за дѣла Государшвенныя, и ужинъ, главная прапеза Римлянъ, отличался у него чрезвычайною воздержностью. Немногіе избранные друзья сосшавляли его общештво. Короткая и назидательная бесѣда зашпутила мѣшшо сладоспращныхъ пѣсень и плясокъ, бывшихъ въ обыкновеніи въ предъидущемъ царшвованіи. Съ возшешствія на престоль Коммода, Римская Имперія, въ печеніи сорока лѣтъ, носила шягоспное бремя пороковъ чешверыхъ Императоровъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ и болѣе или менѣе безчеловѣчныхъ. По смерти Геліотабала возникло опять общественное благососшояніе. Области процвѣшали, избиліе возвратилось, и Сенашъ былъ извлечень изъ шого уничиженія, въ кошоромъ находился въ царшвованіе предшештвовавшихъ Государей.

Священное имя Аншонина дано было на поруганіе гнусному первосвященнику Эмезскому. Сенашъ предлагалъ Алексан-

дру принять оное; но скромный Императоръ на шо не согласился и спарался заслужить сію честь, шокмо возобновляя памятники вѣка Аншонинова — славу и благососшояніе Имперіи.

Александръ намбривался преобразовать войско; предпріяшіе необходимое, но опасное; ибо рапники, избалованные долговременною ненаказанностью, съ шрудомъ покорялись воинской подчиненности и ненавидѣли ея спрогости. Чшобы получить успѣхъ надлежало поступать съ великимъ искусствомъ и ошпоржностью. Александръ пришворяясь внимательнымъ и благорасположеннымъ къ войску, умѣлъ скрыть отъ него шѣ опасенія, кошорыя оно ему внушало. Спругая бережливость доставляла ему денежные суммы, необходимыя на обыкновенное жалованье легионамъ. Онъ освободилъ рапниковъ отъ прежней обязанности—носить на себѣ въ походахъ съшспные припасы на семнадцать дней. Роскошь ихъ обращалъ онъ на предметы великолѣпнаго военнаго, и собственнымъ примѣромъ спарался возшановить по крайней мѣрѣ шѣнь шого рапнаго усшройштва, кошорому Римская Имперія была обязана шоль многими успѣхами.

Препоріанцы любили Александра въ его юности, какъ своего пишомца, ко-

порому они покровительствовали и спасли отъ злобы пирана. Но правила мудраго правленія не согласны были съ распочительностію и безпорядкомъ, господствовавшими въ царствованіе предшествовавшихъ Государей. Добродѣтели Александровы вскорѣ заставили Препоріанцевъ жалѣть о порокахъ Геліогабаловыхъ, въ копорыхъ находились дѣйствительныя для нихъ выгоды. Префекта Ульпіяна, вѣрнаго блюстителя законовъ и преданнаго народу Римскому, рашники сочли виновникомъ преобразования воинскаго и возненавидѣли. Маловажное обстоятельство обратило въ бѣшенство ихъ неудовольствіе; они напали на народъ, копорой хотѣлъ защитити сановника, и прое суюкъ междоусобіе свирѣпствовало въ стѣнахъ Рима. Народъ уступая силѣ, съ горестію предоставилъ добродѣтельнаго Ульпіяна плачевному его жребію. Преслѣдуемый собственными рашниками, онъ искалъ убѣжища въ дворцѣ Императорскомъ и былъ умерщвленъ въ присутствіи своего Государя, щещно справшагося укропити неистовство убійць. Безсиліе правительсва было таково, что Императоръ для опмищенія смерти своего друга и наказанія, за оскорбленіе ему самому нанесенное, долженъ былъ щерпѣливо ожидать удобнаго

случая и скрывать свое неудовольствіе. Бышописатель Діонъ Кассій, начальствовавшій легіонами въ Паноніи, держался дошоль правилъ прежней строгой военной подчиненности. Препоріанцы находя выгоду въ своевольствѣ, пребывали головы его. Не внимая ихъ мяжежному воплю, Александръ раздѣлил Консульство съ Діономъ Кассіемъ; но опасаясь, чтобы присутствіе его въ Римѣ не послужило поводомъ къ новому возмущенію, онъ убѣдилъ Консула оставити городъ, гдѣ жизнь его была въ опасности, и онъ большую часть времени своего Консульства провелъ въ Кампаніи въ своихъ помѣстьяхъ.

Кропость Императора поощряла нѣкопорымъ образомъ наглость войска. Легіоны слѣдовали примѣру Препоріанцевъ, и щѣми же средствами возмущенія поддерживали пребыванія свои на своевольство. Александръ находился въ непрерывной борьбѣ съ испорченностію своего вѣвка: частыя мяжежи происходили въ войскѣ, сановники погибали насильственною смертію, перестали уважать его власть, и онъ самъ палъ жертвою необузданнаго своевольства, введеннаго въ легіонахъ его предшественниками. Однако щропшивые сии рашники покорились однажды власти своего Государя. Случай

сей достойнъ повѣствованія. Во время похода, предпріятого Александромъ въ Антіохію противъ Персовъ, наказаніе нѣкоторыхъ воиновъ, захваченныхъ въ женскихъ купальняхъ, произвело въ ихъ легіонѣ возмущеніе. Императоръ извѣстясь о семъ произшествіи, возсѣлъ на судное мѣсто и съ видомъ скромнымъ, но швердымъ говорилъ вооруженной полкѣ о необходимости повиновенія. Клики рашиковъ прерывали слова его. „Прекратите свои вопли“ вѣщаль тогда „безспрашный Императоръ „и безмолствуйте предъ своимъ Государемъ и „благодѣшелемъ; иначе я перешагну имевашъ васъ воинами, и назову мѣщанами, если попирающіе законы Римскіе „могутъ еще быть причислены къ какому-нибудь народному сословію.“ Сіи угрозы воспламенили бѣшенство рашиковъ; уже они грозили обратити оружіе противъ самаго Императора. „Ваше мужество, продолжалъ Александръ, нашло бы благороднѣйшее занятіе на полѣ брани. Вы можете лишити меня жизни, но не думайте привести въ шепель; мечъ правосудія накажетъ ваше злодѣйство и опмститъ смерть мою.“ Мясешный крикъ усилился, но Императоръ громогласно произнесъ рѣшительной имъ приговоръ: „Мѣщане, положите оружіе и

„удалитесь въ свои дома.“ Волненіе утихло немедленно; успрашенные и покрытые спыдомъ воины вняли словамъ Государя и повиновались. Не преждѣ какъ по испеченіи шридцати дней и по наказаніи нѣсколькихъ Ценшуріоновъ Императоръ согласился возстановити сей легіонъ, который изъ признательности пребылъ ему вѣренъ при жизни и опмстилъ въ послѣдствіи смерть его.

Дарованія Александровы не соопвѣшествовали запруднишельнымъ обстоятельствомъ его времени, а швердость — чистотѣ его намѣреній. Славу его царшествованія помрачили надменность и сребролюбіе его матери, которая, пребуя опъ возмужавшаго Александра шогоже повиновенія, какое онъ оказывалъ ей въ молодыхъ и неопытныхъ лѣтахъ, безъ намѣренія дѣлала сына своего смѣшнымъ и лишала его шого уваженія, которое не обходимо Государю для укрощенія мяшешниковъ. Труды производимой съ Персами войны, увеличили неудовольствіе войска; худой успѣхъ сего предпріятія лишилъ Императора славы нешолько искуснаго полководца, но и добраго рашика. Все готовило и ускоряло ужасный переворотъ, который поразилъ Государство и повергъ его на долгое время во всѣ бѣдствія междоусобія.

Самовластное и распутное поведение Коммодово, междоусобія, воспослѣдовавшія послѣ его смерти и новыя правила въ управленіи Государствомъ, принятыя домою Северовымъ, все возвышало опасное могущество войска, все колебало владычество законовъ и свободы, которая жила еще въ духѣ народа Римскаго. Личныя качества Императоровъ, ихъ побѣды, законы, неистовства и успѣхи заслуживаютъ наше вниманіе по одной связи ихъ со всеобщей Исторіею склоненія и упадка Имперіи. Имѣя постоянно въ виду сей важный предметъ, для насъ любопытно будетъ упомянуть объ одномъ замѣчательномъ указѣ, изданномъ Антониномъ Каракаллою, которымъ онъ всѣмъ свободнымъ жителямъ Имперіи удѣляетъ имя и преимущества Римскаго гражданства. Такая щедрость не была дѣйствіемъ великодушія Государева, но только слѣдствіемъ его ненасытнаго сребролюбія. Нѣсколько замѣчаній на состояніе финансовъ Римскихъ, съ цвѣтущихъ временъ республиканскаго правленія до царствованія Александра Севера, докажутъ истину сего мнѣнія.

Первыя побѣды, одержанныя республикою не столько ее обогащали, сколько увеличивали ея могущество. Италия вмѣсто подати отправляла тогда воинскую

службу. Пуническія войны, пребывавшія содержанія значительныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, во все время были производимы на щель однихъ Римлянъ. Народъ дѣлалъ се пожертвованіе въ надеждѣ пожать нѣкогда съ избыткомъ плоды усилій своихъ и издержекъ. Онъ не обманулся въ своемъ ожиданіи; пропекло нѣсколько дѣлъ и несмѣнныхъ сокровища Сиракузъ, Карфагена, Македоніи и Азіи скопились въ Римѣ. Народъ Римскій, властелинъ столь многихъ народовъ, былъ навсегда освобожденъ отъ бремени налоговъ. Во времена Помпея Азія платила подати во сто восемь милліоновъ французскихъ ливровъ. При послѣднемъ Пшоломеѣ получалось съ Египта до шестидесяти милліоновъ дохода. Древняя Галлія обогащалась войною и грабежемъ, Египетъ процвѣталъ отъ торговли. Кажется, что объ сіи области платили равную подать. Карфагенъ былъ обязанъ, въ печеніи пятидесяти дѣлъ, выплачивать девяносто шесть милліоновъ въ знакъ подданческаго уваженія своего къ превосходству Римлянъ. Рудники Испанскіе, въ древности не менѣ знаменитые Перуанскихъ и Мексиканскихъ, возбудили промышленность въ Финикіанахъ и были виною пораженія коренныхъ жителей сей страны. Изъ одного рудника,

близь Карфагена находившагося, ежегодно добывали на приста тысячь фуншовъ стерлинговъ серебра; Аспурія же, Галиція и Лузитанія доставляли ежегодно до дваццати тысячь фуншовъ золоша.

Судя по симь недоспапочнымъ свѣдѣніямъ, мы должны заключить: 1е, что доходы Римскаго правительства простирались ошь прехъ сошь шестидесяти до четьрехъ сошь восьмидесяти милліоновъ ливровъ; 2е, что сии доходы были доспапочны на издержки правительства, учрежденнаго Августомъ, коего дворъ походилъ на домъ простаго Сенатора, а военная сила съ того времени, какъ Римъ оставилъ честолюбивые свои замыслы, была назначена для одной обороны предѣловъ Имперіи. Однако послѣднее наше заключеніе не согласуется съ мѣрами, употребленными первымъ Императоромъ; ибо едва принялъ онъ бразды правленія, какъ и объявилъ налоги недоспапочными. Онъ показалъ необходимость ввести новые и обложить ими нѣкопорымъ образомъ жишелей Рима и Италіи. За учрежденіемъ таможенъ слѣдоваль налогъ на предметы потребления; величина подати простиралась ошь осьмой до сороковой части цѣны вещей. Съ предметовъ роскоши взимали большую подать нежели съ вещей необходимыхъ. Издѣліямъ Им-

періи оказывали покровительство ко вреду произведеній Аравійскихъ и Индійскихъ, служившихъ для одной роскоши, и съ коихъ взимаемая подать обременяла шолько людей богатыхъ (7). Налогъ на потребление былъ общій, но умѣренный; рѣдко превышалъ онъ одинъ проценшъ; но простирался на всѣ вещи, копорыя продавались въ лавкахъ и съ публичнаго торгу. Несоразмѣрность доходовъ, чрезъ сіи подати полученныхъ, съ ежегодными издержками, происходившими ошь значительной военной силы, копорую постоянно содержать надлежало, подала поводъ ко введенію налога съ завѣщаній и наслѣдствъ; однако онъ подалъ на предметы шокмо извѣстной цѣны, спюющіе пятьдесятъ или спю золотыхъ монешъ. Ближній родственикъ со спорону опцовской ошь него освобождался. Такой налогъ во всемъ согласовался съ другими постановленіями Римлянъ, копорые могли завѣщать совершенно по своей волѣ, кому хотѣли, не будучи связаны ни завѣщаніями, опредѣляющими наслѣдниковъ наслѣдника (substitutions), ни оброчными условіями, извѣстными въ наше время. Хотя взимали шолько двадцатую часть цѣны завѣщаннаго имѣнія, но разчитывали, что въ продолженіи двухъ или прехъ поколеній, правительство могло нечув-

спвишельно завладѣшь всею собствено-
спію гражданъ.

Неронъ въ началѣ своего царствованія
хотѣлъ опмѣнить таможенные сборы и
налогъ съ пошребленія. Благоразумиѣшіе
Сенаторы, хвала щедрость Государя,
опклонили его опъ сего намѣренія. Тра-
янъ и Антонины спарались полько облег-
чить бремя сихъ налоговъ; но освободить
опъ оныхъ гражданъ совершенно
почипали не возможнымъ. Распочипель-
ность Каракаллы и ненасытное сребро-
любіе войска заставили сего Государя
поспуать совсѣмъ иначе. Изъ всѣхъ су-
ществовавшихъ подашей большій доходъ
приносила подашь съ завѣщаній и на-
слѣдствъ. Небудучи исключипельно взи-
маема съ однихъ жителей Рима и Италіи,
она поспепенно возраспала съ распро-
спраненіемъ права гражданства. Новые
граждане, обременяясь новыми налогами,
находили вознагражденіе въ преимуще-
ствахъ, гражданству присвоенныхъ и въ
правѣ на полученіе почестей и высокыхъ
чиновъ въ государствѣ; но когда Каракал-
ла распроспранилъ на всѣхъ жителей
областей званіе и права гражданъ Рим-
скихъ; по опличію, копорымъ сіи по-
слѣдніе доселѣ пользовались и копо-
рымъ они, по свойственному людямъ
щеславию, дорожили, сдѣлалось мни-

мымъ. Неспало частной выгоды, опъ
сего произшекавшей, а налогъ собирашь
продолжали. Подложный сынъ Каракаллы
возвысилъ сей налогъ шестую долею, и
въ его царствованіе (ибо по смерти его
подашь сію возспановили на прежнемъ
основаніи) всѣ области Имперіи спенали
подъ бременемъ его желѣзнаго скиптра.

Казалось, что жители обремененные
однажды подашми, соединенными съ зва-
ніемъ гражданъ Римскихъ, должны были
освободиться опъ дани, копорую плапи-
ли дополѣ въ качествѣ подданныхъ Им-
періи; но Каракалла и Геліотабалъ не
слѣдовали сему правилу. Добродѣтельно-
му Александру предоспавлено было осво-
бодить области опъ таково угиѣшенія.
Сей Государь уменьшилъ до тридцатой
доли дань, копорую они плапили при
возшествіи его на пресполь. Трудно оп-
гадать, почему онъ опмѣнилъ часть сей
обременительной подати, забывая, что
преемникамъ своимъ опкрываетъ чрезъ
то случай возобновить ее вполнѣ. Въ про-
долженіи сей исторіи намъ часто случипся
говорить о денежныхъ сборахъ, о пого-
ловной подати, о пятоспномъ налогѣ съ
хлѣба, вина, масла и домашней скопины,
копорые собирались съ областей на со-
держаніе двора, войска и сполицы.

Описаніе благоразумныхъ мѣръ Императора Александра и порядка, учрежденнаго имъ въ финансахъ, въ сравненіи съ грабительствомъ двоихъ его предшественниковъ, удалило насъ нѣсколько отъ нашего предмета. Обратимся опять къ его исторіи. Безуспѣшная война съ Персами лишила сего Государя, нѣкопорымъ образомъ, уваженія рашиниковъ; намѣреніемъ же преобразовать войско, ограничить расходы, онъ утратилъ еще прежде ихъ привязанность. Возвратившись изъ Персіи, онъ предводительствовалъ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ Рейна, и важное дѣло обученія молодыхъ воиновъ поручилъ онъ одному чиновнику, именемъ Максимилиану, который поспешенно возвысился до первыхъ военныхъ чиновъ. Однажды, когда Максимилианъ вступилъ въ по мѣсто, гдѣ производилось ученіе; по рашиники, по внезапному побужденію, или въ слѣдствіе заговора, предъ симъ составленнаго, провозгласили его Императоромъ, побѣдили его сопротивленіе непрерывными восклицаніями и спѣшили возвести его на престоль, довершивъ свое возмущеніе умерщвленіемъ законнаго Государя.

Историки неодинаково повѣствуютъ объ обстоятельствѣхъ смерти Александра Севера. Рассказываютъ, что онъ послѣ

умѣренной шрапезы по среди войска, удалился для отдохновенія въ свою спавку; а часть шлохранищелей вошла и умерщвила его въ то время, какъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Судя по вѣрояннѣйшему слуху, должно думать, что Максимилианъ провозглашенъ былъ Императоромъ частію войска, отдаленною отъ главной кварширы; что Александръ имѣлъ время пробудить въ легіонахъ чувства вѣрности, которыми они обязаны были пипать къ своему Государю; но ихъ доброе разположеніе исчезло по приближеніи Максимилианомъ. Несчастный Императоръ видя себя оставленнымъ, и не надѣясь ни на какую помощь, удалился въ свою спавку и тамъ спокойно ожидалъ судьбы своей. Присовокупляющъ, будто бы въ послѣднія минуты жизни, сынъ Мамеи, вмѣсто того, чтобы встрѣпить роковой ударъ съ приличною швердостію и съ оружіемъ въ рукахъ, оспыдилъ себя щепными слезами и напраснымъ моленіемъ, недостпойнымъ великаго Государя. Мать Александра раздѣлила участь своего сына; она много содѣйствовала его гибели своею надменностію и скупостію. Друзья преданные Императору учинились жершвою неистовства рашиниковъ; другіе пережили его только для того, чтобы послѣ быль

свидѣтелями безчеловѣчія Максимина
и оплакивать несчастную кончину Госу-
даря добродѣтельного, который принад-
цать лѣтъ управлялъ Имперією, если не
совсѣмъ искусствомъ и швердосцію вели-
каго вѣщеносца, то по крайней мѣрѣ
постоянно слѣдуя правиламъ кропоспи
и умѣренности.

Г Л А В А V.

*Возвышеніе и тиранство Макси-
мина. Междоусобіе. Насильственная
смерть Максима и сына его. О
Максимѣ и Бальбинѣ. О трехъ Гор-
діанахъ. Похищеніе престола Фи-
липпомъ. Онъ празднуетъ играми
прошедшее столѣтіе. Состояніе
Персіи. Состояніе Германіи.*

Умершвеніе Александра Севера и
возвышеніе Максима убѣдило Римлянъ
въ печальной истинѣ, что домашнія до-

бродѣтели не укрываютъ Государя отъ
руки убійцы, и что незнающая порода
не можетъ служить преградою че-
стоплюбивому варвару къ возшествію на
престоль Цезарей. Максиминъ, будучи
просиымъ Фракійскимъ поселяниномъ,
умѣлъ обратитъ на себя вниманіе Импе-
ратора Севера, посѣдившаго его родину.
Быстрою бѣга и необыкновенною си-
лою онъ заслужилъ позволеніе вступишь
въ военную службу; мужествомъ и поч-
ностію въ исполненіи обязанностей рап-
ника приобрѣлъ онъ, въ царствованіе
Севера и сына его, степень Ценшуріона.
Признапельность къ щедростямъ Кара-
каллы не допустила Максима служить
подъ знаменами Макрина, и воинствен-
ный духъ его гнушался власти женопо-
добнаго Геліогабала. При возшествіи на
престоль Александра, онъ явился снова
при дворѣ и получилъ мѣсто почешное и
выгодное. Четвертый легіонъ, въ коемъ
Максиминъ былъ Трибуномъ, раченіемъ
его вскорѣ сдѣлался первымъ по военно-
му успройству во всемъ войскѣ. Онъ
снискалъ привязанность рапниковъ, копо-
рые прозвали его Геркулесомъ и Аяксомъ.
Самъ Александръ споль много уважалъ
Максима, что безъ сомнѣнія выдалъ
бы за него сеспру свою, еслибы между
грубыми нравами сего необразованнаго

воина не было такой прошивуположности съ приличіемъ, господспвовавшимъ при дворѣ Императорскомъ.

Знаки Государевой милоспи, вмѣстѣ съ того чшобы усилишь признапельность Максимина, возпламеняли полько его честполюбіе, которому принесъ онъ въ жерпву своего благодѣшеля, похипилъ его корону и былъ бичемъ и ужасомъ своихъ подданныхъ. Хищникъ, неполучившій ни малѣйшаго воспипанія, имѣлъ наружность суровую и соспавлялъ разпшельную прошивуположность съ Александромъ, которой въ обхожденіи своемъ былъ привѣпливъ и ласковъ. Зная выгоды, неразлучныя съ пріятнымъ обращеніемъ и другими качеспвами, которыхъ онъ не имѣлъ, жестокій Максиминъ положился совершенно на одну привязанность войска, и съ неупомимымъ безчеловѣчіемъ преслѣдовалъ своихъ подданныхъ. Спаяясь всемѣрно изгладить воспоминаніе о низкомъ своемъ произхожденіи, онъ губилъ всѣхъ, кои были свидѣшелями онаго не различая лицъ, оскорблявшихъ его прежде своимъ пренебреженіемъ опъ шѣхъ, кои содѣйспвовали его возвышенію. Враги и друзья были равно въ глазахъ его виновны. Магнусъ, Сенапоръ, опсправлявшій уже званіе Консула, доблеспями своими навлекъ на себя подо-

зрѣніе шпрана; его обвинили въ заговорѣ, и не изслѣдовавъ дѣла, предали смерпи. Чепыре пысячи гражданъ, почитавшихся его сообщниками, имѣли шу же участь. Знашнѣйшихъ Римлянъ, которые бывали намѣспниками областей, полководцами легионовъ Имперіи и неоднократно, въ званіи консульскомъ, удостоивались почеспей пріумфа, зашивали, по повелѣнію Максимина, въ кожи живошныхъ, не задолго предъ шѣмъ убишыхъ, опдавали на съдненіе дикимъ звѣрямъ и убивали копьями. Въ спанѣ своемъ, на берегахъ Рейна или Дуная разположенномъ, (ибо онъ гнушался Ипаліи) опдавалъ свирѣпый шпранъ безчеловѣчныя свои повелѣнія, попиралъ законы и справедливосшь, угнѣпалъ челошество желѣзнымъ скипешромъ звѣрсаго военного самовласпія. Пока жерпвою его жестокоспи были одни Сенапоры, либо низкіе царедворцы, народъ равнодушно взиралъ на кровь и гибель; но лишь полько алчный шпранъ коснулся общеспвеннаго достпоянія, ропощъ раздался немедленно. Каждый городъ въ Имперіи пользовался особенными независимыми доходами; они служили для покупки хлѣба жипелямъ, для зрѣлищъ и для празднованія игръ; Максиминъ однимъ указомъ присвоилъ себѣ всѣ сіи доходы. Въ храмахъ, по его

повелѣнію, похищали сокровища, вѣками накопленныя изъ приношеній набожности; изваянія боговъ и героев повергали на землю и переплавляли въ деньги. Самыя войны, раздѣляя плоды грабежа, устрашались святошества, и вскорѣ всеобщее негодование разпространилось по всѣмъ частямъ Имперіи. Главный сборщикъ податей въ Африкѣ не уступалъ Императору въ жестокости и притѣсненій подвластныхъ. Онъ издалъ указъ касательно достаточныхъ житейскій области, который, будучи приведенъ въ исполненіе, довелъ бы ихъ до нищеты совершенной. Они просили прехднейшей ошсрочки, получили ее съ трудомъ и симъ временемъ приняли мѣры къ освобожденію себя отъ корыстолюбиваго сборщика. Они собрали толпу поселянъ, вооруженныхъ копьями, попорами и орудіями земледельческими; заговорщики сами явились на аудіенцію, вооруженные скрытыми кинжалами и вонзили ихъ въ сердце своего злодѣя. При помощи вооруженныхъ поселянъ они овладѣли небольшимъ городомъ Тиздромъ, подняли знамя возмущенія и прошивупоставили высокую добродѣтель Гордіана неумолимою жестокости пирана. Гордіанъ съ слезами увѣщавалъ ихъ избавить его отъ сей опасной почести; но принужденъ былъ

принять ее. Онъ былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ Сената, производя со стороны матери своей отъ Траяна, а со стороны отца отъ знаменитаго Тракха. Состояніе его соотвѣтствовало его происхожденію, а добродѣтели и глубокія свѣденія, украшавшія его душу, напоминали благословенный вѣкъ Антониновъ. Гордіанъ имѣя восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, слабый и обремененный старостию, принужденъ былъ обезславить безпорочную жизнь свою проливіемъ крови согражданъ. Сынъ его, столь же любезный, хотя не столь чистой нравственности, былъ приобщенъ къ отцу въ управленіи Имперіею. Гордіаны, успокоивъ смятеніе, происшедшее по случаю избранія ихъ на царство, перенесли дворъ свой въ Картагенъ и отправили къ Сенату посольство, составленное изъ значительнѣйшихъ особъ въ области, для испрошенія у сего сословія согласія на свое избраніе. Расположеніе Сенаторовъ было одинаково и несомнѣнно. Гордіаны находились въ связи съ важнѣйшими домами въ Римѣ; ихъ достоинства подавали надежду на управленіе умѣренное и даже республиканское. Максиминъ пылалъ къ Сенаторамъ Римскимъ непримиримою ненавистію; для собственной безопасности они принуждены были благопріятствовать Гор-

діанамъ ; въ нихъ видѣли они покровителей и защитниковъ. Сенатъ, согласно съ древними постановленіями, собрался въ храмъ богини согласія для тайныхъ совѣщаній. Силланъ одинъ изъ Консуловъ, сказалъ имъ причину собранія, и прогнать ихъ силою краснорѣчія своего, говорилъ : Максиминъ врагъ нашъ, да погибнетъ онъ съ своею враждою ; да покоится Имперія долго подъ сѣніюладычества Гордіановъ, возвеличенная мудростию отца и мужествомъ сына ! Благородное рвеніе Консула оживило унылый духъ Сенаторовъ ; торжественно признали они избраніе на царство Гордіановъ, объявили Максимиана и сына его измѣнниками опечества, и большая награда была обѣщана тому, чья смѣлая рука умертвитъ его.

Въ опсудствіи хищника опрядъ Препоріанцевъ находился въ Римѣ для обезпеченія столицы. Префектъ Вишаліанъ, исполнишель воли пирана и не менѣе его безчеловѣчный, сохранялъ еще власть надъ городомъ и Сенатомъ. Прежде нежели опредѣленіе сіе могло разгласиться, поручено было одному Трибуну и нѣсколькимъ рашикамъ убить Префекта. Они мужественно и поспѣшно исполнили сіе порученіе, и держа въ рукахъ окровавленное еще желѣзо, бѣжали по всѣмъ ули-

цамъ города, возвѣщая народу и воинамъ перемѣну Правительства. Обѣщаніемъ значительной награды успокоили и даже переманили Препоріанцевъ. Изваянія Максиминовы были повержены и власть Гордіановъ признана во всей Италіи. Сенатъ принялъ мѣры для обезпеченія успѣха своего предпріятія. Двадцати Членамъ его ввѣрена была оборона Италіи и каждому изъ нихъ назначень особый округъ. Имъ повелѣли вооружить все юношество Италійское и образовавъ изъ него войско. Въ то же время опправили въ различныя области Дѣпушатовъ, чшобы преклоняшь Намѣстниковъ перейти на сторону Сената и свергнуть постыдное иго звѣрскаго самовластія.

Между тѣмъ какъ избраніе Гордіановъ на царство было рѣшено и поддерживаемо съ такимъ рвеніемъ Сенатомъ и гражданами, сіи Государи уже болѣе не существовали. Капеліанъ, намѣстникъ Мавританіи, успремился на сію беззащитную область. Юный Гордіанъ, предводительствуя неспройными полпами, вышелъ къ нему на встрѣчу ; его мужество безъ вспоможенія доставило ему шокмо славную смерць. Отець извѣспясь о пораженіи сына, прекрапилъ жизнь свою послѣ 36 дневнаго царствованія. Карфа-

гень сдался побѣдителямъ и покорился его жестокой алчности.

Судьба Гордіановъ поселила ужасъ въ Сенашѣ и Римлянахъ. Собранныя снова въ храмѣ согласія, Сенашоры хранили печальное молчаніе; въ немъ изображалось смущеніе ихъ духа; но одинъ изъ членовъ имени и роду Траянова пробудилъ ихъ мужество. Онъ представилъ, что имъ остается одно изъ двухъ: встрѣшивъ общественнаго злодѣя въ полѣ, либо спокойно ожидать жестокихъ мученій и позорной смерти, на которую они давно уже обречены. „Изберемъ двухъ Государей, продолжалъ онъ, что бы одинъ умѣлъ воевать съ пираномъ, а другой оспавался въ Римѣ для управленія Государствомъ; я пренебрегаю завистью, неспрашась бытъ избранъ; голосъ свой подаю въ пользу Максима и Бальбина; опцы народа Римскаго! утвердите мой выборъ либо изберите на царство гражданъ, болѣе достойныхъ порфиры.“ Добродѣтели предложенныхъ особъ немедленно были признаны собраніемъ, и отовсюду раздались восклицанія: да здравствуютъ, да порожествуютъ Императоры Максимъ и Бальбинъ. Качества избранныхъ Государей оправдывали надежду Римлянъ. Бальбинъ былъ славнымъ ученымъ и стихотворцемъ; его благоразуміе и умѣрен-

ность, испытанныя во внутреннемъ управленіи областей, служили основаніемъ его права на общую довѣренность и слѣдовательно на избраніе. Максимъ, побѣдами своими надъ Сарматами и Германцами, спяжалъ вѣнецъ великаго полководца; онъ заслужилъ вполне уваженіе своихъ сочленовъ. Когда Максимъ и Бальбинъ пошли благодарить боговъ; по обрядъ, во храмѣ по сему случаю совершаемый, былъ нарушенъ полною необузданнаго народа. Онъ требовалъ права утверждать избраніе Императора, называя сіе законнымъ своимъ достояніемъ, и хотѣлъ, чтобы къ двоимъ уже избраннымъ Государямъ приобщили претяго изъ дому Гордіановъ. Максимъ и Бальбинъ съ городской спражею шестито спарались разогнать толпу. Благоразуміе заставило ихъ наконецъ прекративъ бой, копорой могъ обратиться на пагубу какъ имъ, такъ и ихъ противникамъ. Двѣнадцатилѣтній опрокъ, внукъ престарѣлаго Гордіана и племянникъ сына его, былъ представленъ народу и облеченъ саномъ Цезаря. Смятеніе немедленно прекратилось, и Римляне начали готовиться къ оборонѣ стѣнъ своихъ противъ врага общаго. Между тѣмъ какъ сіи перемѣны происходили въ столицѣ, Италіи и Африкѣ, сильныя спрасхи волновали душу Макси-

минову. Въ одно время извѣстился онъ объ избраніи Бальбина и Максима и осмерпи Гордіановъ; узналъ также, что Римъ и Италія готовятся къ войнѣ. Три похода, увѣнчанные успѣхами, приучили легіоны Максимины къ военнымъ прудамъ и опасностямъ; онъ могъ еще заставить мятежниковъ раскаяться въ своемъ предпріятіи, если бы не послѣдовалъ великодушному примѣру Силлы, и не пренебрегъ личныхъ злодѣевъ, пока еще оставались непобѣжденными враги Имперіи.

На слѣдующую покло весну повелъ Максиминъ свое войско къ подошвѣ Альповъ Юліанскихъ. Безмолвіе и пустыня, царствовавшая на предѣлахъ Италіи, поразили рашиковъ тайнымъ ужасомъ; жители покинули города и села и увезли съ собою домашнюю скотину; мосты были сломаны; все доказывало, что народъ рѣшился на мужественную оборону. Онъ исполнилъ повелѣнія Сенаша и полководцевъ, которые благоразумно вознамѣрились продлить войну и медленно испребишь Максиминово войско, съ которыми невозможно было сразиться успѣшно, не ослабивъ его предварительно. Городъ Аквилея первый удостоился чести прошивуспашъ пирану. Пошоки, впадающіе въ Адриатическое море, увеличенные

водою большихъ снѣговъ, были новою, неожиданною препною оружію Максимину. Между тѣмъ успѣли однако построишь мостъ изъ большихъ бочекъ, искусно связанныхъ между собою, который облегчилъ переправу войска на другую сторону пошока. Максиминъ велѣлъ съ досады разорить прекрасные виноградники, украшавшіе окрестности Аквилеи; предмѣстія были такъ же разрушены до основанія и на городъ сдѣлано совсѣхъ сторонъ сильное нападеніе.

Креспинъ и Менофиль, двое изъ двадцати полководцевъ, Сенапомъ избранныхъ, занявъ Аквилею съ небольшимъ отрядомъ старыхъ воиновъ, обороняли ее мужественно. Городскія стѣны, запущенныя во время продолжительнаго мира, были наскоро поправлены, военныя машины приведены въ успройство и всякаго рода укрѣпленія воздвигнуты съ удивительною поспѣшностію. Но сильнѣйшій и надежнѣйшій оплотъ Аквилеи состоялъ въ мужествѣ ея жителей, которые пылая любовію къ свободѣ и спрашась жестокой мести, отражали повторяемыя нападенія пирана, обращали въ пепель, какимъ-то искусственнымъ огнемъ его машины, и выдержали съ необычайною рѣшительностію и швердосію уси-

лія войска, предъ коимъ прешала вся Имперія.

Максимъ дошедши до Равены для вспомошествованія сему важному городу, съ безпокойствомъ взираше на осаду Аквилей. Онъ не безъ причины опасался, что бы тиранъ, наскучивъ упорною обороною сего города, не оставилъ его и не пошелъ прямо на Римъ; одно сраженіе рѣшило бы тогда судьбу Имперіи. Прошивъ старыхъ воиновъ Рейна и Дуная Римъ могъ выспавить токмо Италіанское юношество, неспособное переносить труды военные, и опрядъ Германскихъ союзниковъ, на которыхъ нельзя было много полагаться. Но измѣна рашиковъ Максимовыхъ прекратила справедливыя опасенія Максима. Сенатъ угрожаемый местию тирана, былъ въ другой разъ успокоенъ.

Аквилей едва испышала обыкновенныя бѣдствія осады; ея способы и силы нимало не испощились, между тѣмъ, какъ воины Максимовы прешербили всякаго рода напаси. Суровость годоваго времени, болѣзни и ужасы голода, соединенные съ трудами и опасностями военными, довели ихъ до крайности. Тиранъ въ бѣшенствѣ своемъ раззорилъ поля и селенія, наполнилъ рѣки кровію и трупами; уныніе и отчаяніе овладѣли его

войскомъ. Безвременная спротивность Максимина усилила только неудовольствіе рашиковъ. Нѣсколько Препоріанцевъ, опасаясь за своихъ женъ и дѣтей, находившихся въ столицѣ, рѣшились исполнить приговоръ Сената; Максиминъ былъ умерщвленъ въ своей спавкѣ послѣ трехъ лѣтъ и нѣсколькихъ дней своего царствованія. Сынъ, съ которымъ раздѣлялъ онъ власть свою, имѣлъ уже участь Амулинъ, Префектъ и многіе другіе исполнили его жестокой воли, получили достойное своихъ злодѣйствъ наказаніе. Аквилей приняла къ себѣ тѣхъ самыхъ воиновъ, которые не задолго предъ тѣмъ трудились надъ ея разрушеніемъ. Голову тирана носили торжественно по всѣмъ улицамъ на острѣй копья. Городской рынокъ снабдили произведеніями всякаго рода. Принашельное войско покорилось власти Сената и поклялось въ вѣрности и повиновеніи новымъ своимъ Государямъ.

Тѣло Максиминово совершенно соотвѣтствовало его духу. Ростомъ былъ онъ болѣе восьми футовъ; необыкновенной же силѣ его и прозорству приводятъ неимовѣрные примѣры. Извѣстіе о смерти сего дикаго тирана получили въ Римѣ съ восторгомъ, который легче представить нежели описать можно.

Возвращеніе Максимова было поржествомъ; Бальбинъ и юный Гордіанъ вышли къ нему навспрѣчу. Три Государя вступили въ столицу при восклицаніяхъ народа и рукоплесканіяхъ Сенапа. Поведеніе обоихъ Императоровъ исполнило надежды ихъ подданныхъ; они лично опправляли правосудіе, и милосердіе Бальбиново смягчало суровую добродѣтель Максима. Какой награды должны мы ожидать за освобожденіе Рима отъ изверга? спросилъ нѣкогда Максимъ у своего соправителя въ часъ дружеской и опкровенной бесѣды. „Празднательности Сенапа, народа и всего рода человѣческаго,“ опвѣщивоваль не запинаясь Балбинъ. „Я спрашусь, возразилъ прозорливой Максимъ, ненависти рашиковъ и дѣйствія ихъ злости.“ Событіе оправдало совершенно его опасеніе.

Во время пребыванія Максима въ Италіи, Бальбинъ былъ свидѣтелемъ многихъ насильственныхъ поступковъ въ Римѣ, и невольно былъ замѣшанъ во внутренніе раздоры. Взаимная вражда и зависть овладѣли Сенапорами; они ходили въ собраніе, вооруженные скрытыми кинжалами. Два старые Преторіанца прокрались въ Сенапъ во время засѣданія и были виною произшествія, подавшаго случай къ новому мяшежу въ столицѣ.

Галликанъ и Мецена, почешные Сенапоры, не могли безъ негодованія сморѣть на дерзость сихъ рашиковъ, и обнаживъ кинжалы, умертвили ихъ на мѣстѣ. Не довольствуясь симъ жестокимъ поступкомъ, они возбуждали народъ къ убійству всѣхъ Преторіанцевъ, называя ихъ шайными приверженцами послѣдняго пирана. Междоусобная война вспыхнула немедленно и продолжалась нѣсколько дней, въ печеніи коихъ народъ, подкрѣпляемый множествомъ Гладіаторовъ, нападалъ нѣсколько разъ безъ малѣйшаго успѣха на станъ Преторіанскій. Тщешно Императоръ старался помирить противниковъ, коихъ ожесточеніе, обузданное на время, обнаруживалось послѣ съ бѣльшею силою. Воины и народъ равно презирали Государя, который не имѣлъ необходимой пвердости ни власти къ удержанію подданныхъ въ предѣлахъ должнаго порядка.

Войско пирана признало власть Максима; но гордость Преторіанцевъ и привычка ихъ къ своевольству не согласовались съ повиненіемъ, котораго Императоры имѣли право пребывать. Къ несчастію сіи Государя по возвращеніи своемъ въ Римъ неблагоразумно поступили, соединивъ пѣлохранищелей Максимовыхъ съ городской спражею. Сіи раши-

ки съ горестію видѣли, что большая часть Государей, избираемыхъ войскомъ, погибала насильственной смертію, между шѣмъ какъ поставляемые Сенаторомъ сидѣли на престолѣ. Произходившая до сихъ поръ борьба гражданской власти съ военною рѣшалась оружіемъ въ пользу первой. Преторіанцы чувствовали, что если они будутъ зависѣть впредь отъ одной законодательной власти, копорая, подъ предлогомъ общественной пользы, можетъ возстановить военное устройство во всей прежней строгости; то утратятъ преимущество незаконной свободы и ненаказанности, коими дошолѣ пользовались. Они спрашили строгости Максимовой и вскорѣ сообщили другъ другу свои неудовольствія и опасенія. Нѣкоторые неблагоумренныя начальники легко увѣрили сихъ безпокойныхъ ратниковъ, что пока у нихъ есть въ рукахъ оружіе, дошолѣ жребій ихъ будетъ зависѣть отъ нихъ самихъ, и что, если они рѣшатся пренебречь тщетныя угрозы немощной республики; то могутъ доказать вселенной, что люди, владѣющіе мечемъ, располагаютъ и верховною властію въ Государствѣ.

Зависть, копорую питали оба Императоры другъ къ другу, не могла прекратить негодованія, съ каждымъ днемъ воз-

расставшаго. Максимъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на Бальбина, какъ на безпечнаго Патриція; Бальбинъ презиралъ своего товарища, какъ необразованнаго и грубаго ратника. Однажды, какъ весь городъ праздновалъ Капитолинскія игры, оба Государя оставались во дворцѣ. Внезапное приближеніе отряда Преторіанскаго встревожило и привело ихъ въ смущеніе; но вмѣсто того, чтобы искать спасенія либо защищаться, они утратили драгоценное время въ бесполезныхъ взаимныхъ упрекахъ. Появленіе ратниковъ прекратило ихъ споры. Они схватили Сенаторскихъ Императоровъ (такъ называли ихъ въ насмѣшку), сняли съ нихъ Императорскія манші, и шрупы ихъ, покрытые безчисленными ранами, предали народному ругательству или сожалѣнію.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ были умерщвлены шесть Императоровъ. Юный Гордіанъ, уже послѣдній пишущій Цезаря, былъ облеченъ порфиною и избранъ войнами для управления Имперією. Молодость и невинность сего Государя общали Римлянамъ, если не новую славу, то по крайнѣй мѣрѣ спокойствіе и мирное благосостояніе. Поступки сановниковъ, употреблявшихъ во зло власть Гордіанову, испребили плоды его доброты.

дѣшелей. По возшествіи на престолъ, мать окружила его евнухами, которые управляли именемъ Государя, угнѣтали подданныхъ, и рачительно не допускали до него жалобъ сихъ послѣднихъ. Гордіанъ, освободившись отъ сей постыдной зависимости, удостоилъ своей довѣренности мужа, коего мудрые совѣты имѣли въ виду шокмо славу Государя и счастье народа. Мизией заслужилъ сперва милость Императорскую своею глубокою ученостію и обширными свѣденіями въ дѣлахъ государственныхъ. Государь, женившись вскорѣ на его дочери, явилъ сему достойному сановнику новый опытъ своего уваженія къ его добродѣтелямъ. Два письма, писанныя ими другъ къ другу, сохранились для потомства. Въ одномъ Мизией поздравляетъ его съ освобожденіемъ отъ ига евнуховъ, а еще болѣе съ тѣмъ, что онъ вполне чувствуетъ цѣну своего освобожденія. Гордіанъ искренно признается въ прошедшихъ заблужденіяхъ и оплакиваетъ судьбу Государя, окруженнаго низкими царедворцами, тщательнo сокрывающими отъ него истину.

Мизией провелъ большую часть жизни въ бесѣдѣ музъ; но одаренный умомъ всеобъемлющимъ онъ былъ не менѣе способенъ на дѣло военное. Сдѣлавшись Пре-

фектомъ Преторія, онъ исполнялъ обязанности сего мѣста съ особеннымъ благоразуміемъ и неутомимою дѣятельностію. Персы завладѣли Месопотаміею; Императоръ, по совѣту своего пещя, повелѣлъ отворить двери храма Янусова, (обрядъ, упоминаемый здѣсь въ послѣдній разъ въ Исторіи), и самъ двинулся на встрѣчу непріятелю. Персы, утраченные его приближеніемъ, покинули взятые города, и отступили отъ Ефрата къ Тигру. Императоръ, сообщая Сенату объ успѣхѣ своего оружія, отнесилъ всю славу онаго мудрости своего сановника, принявшаго благоразумнѣйшія мѣры. Щастливое царствованіе Гордіана не было долговременно; надежнѣйшая его опора, Мизией умеръ отъ прилива крови, которой приписывали дѣйствію яда, и Государство подверглось новымъ потрясеніямъ. Филиппъ, новый Префектъ, избранный Императоромъ, былъ родомъ Аравіянцъ, а ремесломъ разбойникъ. Возвышеніе его предполагаетъ смѣлость и дарованія; первая внушила ему честолюбивое намѣреніе сдѣлаться Императоромъ, а послѣднія открыли ему способы свергнуть съ престола Государя юнаго и неопытнаго. Чтобы возбудить воиновъ къ возмущенію, онъ произвелъ въ станѣ искусственный голодъ,

задерживая подводы съѣстныхъ припасовъ. Негодующіе рабники приписали сіе молодости и неспособности Императора и обратили оружіе свое противъ Государя, котораго защищать были обязаны.

Нещастный Императоръ былъ лишенъ престола и умерщвленъ по повелѣнію мятежныхъ воиновъ. Памятникъ воздвигнутый на берегу небольшой рѣчки Аборасъ, напоминалъ долго злодѣяніе Римскихъ воиновъ и бѣдственную кончину Государя. Царствованіе его продолжалось шесть лѣтъ.

Филиппъ, возведенный на престолъ войскомъ, старался загладить незнашность своего произхожденія великолѣпными празднествами, которыя давалъ народу. По возвращеніи своемъ изъ Азіи онъ торжествовалъ вѣковой юбилей съ величайшимъ вѣликолѣпіемъ. Со временъ Августа, который снова ввелъ сіи игры въ обыкновеніе, ихъ праздновали только Клавдій, Домиціанъ и Северъ. Филиппъ возобновилъ ихъ въ пятой разъ. Принято было торжествовать ихъ каждые 100 или 110 лѣтъ; но Филиппъ мало обращалъ вниманія на сей обычай. Между тѣмъ какъ великолѣпныя зрѣлища новаго Императора ослѣпляли толпу легкомысленную, Филосовъ, размышлявшій объ Исто-

рии Рима съ препетомъ проникалъ въ будущую судьбу сего Государства. Правда, владѣнія Рима по прежнему простирались отъ Тигра до зыбей Западнаго Окена и отъ горы Апласа до береговъ Рейна и Дуная; но нравственная сила, служившая основаніемъ Римскому могуществу болѣе не существовала и области, ни къмъ защищаемыя, готовились содѣлаться добычею предприимчивыхъ варваровъ.

Персидская Монархія, возстановленная Арпаксерксомъ, казалось, хотѣла вступить въ совмѣстничество съ Римомъ. Въ предъидущемъ столѣтіи въ ней щипалось до пяти сотъ пятидесяти чепырехъ городовъ, около шестидесяти тысячъ деревень и до сорока милліоновъ жителей. Нѣтъ причины думать, чпобъ она была менѣ цвѣтущая въ царствованіе Арпаксеркса. Государь сей побѣдилъ Скифовъ, Индейцовъ и щипалъ Римлянъ прошивниками, доспойными своего оружія. Римъ находясь въ непрерывныхъ войнахъ, могъ выставить противъ Царя Персидскаго только часть силъ своихъ. Не смотря на по оружіе его вѣнчалось постоянными успѣхами и сохранило прежнюю славу. Въ царствованіе Марка Аврелія Римскіе полководцы доходили до Кпезифона, разрушили столицу Царя Парфянскаго: но Кпезифонъ возникъ опять изъ своего пеп-

ла и въ печеніи прицпапи прехъ лѣпшъ усилился до того, что могъ сопротивляться Императору Северу.

Аршаксерксъ утвердившись на престолѣ, объявилъ права свои на Азіійскія области, принадлежавшія Римлянамъ и началъ войну. Въ сихъ обстоятельствевахъ Александръ Северъ рѣшился самъ предводительствовать войскомъ. Императоръ въ извѣстной рѣчи своей говоритъ о важной побѣдѣ, имъ одержанной; но слова его опровергаются современнымъ Историкомъ, дѣлавшимъ начертаніе сей войны и сообщившимъ о ней подробнѣйшія извѣстія. Изъ нихъ видно, что Римское войско, послѣ нѣкоторыхъ ошибокъ, въ коихъ имѣло поверхность, опсупило съ великими затрудненіями, претерпѣвъ значительную потерю. Между тѣмъ мужество Римлянъ убѣдило Персидскаго Государя въ трудности его предпріятія; не смотря на мятежи и смятенія, воспослѣдовавшіе по смерти Александра Севера, Аршаксерксъ никакъ не могъ опиятъ у Римлянъ небольшой области Месопотамии.

Царствование сего Персидскаго Государя составляетъ важную эпоху въ исторіи Азіи и самаго Рима. Въ душѣ его ясно изображались сила и мужество, свойственныя однимъ завоевателямъ. Его уло-

женіе до послѣднихъ временъ Персидской Монархіи служило основаніемъ гражданскаго и духовнаго законодательства. Сынъ его Сапуръ наслѣдовалъ съ порфиною и честолюбивые замыслы родителя, которые обратились какъ Персамъ такъ и Римлянамъ въ обильный источникъ раззорительныхъ войнъ и безчисленныхъ бѣдствій.

Персы давно образованные и изнѣженные не имѣли того мужества, копорымъ отличались народы Сѣверные. Военное искусство въ Азіи никогда не дѣлало нарочитыхъ успѣховъ. Войско Персидское было ни что иное, какъ опрометчивая и несмысленная толпа, уповающая болѣе на свою многочисленность, нежели на храбрость и на храбрость болѣе, нежели на подчиненность и искусство. Пѣхоша состояла изъ робкихъ и непривычныхъ поселянъ; но въ конницѣ служило все Персидское дворянство, которое съ семилѣтняго возраста приучалось говорить одну истину, спрѣлать изъ лука и искусно владѣть конемъ. Превосходство ихъ въ сихъ упражненіяхъ не имѣло соперниковъ. Ихъ тяжелая и легкая конница, страшная и силою написка и быспропою движеній, безпрестанно угрожала Римской Имперіи, и жителямъ Восточныхъ областей съ ужасомъ видѣли каждый день

на необозримыхъ равнинахъ безчисленныя непріятельскія полчища, копорыя, подобно пучамъ, скоплялись и предвѣщали близкую гибель ихъ опечеству.

Римляне познали важнѣйшія причины опасенія, когда Сѣвернымъ ихъ предѣламъ начали угрожать смѣлые варвары, жилиши дремучихъ лѣсовъ Германіи. Страна сія, заключающая въ себѣ Германію новѣйшихъ временъ, Данію, Норвегію, Швецію, Финляндію, Литву и величайшую часть Польши, была населена первоначально многочисленными племенами, коихъ пѣлосложеніе, нравы и языкъ, являя разительное сходство, свидѣльствовали объ одинаковомъ произхожденіи. Суровость климата и живость воздуха сообщали крѣпость и проворство симъ кореннымъ жителямъ. Обширные лѣса, покрывавшіе погда значную часть Германіи и Польши, не пропуская солнечныхъ лучей до земли, были конечно причиною первоначальной спужи въ сихъ краяхъ. Жестокія зимы и производящій отъ того избытокъ льда, объ коемъ упоминають нѣкоторые писатели, доказываются двумя несомнѣнными обстоятельствомъ: Іе, въ древнія времена Рейнь и Дунай часто замерзали до такой степени, что могли подымать многочисленное войско, конницу и даже пя-

желыя повозки варваровъ, явленіе, котораго въ новѣйшія времена никогда не видали. Іе, Лось, по сложенію своему способный переносить и даже любящій чрезмѣрную спужу, животное, живущее на скалахъ Шпицберга и посреди снѣговъ Сибири и Лапландіи — родомъ изъ Германіи, между пѣмъ какъ нынѣ онъ не можетъ существовать ни въ одной странѣ, на Югъ отъ Балтійскаго моря лежащей.

Трудно опредѣлить вліяніе климата древней Германіи на духъ и пѣлесныя силы коренныхъ ея жителей; но все заставляетъ думать, что сіи отважные сыны Сѣвера имѣли сложеніе болѣе способное къ сильнымъ пѣлдвиженіямъ, чѣмъ къ пруду медленному, преобладающему большаго перпѣнія. Безпрепятное мужество ихъ зависѣло отъ особеннаго ихъ устройства. Дремлющія ихъ души пребывали ощеніи сильныхъ и новыхъ. Война и опасности естественно нравились симъ полудикимъ варварамъ. Мирное время проводили они въ игрѣ и пьянствѣ. Сіи оба занятія освобождали ихъ отъ необходимости мыслишь; одно воспламеняло ихъ спраспи, другое усыпляло разумъ.

Народы сіи были погружены въ совершенное невѣжество. Науки и искусства были имъ чужды. Во времена Тацита они

не имѣли ни одного города. Ихъ жилища состояли изъ хижинъ весьма низкихъ и круглыхъ, которыя строились изъ неопесанныхъ деревь и покрывались соломою. Отверстіе сверху служило вмѣсто печной трубы, одежда ихъ дѣлалась изъ мѣха живошныхъ. Дичь всякаго рода, изобильная въ лѣсахъ, доставляла имъ пищу и упражненіе въ охотѣ. Главнѣйшее богатство состояло у нихъ въ spadaхъ, не столько красотою породы, сколько пользою примѣчательныхъ. Сіи народы неavidѣвшіе землѣделіе, которое требовало болѣе терпѣнія, нежели дѣятельности, упражнялись въ ономъ съ отвращеніемъ, и поля ихъ не были плодотворны.

Золото, серебро и желѣзо въ Германіи были весьма рѣдки. Богатые серебряные рудники Брауншвейга и Саксоніи, желѣзные въ Швеціи, надбляющіе своимъ металломъ Европу, тогда не были извѣстны либо не разработаны. Частыя войны съ Римлянами ознакомили прибрежныхъ жителей Рейна и Дуная съ монетою, но отдаленныя племена не знали употребленія оной. Вся ихъ торговля ограничивалась мѣною, въ которой предметы первыхъ потребностей занимали важнѣйшее мѣсто.

Народъ воинственный подобно Германцамъ, не имѣющій ни городовъ, ни искусствъ, ни денегъ, чуждый просвѣщенія и образованности, находить замѣну дикаго своего состоянія въ наслажденіяхъ неограниченной свободы. Нѣкоторыя племена на берегахъ Балтійскаго моря имѣли Царей, между тѣмъ какъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Германіи господствовала Демократическая форма, и въ управленіи не столько дѣйствовали по законамъ положительнымъ, сколько по вліянію мужества и краснорѣчія. Юноши, рожденные отъ свободныхъ родителей, въ совершенномъ возрастѣ были принимаемы въ общій народный Совѣтъ. Воины каждаго племени собирались въ опредѣленное время и въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Судъ и расправа, избраніе Старшинъ, дѣла войны и мира зависѣли отъ большинства голосовъ. Старейшины разбирали дѣла, дѣлали предложенія; одинъ народъ рѣшалъ и приводилъ въ исполненіе приговоры. Когда какое племя ожидало нападенія, оно избирало себѣ предводителя. Если опасность была велика и угрожала всему Государству; то нѣсколько племенъ избирали одного полководца, и власть его продолжалась во все время опасности, бывшей причиною его избранія. Въ мирное время Германцы не признавали никакого

верховнаго властителя. Правда, общее собрание избирало Князей; но власть ихъ простиралась болѣе на собственность, нежели на личность гражданъ. Они совершенно располагали землями и каждой годъ раздѣляли ихъ между жителями. Никто не имѣлъ права казнить гражданина смертию, заключить его или даже ударить.

Такихъ съ удовольствіемъ приводить примѣры цѣломудрія Германскихъ женщинъ. Ихъ мужество и возвышенность чувствованій, кажется, не уступали супружеской вѣрности, которую столь высоко цѣнили. Великодушное опечаліе сихъ женъ, для которыхъ рабство было ужаснѣе смерти, не разъ подкрѣпляло слабѣшія войска Германцовъ и заставляло бѣгущихъ ратниковъ снова обращаться на непріятеля.

Невѣжество, страхъ и самыя нужды, симъ народамъ свойственныя, образовали ихъ религію. Солнце, луна, огонь, земля, силы природы, величіемъ своимъ поражающія взоръ и чувства смертнаго, были предметами ихъ поклоненія. Кажется, что нѣкоторые Сѣверныя племена вѣровали въ переселеніе душъ; другіе изобрѣли Элисейскія поля, гдѣ герои, въ награду своихъ подвиговъ, вѣчно упивались виномъ. Всѣ однако были соглас-

ны въ томъ, что жизнь, проведенная въ войнахъ и славная смерть въ сраженіи, вели человека къ щасливой будущности. Безсмертіе обѣщанное жрецами, зависѣло въ сей жизни отъ Бардовъ, пѣвцовъ славы и подвиговъ геройскихъ; сословіе людей удивительное; оно обращало на себя вниманіе всѣхъ изслѣдователей Цельсийскихъ, Скандинавскихъ и Германскихъ древностей.

Таковы были состояніе и нравы древнихъ Германцевъ. Всѣ постановленія ихъ кипали въ сердцахъ мужество и шворили героевъ. Между тѣмъ мы не видимъ, чтобы въ печеніи болѣе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, по есть, считая со времени пораженія Варрова до царствованія Деція, сіи варвары покушались на какое либо предпріятіе противъ областей Имперіи, или внушали страхъ въ жителей разслабленныхъ и поработенныхъ роскошью и самовластіемъ. Успѣхи Германцевъ безъ сомнѣнія были замедляемы недоспадкою въ оружіи и подчиненности, равно какъ внутренними раздорами, перзавшими долгое время ихъ родину.

Германцы мало употребляли желѣза. Токмо длинныя ихъ копья оканчивались остриемъ изъ сего металла; но рѣдко они дѣйствовали мечемъ. Щиты дѣлались у нихъ изъ жимолости либо изъ дерева, и

военное одѣяніе ихъ состояло въ широкомъ плащѣ. Лошадей имѣли не красивыхъ, но легкихъ и употребляли ихъ необѣзжанными. Пѣхоша, составлявшая у нихъ главную силу, вступала въ бой съ громкимъ воплемъ; въ рядахъ же не соблюдалось никакого порядка. Вѣроятно, что одной только храбрости своей они были обязаны побѣдами, одержанными надъ Римскимъ войскомъ. Римъ не будучи въ состояніи одолѣть ихъ хитростию, сѣялъ между ними семена раздора, которыя обратились въ междоусобія. Тацитъ говоря объ Германцахъ, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ повѣствуетъ объ истребленіи племени Бруксеровъ соседними племенами.

Въ общемъ заговорѣ Сѣверныхъ народовъ, который въ царствованіе Марка Аврелія привелъ въ предѣлы Римлянъ, участвовали всѣ народы Германіи и даже Сарматіи отъ устья Рейна до устья Дуная. Императоръ твердостью и неунынною бдительностью успѣлъ отразить се спрешное нападеніе; варвары были побѣждены. Квады и Маркоманы, бывшіе виновниками войны, испытали дѣйствіе гнѣва Марка Аврелія. Повиновеніе сихъ народовъ не было чистосердечно и они не замедлили возобновить свои набѣги. Раздраженный Императоръ рѣшился завоевать совершенно

ту страну, которая составляетъ нынѣ часть Богеміи и Баваріи, и обратилъ ее въ область Имперіи. Смерть не допустила сего исполнить. Между тѣмъ спрешный союзъ Сѣверныхъ народовъ, единственный въ Исторіи двухъ столѣтій, былъ совершенно разрушенъ, и между варварами не осмалось ни малѣйшихъ слѣдовъ онаго.

ГЛАВА VI.

Императоры, Децій, Галль, Эмилианъ, Валеріанъ и Галліанъ. Совокупное вторженіе варваровъ.

Со времени игры, которыми Филиппъ праздновалъ съ такимъ великолепіемъ прошедшее столѣтіе, до смерти Галліана прошло 90 лѣтъ, ознаменованныхъ бѣдствіями областей Римскимъ. Запутанная хронологія и недоспашокъ въ источникахъ затрудняютъ равно Историка въ

порядкѣ повѣствованія. Первое возмущеніе противъ Филиппа вспыхнуло въ Легионахъ Мезійскихъ лѣтомъ въ 249 году. Выборъ мятежниковъ палъ на Марина, одного вѣроуказнаго Офицера, котораго они свергли опять съ престола столь же скоро, какъ и возвели на оный. Децій, достойный Сѣнашоръ, которой, при первомъ извѣстїи о возмущенїи, предсказывалъ, что оно само собою утихнетъ, былъ посланъ Императоромъ возстановить порядокъ и спокойствіе въ войскѣ. Онъ принялъ сіе порученіе съ отвращеніемъ, и казалось предчувствовалъ, что мятежники принудятъ его сдѣлаться ихъ соучастникомъ. Децій дѣйствительно по неволѣ принялъ порфиру и поддерживалъ оружіемъ право новаго своего званія. Филиппъ самъ выступилъ противъ него, и былъ побѣжденъ въ сраженїи близъ Вероны. Смерть его обезпечила права Деція на царство.

Первое время своего правленія сей Государь посвятилъ возстановленію спокойствія и правосудія. Порядокъ едва началъ водворяться, какъ неожиданное вторженіе Готтѣовъ призвало его на берега Дуная. Сїи варвары жили первоначально въ Скандинавіи и наименованіе Готтѣовъ не различается нынѣ отъ Шведскаго. Они поклонялись премоу главнымъ божествамъ:

богу войны, грома и богинѣ дѣторожденія. Каждая девять лѣтъ приносили имъ жертвы и убивали девять живописныхъ всякаго роду, не исключая и человѣка.

Въ сказанїяхъ Эдды, заключающей въ себѣ Мифологію Сѣвера, собранныхъ въ Исландїи около 13 вѣка, упоминается о двухъ лицахъ имени Одина; одно изъ нихъ было богомъ войны, другое — великимъ законодателемъ Скандинавіи. Последнее основало вѣру, приспособленную къ климату и понятіямъ своего народа, и покорило многочисленныя племена, при берегахъ Балтійскаго моря живущія. Мы имѣемъ слабыя свѣденія о происхожденїи Скандинавовъ; а по сему трудно опредѣлить съ точностію время и обстоятельство ихъ переселенія. Жители Швеціи имѣли довольно судовъ для переправы чрезъ Балтійское море, а разстояніе отъ Карлскроны до ближайшихъ пристаней Пруссїи и Померанїи не превосходитъ 40 французскихъ миль. Съ самаго Рождества Христова до вѣка Антониновъ Готтѣы жили при устьѣ Вислы. На Западъ вдоль береговъ Одера обитали многочисленные племена Вандаловъ, которые по сходству своему во нравахъ и языкѣ съ Готтѣами, казались одного съ ними происхожденія. Въ царствованіе Александра Севера Дакїя испывала разрушитель-

ное бѣшенство Готѣвъ, которые дѣлали частые на сію страну набѣги, и въ послѣдствіи времени, обратили свое оружіе на мирные края Полудня. Слава, приобретенная ими варварами, привлекла къ нимъ отважнѣйшихъ Вандальскихъ воиновъ и умножила число ихъ. Соединенные такимъ образомъ два народа спустились внизъ по Бориспену, прошекли необозримыя равнины Россіи и Польши и усилили безчисленные свои полчища ратниками изъ племени Бастарновъ и Венедовъ. Первые жили къ Сѣверу отъ горъ Карпатскихъ, а послѣдніе занимали всю страну, лежащую между Бастарнами и нынѣшнею Финляндіею. Готфы приблизившись къ Черному морю, встрѣтили одно Сарматское племя, которое не смѣшалось еще съ другими народами и отличалось отъ Германцевъ не столь грубою наружностію. Сарматы жили въ кочевыхъ палаткахъ и въ поспоянныхъ хижинахъ, и носили широкое платье. Супружество было у нихъ въ обыкновеніи; они имѣли по одной женѣ, но могли брать ихъ нѣсколько, если хотѣли, и позволялъ достатокъ. Преимущественно отличались они отъ Германцевъ своимъ нарѣчьемъ.

Готфы владѣли тогда Украйною, страшною обширною и весьма плодоносною.

Изобиліе въ домашней скопиѣ, умѣренный климатъ, почва земли, способная для прозябенія всякаго рода семенъ, роскошь растительнаго царства, все являло шамъ щедрость неиспощимой природы и призывало челоѣка къ трудолюбію. Но Готфы взирали на сіе съ равнодушіемъ, и предпочипая праздную бѣдность промышленности, хотѣли жить однимъ грабежемъ.

Побѣда надъ Скиѣскими племенами, живущими на Воспокъ, не могла быть особенно прибыльна для сихъ варваровъ. Римскія области богатыя, обработанныя, были для нихъ привлекапельнѣе; они устремились на Дакію и принудили жителей Марціанополиса, столицы впокрой Мезіи, заплачивать значительный выкупъ. Они удалились послѣ сего со всею добычею, въ намѣреніи однако вскорѣ повторить набѣгъ съ новыми силами. Децій самъ выступилъ противъ ихъ войска, имѣвшаго до семидесяти тысячъ ратниковъ и уже занявшаго осадою Никополиса. Готфы, подъ начальствомъ полководца своего Книвы, при появленіи Императора, оставили предпріятіе и устремились къ завоеванію важнѣйшему, къ нападенію на Фракійскій городъ Филлипополисъ, лежащій у подошвы горы Гемусъ. Децій слѣдовалъ за ними въ зна-

чисельномъ разстояніи ; но въ самое по время , какъ онъ почишалъ себя внѣ всякой опасности , варвары вдругъ возвратились и сдѣлали печальное нападеніе на спань Римской ; Императоръ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и Филипополисъ , лишенный помощи , былъ взятъ приступомъ . Между тѣмъ время , употребленное варварами на осаду , послужило Децію на ободреніе и устройство своего войска ; онъ перехватилъ нѣскольکو Германскихъ отрядовъ , занялъ проходы и ждалъ съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ удобнаго случая возвратити собственную славу и славу Имперіи .

Децій , одаренный умомъ основательнымъ , среди военного шума , размышлялъ объ упадкѣ Рима и искалъ причины онаго . Онъ вскорѣ замѣтилъ , что распленіе нравовъ и понятій было его истощникомъ , и рѣшился исправить то и другое возстановленіемъ древняго Цензорства . Онъ сообщилъ намѣреніе свое Сенапу и поручилъ ему избрати мужа , достойнаго отправляти столь важную должность . Всѣ единогласно предложили оную Валеріану , бывшему въ послѣдствіи Императоромъ . Сколь ни было похвально желаніе Деція , но оно не могло имѣти совершеннаго успѣха . Цензоръ , конечно , могъ сохранить чистоту нравовъ тамъ ,

гдѣ оныя существуютъ ; но гдѣ уже нравственность испорчена , тамъ нѣтъ средствъ возстановити ее . Безъ сомнѣнія легче было побѣдити Готфовъ , чѣмъ искоренити пороки развращеннаго народа . Между тѣмъ Императоръ не имѣлъ успѣха и въ семь предпріятій и лишился войска и жизни . Готфы , со всѣхъ сторонъ окруженные , хотѣли сдаться ; они бы охотно пожертвовали добычею и плѣнниками для свободнаго пропуска , и Римляне могли одержати побѣду , не проливая крови . Децій , въ надеждѣ побѣдити , не соглашался ни на какія условія ; надлежало вступити въ сраженіе ; оно происходило подъ стѣнами малоизвѣстнаго города Мезіи , называемаго Форумъ Теревроніи . Нападеніе Римлянъ было успѣшно , и не взирая на смерть Деціева сына , убитаго при самомъ началѣ сраженія , Римляне остались бы побѣдителями , еслибы умѣли воспользоваться приобретеннымъ успѣхомъ ; но увлекаясь безразсудною запальчивостію , они погнались за непріятелемъ шопкими , неизвѣстными имъ болотами и учинились жертвою своей дерзости . Послѣ тщетныхъ усилій Римское войско было истреблено совершенно ; не могли отыскати даже тѣла Императора .

Легионы, униженные симъ пораженіемъ, облекли порфиною Госпильяна, впо-раго сына Деціева, и дали ему въ поварищи Галла, коего дарованія и опытность могли служить подпорою юнаго Императора. Первою заботою избраннаго войскомъ Государя, было заключеніе мира съ неприятелями; онъ оставилъ имъ и взяшую добычу и плѣнниковъ, снабдилъ ихъ для возвратнаго пути собственными припасами и обязался ежегодно платить имъ значительную сумму денегъ съ условіемъ, чтобы они не дѣлали набѣговъ на Римскія области. Сей постыдный, но вынужденный необходимостію договоръ, лишилъ Галла любви и уваженія подданныхъ. Спустя нѣсколько времени Госпильянь умеръ отъ заразительной болѣзни, тогда свирѣпствовавшей, и смерть его приписали Галлу. Всеобщее неудовольствіе было оправдано вторженіемъ новыхъ варварскихъ полчищъ, поощряемыхъ къ новымъ набѣгамъ слабостію Имперіи и успѣхами своихъ братьевъ. Они опустошили Имперію и сѣяли ужасъ до самой столицы. Римляне негодуя на то, что миръ, купленный ихъ безславіемъ, не даровалъ имъ спокойствія, громогласно изъявили презрѣніе свое къ Галлу.

Эмилианъ, Намѣстникъ Панноніи, не призналъ постыднаго условія, заключен-

наго Галломъ, соединилъ разсѣянные легионы, напалъ нечаянно на варваровъ, разбилъ ихъ и гналъ за самый Дунай. Галль, узнавъ о возмущеніи, двинулся на встрѣчу честолюбивому полководцу и дошелъ до равнинъ Сполепскихъ; но войско, удивляясь подвигамъ побѣдоноснаго Эмилиана, покинуло Галла и перешло на сторону его противника. Съ умерщвленіемъ Императора и сына его война прекратилась. Сенатъ безъ затрудненія утвердилъ избраніе Эмилиана, который въ письмахъ своихъ къ сему сословію являлъ умѣренность и щеславіе. Онъ предлагалъ Сенату пользоваться всею Гражданскою властію, довольствуясь токмо скромнымъ названіемъ вождя сего высокаго собранія до толѣ, пока не освободитъ Имперіи отъ набѣговъ Сѣверныхъ и Восточныхъ варваровъ.

Новый Монархъ имѣлъ великія дарованія, но ему недоставало времени исполнить высокія свои предположенія. Прибышіе Валеріана, которому Галль приказалъ вести къ себѣ на помощь легионы Галліи и Германіи, рѣшило участь Эмилианову; войны, за четыре мѣсяца предъ симъ украсившіе его порфиною, добровольно обогрились его кровію. Валеріанъ однимъ ударомъ опмстилъ и смерть своего

благодѣтеля и проложилъ себѣ путь къ престолу.

Валеріанъ, служившій Цензоромъ, былъ шестидесяти лѣтъ, когда избрали его на царство. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но сила душевная, необходимая вѣнценосцу, не была удѣломъ преклонныхъ лѣтъ его. Онъ чувствовалъ свою слабость и рѣшился раздѣлить власть съ товарищемъ болѣе дѣятельнымъ. Изъ щеславія или по чувству любви опцовской онъ избралъ сына своего Галліана. Во все время совокупнаго ихъ управленія Имперію терзали бѣдствія всякаго рода; области подвергались безпрестанно набѣгамъ Франковъ, Аллемановъ, Готфровъ и Персіанъ. Первые состояли изъ жилищей Нижняго Рейна и Везера, соединенныхъ узамъ общей конфедерации и называвшихъ себя людьми свободными (franc). Отъ нападений варваровъ Галлію защищалъ Постумъ, искусный полководецъ, который хотя въ послѣдствіи измѣнилъ Валеріану и дому его, но пребылъ вѣрнымъ Имперіи. Испанія, въ теченіи двенадцати лѣтъ, по естъ большей части царствованія Галліанова, была театромъ непріязненныхъ дѣйствій сихъ народовъ. Они завладѣли Таррагоною, и несчастный городъ учинился жертвою ихъ хищности. Толпа Швейца-

ровъ, называвшихъ себя Аллеманцами, для означенія вмѣстѣ и различныхъ племенъ и общаго имъ мужества, переправилась чрезъ Дунай, Альпы Ретійскіе, проникла въ Ломбардію и дошла до самой Равенны. Валеріанъ былъ тогда на Воспокѣ, а Галліанъ на берегахъ Рейна. Въ сей крайности Сенатъ Римскій взялся защищать Имперію. Препоріанцы, подкрѣпленные полною сильнѣйшихъ Плебеевъ, составили вскорѣ войско, если не ужасное, то по крайней мѣрѣ многочисленное. Аллеманы, изумленные появленіемъ ихъ сильнѣйшей арміи, удалились съ добычею, и малодушные Римляне, не видавъ непріятеля и радуясь его опшупленію, славили мнимую свою побѣду.

Галліанъ не столько былъ доволенъ изгнаніемъ варваровъ, сколько въспревоженъ мужествомъ Сената. Его малодушіе и гнусная неблагодарность обнаружилась въ указѣ, которымъ онъ воспретилъ Сенаторамъ опправлять всякую военную должность. Говорятъ, что въ послѣдствіи сынъ Валеріановъ разбилъ подъ Медиоланомъ пріста тысячь Аллемановъ; можно сомнѣваться въ сей побѣдѣ, которою, безъ сомнѣнія, Галліанъ заслужилъ бы безсмертіе и любовь своихъ подданныхъ. Какъ бы то ни было, но сей Государь прибѣгнулъ къ средствамъ ме-

нѣе непріязненнымъ для обезпеченія Италіи отъ нашествія варваровъ. Онъ женился на Пипѣ, дочери Царя Марманскаго и уступилъ своему пещю пространную землю въ Панноніи.

Мы описали походъ Готфовъ отъ Пруссіи до устья Бористена, а отсюда до береговъ Дуная. Сіи варвары поселились вскорѣ въ небольшомъ царствѣ Босфорскомъ, которымъ овладѣли, и куда домашніе раздоры Римлянъ проложили имъ путь. Они нашли здѣсь флотъ, и въ надеждѣ обогатиться значною добычею въ набѣгахъ на малую Азію, дерзнули вѣрнуться волнамъ неизвѣстнаго моря на судахъ легкихъ, изъ худаго лѣсу построенныхъ. Ославляя вѣрѣ берега земель Черкесскихъ, они явились предъ Пипіемъ. Сукцессіанъ, полководецъ искусный, отразилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство; когда же воинъ сей былъ опозванъ, они возобновили нападеніе и довершили разореніе сего города. Слѣдуя потомъ вдоль Воспочныхъ береговъ Понта Евксинскаго, они нечаянно напали на Требизондъ, городъ весьма богатый, перебили въ немъ жителей и разрушили зданія. Варвары опустошили всю Понтийскую область, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія. Флотъ, находившійся въ пристани, послужилъ къ

перевозу добычи, награбленной въ Требизондѣ, и Готфы съ торжествомъ возвратились въ новыя поселенія свои въ царство Босфорское.

Другой походъ предприимчивыхъ Готфовъ на Западныя берега Понта Евксинскаго былъ столь же успешенъ. Они сдѣлали высадку въ Виѳинію и безъ труда овладѣли Никомедіею, древнею столицею Виѳинскихъ Государей. Никея, Пруза, Апамея и Цій сдались по ихъ требованію; городъ Сизика, который нѣкогда противился соединеннымъ силамъ Митридата, былъ обязанъ спасеніемъ одному ненастному времени и разлітію рѣки Риндака. Около осенята равноденствія варвары поспѣшили возвратиться въ свои владѣнія, обративъ въ пепель для забавы на пуши Никею и Никомедію.

Третій флотъ Готфской былъ несравненно многочисленнѣе двухъ первыхъ; на немъ, по свидѣтельству Истории, было пятнадцать тысячъ воиновъ, которые плыли отъ Босфора Киммерійскаго до Босфора Фракійскаго и прошли чрезъ Геллеспонтъ. Обвѣздивъ Эгейское море, они вошли въ Пирейскую пристань, и остановились отъ Афинъ въ двухъ французскихъ миляхъ. Древняя опчизна художествъ и наукъ была жертвою непобѣ-

димыхъ сыновъ Одена; но между тѣмъ какъ завоеватели предавались грабежу и распушству, отважный Дексиппъ собралъ полпу поселянъ и напалъ на флотъ ихъ. неудача воспламенила только мужество Готфовъ. Они разсѣялись по всѣмъ областямъ Греціи, и быстро шекли къ предѣламъ Италіи; но присутствіе самаго Галліана остановило ихъ успѣхи. Они пришли тогда въ замѣшательство; часть ихъ, сдавшись на честныхъ условіяхъ, вступила въ службу Имперіи, другіе прошли чрезъ Мизію, овладѣли переправою чрезъ Дунай и убѣжали въ Украину, гдѣ у нихъ были поселенія. Остальные удалились на ладьи, нагруженныя добычею, опустошили берега Троады и успѣли достигнуть пристани, гдѣ соотечественники ихъ уже сѣли на суда.

Между тѣмъ какъ Готфы громили Грецію, Сапоръ усилился завоеваніемъ Царства Армянскаго, умертвивъ Хозроя, бывшаго шамъ главою. Ободренный симъ успѣхомъ, онъ опустошалъ оба берега Евфраата. Валеріанъ, несмотря на преклонныя лѣта, выступилъ самъ на защиту Восточныхъ областей, переправился чрезъ Евфраатъ, сразился, былъ побѣжденъ и попалъ въ плѣнъ на поляхъ Эдесскихъ. Историки неясно повѣствуютъ о семъ происшествіи. Мы знаемъ,

что Римляне, окруженные со всѣхъ сторонъ, побѣждены были однимъ голодомъ, послѣ отважнѣйшихъ усилій пробивъскъ сквозь непріятельскія полчища. Сапоръ въ минушу пріумфа своего возложилъ порфиру на Цириада, неизвѣстнаго Антиохскаго перемешчика, который въ угодность своему господину, предалъ городъ, въ коемъ родился. По свидѣтельству Амміана Марцеллина городъ Антиохія былъ взятъ нечаянно въ то время, какъ жилиши онаго забавлялись театральнымъ зрѣлищемъ. Папріотизмъ Первосвященника и мужество поселянъ защищали Эмезъ; но войско Сапора овладѣло горными проходами Тавра, и Цезарея, столица Каппадокіи, пала въ руки непріятеля измѣною одного лѣкаря, оборонявшисъ долгое время подъ начальствомъ Демосеена, воина отважнаго, который сражался единственно изъ любви къ отечеству и пробился потомъ сквозь окружавшихъ его Персіанъ.

Въ то время, какъ цѣлый Востокъ шрепешалъ одного имени Сапора, Оденатъ, знатнѣйшій и богатѣйшій Сенаторъ Пальмирскій послалъ къ нему дары при письмѣ весьма почтительномъ. Кто сей Оденатъ? спросилъ надмѣнный побѣдитель, повелѣвая бросить дары въ Евфраатъ; кто сей низкой рабъ, дерзающій

писать къ своему господину? Если хочешь онъ сохранишь надежду смягчить гнѣвъ мой, но пусть придетъ пасъ къ подножію моего престола, и явится предо мною съ связанными за спиной руками. Крайность, въ которой находился Пальмирецъ, пробудила его мужество. Онъ явился къ Сапору, но не пленникомъ, а предводителемъ небольшого войска, набраннаго имъ въ Сирійскихъ селеніяхъ и въ улусахъ кочующихъ племенъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ носился вокругъ Персіянъ, обезпокоивая ихъ при опшупленіи, отбилъ часть ихъ сокровищъ и даже взялъ въ плѣнъ нѣсколько женъ великаго Царя. Римское Величество, оскорбленное Персомъ, было опшщено жителемъ Сиріи или Арабомъ Пальмирскимъ.

Исторія упрекаетъ Сапора въ томъ, что онъ употребилъ во зло успѣхъ одержанной имъ надъ Валеріаномъ побѣды и обращался съ симъ несчастнымъ Государемъ безъ малѣйшаго великодушія. Увѣряютъ, что знаменишаго плѣнника отдавали ежедневно на поруганіе народу. Каждый разъ, какъ Персидскій Царь садился на лошадь, онъ ставилъ ногу на спину Римскаго Императора, заславивъ его нагнуться до земли и служивъ ему подножіемъ. Съ несчастнаго Валеріана сняли кожу послѣ его смерти, сдѣлали изъ нее

чучелу и повѣсили въ славиѣшемъ Персидскомъ храмѣ, гдѣ она нѣсколько вѣковъ находилась въ память побѣды, одержанной надъ Римлянами.

Галліанъ получилъ извѣстіе о плѣнѣ родителея съ явнымъ равнодушіемъ и съ тайнымъ удовольствіемъ. Трудно описать разнообразныя черпы въ характерѣ сего Государя; онъ былъ и великимъ Орапоромъ и приапнымъ Спихопворцемъ и хорошимъ садовникомъ и искуснымъ поваромъ; вообще онъ вполне заслуживалъ то презрѣніе, которое пидали къ нему подданные. Пока бразды правленія находились въ немощныхъ рукахъ его, неудивительно, что возникало множество самозванцовъ, которые присвоивали себѣ различныя области Имперіи. Между шѣмъ, нѣкоторые бышописатели несправедливо сравнивали шридцать пирановъ Римскихъ съ шридцатью пиранами Аѳинскими; ибо, даже причисливъ къ онымъ гнуснаго Кириада, найдется, что всѣхъ пирановъ — самозванцовъ было въ сіе время въ Римской Имперіи только восемнадцать, изъ коихъ большая часть, родившись поселянами, возвысилась воинскими добродѣтелями изъ званія простыхъ ратниковъ на степень полководцевъ. Тетрикъ и Пизонъ одни дѣлаютъ исключеніе: первый былъ Сенапоромъ,

другой Паприциемъ; но дарованія самыхъ посредственныхъ самозванцевъ заслуживали, нѣкоторымъ образомъ, преимущество предъ недостойнымъ сыномъ Валеріановымъ, исполненнымъ пороковъ и не имѣвшимъ ни одной добродѣтели. Правда, сей Государь склонилъ Сенатъ дать Оденату Пальмирскому шило Августа и оставилъ сего война спокойно пользовавшагося управленіемъ Востока съ супругою его Зиновією. Это безсомнѣнія единственныи его поступокъ, заслуживающій ему нѣкоторую похвалу. Впрочемъ Оденатъ и Зиновія уваженіемъ своимъ и преданностію доказали ему, что признательность не есть бремя для душъ великихъ.

Не одни набѣги варваровъ и самозванцы — пираты перзали области Имперіи. Царствованіе Валеріаново и Галліаново сославляютъ эпоху въ исторіи народныхъ бѣдствій. Въ Сициліи шайка грабителей и своевольная толпа поселянъ и невольниковъ овладѣли опустошенными странами и присвоили себѣ доходы Государственныя. Жители Александріи, покинутые правительствомъ, предавались всякому неисповѣдливому страху, и въ городѣ своемъ зажгли пламенникъ ужаснаго междоусобія. Въ теченіи двенадцати лѣтъ кровь гражданъ не преставала течь на улицахъ. Каждое зданіе,

способное къ нѣкоторой оборонѣ, обращалось въ крѣпость. Изорійская область имѣла уже плачевную участь. Возмущеніе Требелліана было для нее пагубно, а тѣ, которые держались стороны его, опчаявшись въ прощеніи и милосердіи побѣдителя, не только распоргли всѣ узы, соединявшія ихъ съ Римскимъ Государемъ, но возвратились въ дикое состояніе и нашли убѣжище среди скалъ неприступныхъ. Они сохранили независимость среди самой Имперіи, и постепенно расширяя свое владычество къ морю, завоевали Западную и горную часть Силикіи.

Продолжительный и повсемѣстный голодъ, необходимое слѣдствіе смятеній, грабежа и угнетенія земледѣльцовъ, истребилъ много людей въ областяхъ и городахъ Римскихъ. Къ бѣдствіямъ того времени должно прибавить жестокую моровую язву, которая обнаружилась сначала въ 250 году и въ теченіи пятнадцати лѣтъ переходила изъ одной области въ другую. Мы не можемъ пропустить обстоятельство, само по себѣ горестнаго, но которое можетъ послужить средствомъ для измѣренія бѣдствій, какія тогда претерпѣвало человечество. Въ Александріи имѣли вѣрные списки гражданамъ, получавшимъ хлѣбъ ошъ

правительства. Оказалось, что въ спискахъ времени Галліанова число лицъ, отъ чепырнадцати до восьмидесяти лѣтъ имѣвшихъ, не превышало числа людей, въ списки прежніе внесенныхъ и имѣвшихъ отъ сорока до семидесяти лѣтъ отъ роду. Сравнивъ несомнѣнное сіе исчисленіе съ вѣрнѣйшими таблицами смертности, очевидно окажется, что Александрія лишилась по крайнѣй мѣрѣ половины своихъ жителей. Вѣроятно, что другіе города и области потерпѣли отъ различныхъ бѣдствій въ такомъ же содержаніи; изъ чего слѣдуетъ, что война, моровая язва и голодь истребили въ это время до половины рода человеческого.

Г Л А В А VII.

Царствованіе Клавдія, пораженіе Готфовъ, побѣды, триумфы, и смерть Авреліана.

Безчисленныя бѣдствія, постигшія Имперію при Галліанѣ, возбудили всеоб-

щую ненависть къ сему избѣженному и малодушному тирану, которому народъ приписывалъ все свое злощастіе. Многочисленное войско, расположенное на берегахъ Дуная, возложило порфиру на Авреола. Сей отважный полководецъ быстро перешелъ чрезъ Альпы, овладѣлъ Медиоланомъ и пребывалъ отъ Галліана, чтобы онъ, на полѣ сраженія, явился оспаривать у него владычество надъ Имперією. Императоръ съ своими легионами напалъ на честолюбиваго совмѣстника на берегахъ Адды. Самозванецъ (Авреоль) разбитый и опасно раненый спасся въ Медиоланѣ. Галліанъ немедленно осадилъ сей городъ, и Авреоль погибъ бы несомнѣнно безъ заговора нѣкоторыхъ Галліановыхъ чиновниковъ. Они положили умертвить своего Государя и исполнили сіе намѣреніе ночью, когда Императоръ безъ стражи и безъ всякой обороны готовился опразить мнимую вылазку осажденныхъ. Галліанъ умирая просилъ, чтобы возвели на престолъ Клавдія, полководца, начальствовавшего войсками въ окрестностяхъ Павіи. Заговорщики согласились на выборъ Галліановъ и нѣкоторые щедрошы, оказанныя рашникамъ утвердили ихъ въ повиновеніи.

Клавдій, родившійся въ одной изъ областей, прикосновенныхъ Дунаю, былъ незнашной породы. Личными достоинствами снискалъ онъ милость Деція и Валеріанъ ввѣрили ему начальство надъ войскомъ, охранявшимъ Иллирію. Галліанъ завидовалъ его доброй славѣ и страшился его доблестей; но считая его полезнымъ подданнымъ, онъ богатыми дарами и особеннымъ вниманіемъ привязалъ его къ себѣ. По смерти сего Государя заговорщики вручили Клавдію порфиру, еще обогрѣнную кровію предшественника. Вѣроятно, что Императоръ внутренно радовался бы заговору, который проложилъ ему путь къ престолу; но увѣряють, что онъ ни малѣйшаго не имѣлъ о немъ свѣденія.

Возшествіе на престолъ Клавдія имѣло слѣдствіемъ сдачу Медиолана и казнь Авреола. Друзья и семейство сего послѣдняго испытали великодушіе побѣдителя; Сенатъ по просьбѣ Императора смягчилъ строгость опредѣленія, имъ по сему случаю сдѣланнаго.

Первою заботою Клавдія было возстановленіе въ войскѣ порядка и подчиненности. Въ семь намѣреніи онъ представилъ рапникамъ бѣдственное состояніе опустошенной Имперіи и изчислилъ имъ всѣ напасти, происходящія отъ легко-

мысленнаго и своевольнаго ихъ поведенія; онъ объявилъ попомъ, что желаетъ обратитъ первыя усилія легионовъ на варварскихъ народовъ, вѣчныхъ злодѣевъ Рима. „Теприкъ, продолжалъ онъ, можеть еще нѣсколько времени господствовать въ Западныхъ областяхъ Имперіи и Зиновія на Воспокъ; самозванцы сіи суть враги личные мнѣ, и я дополъ не займусь опмищеніемъ оскорбленій, мнѣ одному наносимыхъ, пока не спасу Имперіи отъ угрожающей ей опасности.“

Готфы и различныя племена Германскія и Сарматскія собрали уже флотъ, изъ шести тысячъ судовъ состоящій. Соединенныя силы ихъ росли, какъ увѣряють нѣкоторые Историки, до прехъ сошь двадцати тысячъ человекъ. Сии Варвары сдѣлали нѣсколько высадокъ на берега Европы и Азии; нѣкоторые изъ нихъ ходили къ островамъ Кипру и Криту. Главнѣйшія же силы ихъ выступили на берегъ у подошвы горы Амоса и угрожали взятіемъ важнаго города Фессалоника. Извѣстясь о приближеніи Клавдія, они прекратили нападеніе и сняли осаду, но съ неперѣблемъ желая вступить въ сраженіе, они быстро перешли чрезъ Македонскія Альпы и приготовились къ битвѣ, въ которой успѣхъ дол-

женствовали открыты имъ входъ въ Италию.

Императоръ Клавдій, въ одномъ письмѣ своемъ къ Сенату, говоритъ о числѣ непріятелей, угрожающихъ Риму; описываетъ худое состояніе легионовъ и жалуется даже на то, что они не имѣютъ дропиковъ, копій и щитовъ. Сей Государь въ собственномъ мужествѣ и искусствѣ нашель шѣ пособія, копорыхъ испощенная Имперія не могла доставлять болѣе своимъ полководцамъ. Рядъ славныхъ побѣдъ истребилъ полчища варваровъ; рѣшительное сраженіе происходило близъ Несса, города Дарданіи. Легионы, шѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ, пришли сначала въ замѣшательство; но сильный опрядъ, по повелѣнію Императора, скрывавшійся въ пайныхъ и успешныхъ горныхъ проходахъ, выступилъ внезапно и напаль съ пылу на непріятеля, копорый и претерпѣлъ совершенное пораженіе. Клавдій примѣромъ своимъ внушалъ мужество въ войска и гибель пятидесяти тысячъ Готфовъ была плодомъ сей побѣды.

Различные опряды варваровъ, избѣжавшіе истребленія на сраженіи Несскомъ, перенесли войну въ Мизію, Фракію и Македонію. Клавдій, одаренный искусствомъ великаго полководца, повсюду

имѣлъ успѣхъ, и естли иногда былъ несчастливъ, то это происходило отъ малодушія и неповиновенія его ратниковъ. Цѣпію постовъ, искусно расположенныхъ вокругъ непріятеля, онъ одолѣлъ варваровъ, засѣвшихъ и укрѣпившихся въ неприступныхъ шѣснинахъ горъ Гемуса. Суровость зимняго времени, голодь и моровая язва уменьшали каждой день число ихъ, и съ возвращеніемъ весны, сильное нѣкогда войско ихъ состояло изъ небольшой толпы опважныхъ и опчаяныхъ ратниковъ.

Моровая язва, истребившая споль многихъ побѣжденныхъ, сдѣлалась пагубною и для побѣдителей. Клавдій испытывалъ ея дѣйствіе и умеръ въ Сирміумѣ послѣ двухлѣтняго царствованія, увѣнчавшаго его безсмертною славою; его прозвали Готфскимъ. Умирая назначилъ онъ въ преемники Авреліана, мужа болѣе всѣхъ достойнаго порфиры и способнаго защищать Имперію. Расположеніе Квинтилиа, брата Клавдіева, не согласовалось съ безкорыстною любовію къ отечеству покойнаго Императора; онъ возложилъ на себя корону въ Аквилѣ и имѣлъ время получить согласіе Сената, хотя царствованіе его продолжалось шолько семнадцать дней. Лишь шолько онъ узналъ, что Авреліанъ приближается

сь Дунайскими легионами; попустилъ себѣ кровь изъ жилъ, для избѣжанія стыда бытъ побѣжденнымъ въ борьбѣ, которая не могла бытъ для него успѣшною.

Авреліанъ, сынъ Фракійскаго поселенина, былъ сначала простымъ рапникомъ и постепенно возводилъ до высокой степени предводителя конницы, удостоившись оной отличными своими дарованиями. Клавдій возвелъ его въ послѣдствіи на престоль. Авреліанъ царствовалъ только четыре года и девять мѣсяцовъ; но правленіе свое ознаменовалъ онъ славнымъ миромъ съ Готфами, наказаніемъ Германцевъ, покореніемъ Тетрика и разрушеніемъ Монархіи, основанной на Восхождѣ Зиновію. Строгость военной подчиненности была источникомъ его успѣховъ, и легионы до полмяшежные спрашились и уважали полководца, который самъ, научившись повинованью, былъ достоинъ и повелѣвать другими.

Смерть Клавдія пробудила мужество въ Готфахъ; число ихъ умножилось новыми толпами прибывшихъ союзниковъ. Авреліанъ выступилъ на встрѣчу и напалъ на нихъ. Сраженіе было кровопролитно, но рѣшительной побѣды не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Взаимной уронъ внушалъ противникамъ

желаніе мира; заключили договоръ, коего прочностъ и точное исполненіе обеспечивались условіями справедливыми и неоскорбительными ни для Готфовъ, ни для Римлянъ. Дакія, уступленная варварамъ, обратилась въ Государство независимое, и Готфскія поселенія служили долгое время надежнѣйшимъ оплотомъ Имперіи отъ нашествія другихъ дикарей Сѣвера.

Между тѣмъ какъ Авреліанъ возстановлялъ спокойствіе своею умѣренностію на предѣлахъ Имперіи, безчисленныя полчища Аллемановъ вторгались въ Рецію, и въ быспромъ шествіи своемъ опустошали цѣлую страну отъ Дуная до береговъ По. Императоръ почти въ одно время извѣстился о нашествіи и объ отступленіи оныхъ, собралъ немедленно отрядъ отборнаго войска, быстро и тайно двинулся вдоль Гирсинійскихъ лѣсовъ, далъ половиноѣ Германскаго войска переправиться безпрепятственно чрезъ рѣку, выступилъ изъ засады и поразилъ ихъ вмѣстѣ удивленіемъ и ужасомъ. Сей искусный въ ратномъ дѣлѣ Государь расположилъ легионы въ видѣ полукруга, переправился съ ними чрезъ Дунай, и, вдругъ приблизившись къ центру, окружилъ съ пыла Аллемановъ. Варвары видя себя посреди непріятелей, потеряли надежду къ спасенію, смирились и про-

силы мира; но предлагали условия, на которых Римляне едва ли согласились бы и тогда, когда бы были побуждены сами. Аврелианъ предложил Аллеманамъ выбрать одно изъ двухъ: опуститься на произволъ побѣдителя, или испытать ужасныя дѣйствія его гнѣва. Вслѣдъ за сими переговорами, не ожиданное происшествіе сдѣлало необходимымъ присутствіе Императора въ Панноніи и заставило его поручить своимъ полководцамъ окончаніе сего дѣла. Варвары, одушевленные опчаяніемъ, овладѣли мѣстами, кои во время опустошенія Государева охранялись съ меньшимъ раченіемъ и ушли изъ рукъ своихъ непріятелей. Аврелианъ увѣренный, что война съ Аллеманами совершенно окончена, вскорѣ получилъ непріятное извѣстіе о грабежахъ и опустошеніи, производимыхъ ими въ землѣ Медиоланской.

Императоръ взялъ всѣ войска, какія могъ собрать, и двинулся на помощь Италіи. Въ первомъ сраженіи, которое происходило близъ Пiacенцы, Римляне имѣли большую неудачу. Легіоны смѣшались и кровопролитіе было ужасное; шокмо съ великимъ трудомъ и особеннымъ шerpвнѣемъ и швердостію успѣлъ Императоръ привести войска въ прежній порядокъ. Другое сраженіе произошло

близъ Фано въ Омбріи. Германцы быстро приближались къ Риму. Аврелианъ, неуспѣшно пекущійся о безопасности столицы, нашелъ въ семь мѣстѣ рѣшительный случай разбить ихъ совершенно; оспальная часть варваровъ была испреблена близъ Павіи. Сія новая опасность, кою подверглась столица Имперіи, послужила поводомъ къ построенію около одной стѣны въ двадцать одну милю длиною; она была начата при Аврелианѣ и довершена въ царствованіе Проба.

Клавдій и Аврелианъ возвратили Римскому оружію то превосходство, которое столь долгое время внушало почтеніе и страхъ въ Сѣверныхъ варваровъ. Аврелиану предоставлено было соединить опять въ одно Государство разсвоенныя безпорядкомъ части Имперіи. Хотя Аврелианъ и былъ торжественно признанъ Сенатомъ и народомъ, верховнымъ главою Государства; но владѣнія его ограничивались Италіею, Африкою, Иллиріею и Фракіею. Галлія, Испанія, Египеть, Сирія и малая Азія, не признавали его власти и даже управлялись женами.

Во время смятенія, которое способствовало раздробленію Имперіи на частни, Галлія была управляема различными Государями, которые быстро слѣдовали другъ за другомъ. Строгая добродѣтель,

или скорбе скупость Постума, отказавшаго въ нѣкоторыхъ льготахъ своему войску, была виною его паденія и смерти. Другъ его Викторинъ, раздѣлявшій съ нимъ Царское достоинство, погибъ отъ необузданнаго сладострастія; оно подвергло его ударами оскорбленныхъ имъ супруговъ. Послѣ кончины столь многихъ мужественныхъ Государей, мятежные легіоны Галліи покорились власти Викторіи, матери Викториновой, которая возвела на престолъ Тетрика и подъ именемъ Августы и матери войска управляла именемъ Императора, находящагося въ ея зависимости.

Когда Тетрика возвели на престолъ, онъ былъ правителемъ спокойной Аквитаніи. Государь сей, около четырехъ или пяти лѣтъ, царствовалъ уже въ Галліи, Испаніи и Великобританіи, будучи рабомъ необузданнаго и своевольнаго своего войска, когда счастье Авреліаново подало ему надежду освободиться отъ сей жалкой зависимости. Онъ писалъ къ Римскому Императору, объяснялъ ему свое положеніе и просилъ о скорой помощи. Подъ наружнымъ предлогомъ войны междоусобной, Тетрикъ повелъ свое войско противъ Авреліана; онъ занялъ не выгодное мѣстоположеніе и въ началѣ битвы съ нѣкоторыми друзьями перешелъ

къ Императору. Воины его, не смотря на измѣну полководца, оборонялись мужественно и были истреблены. Союзниковъ его Франковъ и Батавовъ принудили удалиться за Рейнъ и владычество Авреліаново утвердилось отъ стѣны Антониновой до холмовъ Геркулесовыхъ.

Императоръ, обезпечивъ себя со стороны Тетрика и областей его, обратилъ свое оружіе противъ Зиновіи, Царицы Пальмиры и Востока. Сія необыкновенная женщина считала себя изъ рода Царей Македонскихъ, царствовавшихъ нѣкогда въ Египтѣ. Красота ея равнялась уму; а цѣломудріе одному ея мужеству; она совершенно знала по Гречески, Сирски и Египетски, и подъ руководствомъ выпреннаго Лонгина разбирала красоты Гомера и Платона.

Оденатъ, изъ простаго званія возшедшій на степень повелителя Востока, искалъ руки ея и получилъ. Успѣхами своими онъ, по большей части, обязанъ былъ мудрымъ совѣтамъ сей Государыни. Онъ преслѣдовалъ Персидскаго Монарха до самыхъ стѣнъ Ктесифона; Но Пальмирскій герой, непобѣдимый на войнѣ, погибъ отъ домашней измѣны. Племянникъ Меній умертвилъ его среди большаго собранія; но едва злодѣй успѣлъ возложитъ на себя порфиру, какъ

и былъ принесенъ самъ Зиновіею въ жертву пѣни ея супруга.

Зиновія управляла Сиріею и Востокомъ съ равнымъ благоразуміемъ и твердоспійю. Власть, уступленная Сенапомъ Римскимъ Оденашу прекратилась съ его жизнію; но мужественная вдова его не захотѣла изъ гордости требовать соизволенія Римскаго правительсва, продолжала господствовать и принудила къ поспыдному опшпупленію одного полководца, посланнаго противъ нее Галліаномъ. Владѣнія Оденашовы простирались отъ Евфраата до Вифиніи; Зиновія присовокупила къ онымъ плодотворное царствѣ Египетское, и съ Діадимою приняла великолѣпное, но непрочное шило Восточной Царицы.

Присутствіе Авреліаново покорило владычеству Имперіи Вифинію, опшпоргнушую оружіемъ и происками Зиновіи; Ансирь сдался, а Тианъ былъ преданъ однимъ коварнымъ гражданиномъ. Жители Антіохіи, извѣстясь о приближеніи Императора, покинули городъ; но она крошечностію объявленій и указовъ предшествовавшихъ его походу, успокоилась и заставилъ возвратиться въ свои дома. Два большія сраженія рѣшили судьбу Зиновіи; первое дано было близъ Антіохіи, другое въ окрестностяхъ Эмезы. Обстоятельство шого и другаго шакъ

сходны между собою, что трудно было бы означить ихъ иначе, какъ мѣспомъ, гдѣ онѣ происходили. Въ шомъ и другомъ Зиновія присутствіемъ своимъ одушевляла мужество рапниковъ, хотя главное начальство поручила Забдасу, которой въ войнѣ Египетской обнаружилъ уже свои дарованія.

Пораженіе, прешерпѣнное при Эмезѣ, лишило Зиновію возможности выставить еще прешію армію. Пробъ, одинъ изъ опшаживѣйшихъ полководцевъ Авреліановыхъ, былъ опряженъ для завоеванія Египетскихъ областей. Вдовѣ Оденашовой оставалось одно пособіе: заключиться въ своей столицѣ, гдѣ она и приготовилась къ мужественной оборонѣ, объявляя, что послѣдній день ея царствования будетъ послѣднимъ днемъ ея жизни. Пальмира возвышалась посреди пустыни, называлась шакъ по множеству пальмовыхъ деревьевъ, ее окружавшихъ. Благотворенность воздуха и нѣсколько ключей хорошей воды, выпекавшей изъ ея почвы, заслуживающъ особенное примѣчаніе. Географическое положеніе сего города, находившагося между Персидскимъ заливомъ и Средиземнымъ моремъ, дѣлало его весьма полезнымъ для купеческихъ каравановъ, и съ шѣхъ поръ, какъ Пальмира управлялась Оденашомъ и Зи-

новією, внутреннее благоденствіе красота зданій дѣлали сей городъ, который образомъ, совѣспникомъ Римана.

Императоръ, на походъ своемъ отъ Эмеза къ Пальмирѣ, будучи обезпокоиваемъ Аравіянцами, предпринялъ осаду съ всевозможною поспѣшностію и усиліями. Онъ предлагалъ между тѣмъ осажденнымъ сдать на честныхъ и выгодныхъ условіяхъ; обѣщавъ самой Царицѣ жизнь свободу и великолѣпное убѣжище, гражданамъ же прежнія ихъ преимущества. Предложенія его были отвергнуты, и на нихъ отвѣщивали оскорбительно.

Зиновія надѣялась, что голодъ заставитъ Императора удалиться изъ пустыни, и что Персидскій Государь придетъ на помощь къ Пальмирѣ. Надежды ея исчезли вскорѣ при видѣ обозовъ съ съспшными припасами, которые одинъ за другимъ прибывали подъ прикрытіемъ Пробакого войско незадолго предъ симъ завоевало Египетъ. Извѣстіе о смерти Сапоровой и междоусобіяхъ, воспослѣдовавшихъ въ Персіи, нанесло послѣдній ударъ Зиновіи. Спрахъ начиналъ колебать Царицу и понуждалъ ее къ рѣшительному бѣгству. Уже, на самомъ легкомъ изъ своихъ Дромедеровъ, достигла она береговъ Евфрата, когда Аврелианъ нагналъ ее, и по-

верженная конемъ его на землю, она пала къ ногамъ побѣдителя. Столица Царицы Восточной не замедлила сдать, и Аврелианъ поступилъ съ симъ городомъ съ неожиданною кротостію.

Вдова Одената въ пѣну помрачила славу своего мужества. Зиновія прибѣгла къ милосердію побѣдителя, признавала себя виновною и все слагала на Лонгина. Аврелианъ, хотя и былъ искуснымъ полководцемъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго образованія и мало цѣнилъ ученость. Дарованія и науки ни мало не отличали въ глазахъ его человека, и несчастный вельможа немедленно былъ преданъ смерти. Но слава Лонгинова переживетъ и память Царицы, которая имѣла слабость предать его, и память Императора, который принесъ его въ жертву своему глѣву.

На возвратномъ пути съ Востока Аврелианъ узналъ, что Пальмира снова возмутилась, и жители перебили оставленное для охраненія войско. Извѣстіе сіе раздражило побѣдителя; онъ немедленно возвратился въ Сирію, взялъ сей городъ и жестоко наказавъ жителей. Казнь оныхъ, можетъ быть согласная съ правами войны, носитъ на себѣ печать варварства и безчеловѣчія. Старцы, жены и дѣти падали жертвами всеобщаго

кровопролитія. Съ печеніемъ времени Пальмира сдѣлалась городомъ неизвѣстнымъ, попомъ обращена была въ мало-важную крѣпость, наконецъ въ бѣдное селеніе.

Чтобы довѣршить славу свою, Аврелиану оставалось еще окончить одно дѣло. Во время возмущенія Пальмиры, Фирмъ, богатой Египетской купецъ, возложилъ на себя порфиру и возмутилъ жителей Александріи. Для поддержанія присвоеннаго права, онъ ввелъ въ смежныя области Срацынь и Блемеевъ. Сполслабый непріятель не могъ долго пропивившись побѣдителемъ Тетрика и Зиновіи. Послѣ слабой обороны Фирма взяли, пытали и предали попомъ смерти.

Въ печеніи прехъ съ небольшимъ лѣтъ Аврелианъ успѣлъ возстановить миръ и спокойствіе во всѣхъ частяхъ Имперіи. Великолѣпіе его шріумфа соопвѣствовало важности его завоеваній. Царь Тетрикъ и Воспочная Царица шли въ числѣ его пѣнниковъ; но если Императоръ, поступая такъ съ коронованными лицами платилъ временно дань гордости и шщеславію; то въ послѣдствіи обходился съ ними со всевозможнымъ великодушіемъ. Онъ подарилъ Зиновіи прекрасной загородной домъ въ Тиволи; дочери ея были выданы за особъ знамени-

тыхъ, и поколеніе сей Государыни пресѣклось только въ пятомъ сполѣтшіи. Тетрику и сыну его возвращено было ихъ званіе и имущество, и бывший Монархъ, приближенный къ Императору, сдѣлался надежнѣйшимъ его другомъ.

Аврелианъ вскорѣ убѣдился, что въ правленіи слабомъ и испорченномъ легче побѣждать враговъ силою оружія, чѣмъ удерживать людей отъ злодѣяній и смирять крамольниковъ. Желая исправить монету, испорченную примѣсю въ предшествовавшія царствованія, онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе своему желанію въ народѣ; ужасное возмущеніе было послѣдствіемъ его непреклонной швердоспи. Онъ признавался въ одномъ частномъ письмѣ, что возстановленіе порядка стоило ему семи тысячъ лучшихъ воиновъ. Мяшежь, шѣмъ болѣе прешупный, что Государь имѣлъ въ виду одно общественное благо, раздражилъ его. Съ сего времени, онъ началъ почитать Сенаторовъ, всегда несогласныхъ съ его намѣреніемъ, личными врагами и ихъ преслѣдовалъ. Аврелианъ, гнушаясь гражданскими поспановленіями, старался оказывать онымъ наружное презрѣніе. Ему недовольно было оскорблять предразсудки Сенапа своею гордоспію; онъ испилъ членамъ сего сословія и для того запу-

паль ихъ въ усмиренное имъ возмущеніе, чтобы имѣть предлогъ наказывать ихъ, какъ учасшниковъ онаго. Дарованія Аврелиановы, замѣчаетъ преемникъ его Діоклетианъ, были приспособлены болѣе къ начальству военному, нежели къ управленію Имперіею. Кажется онъ самъ это чувствовалъ и зналъ совершенно способности, которыми надѣлила его природа; ибо, нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ своего триумфа, онъ выступилъ опять въ походъ.

Риму оставалось еще опомстить оскорбленіе, нанесенное его оружію плѣненіемъ Валеріана. Императоръ намѣревался смирить Персіанъ и вступилъ въ ихъ владѣнія съ войскомъ многочисленнымъ. Уже онъ достигъ тѣсныхъ проходовъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи; но здѣсь определено было ему судьбою испытать, что власть самая неограниченная есть слабая защита противъ руки, вооруженной опчаяніемъ. Аврелианъ хотѣлъ наказъ одного секретаря своего за взятки. Виновный, чтобы избѣжать казни, спарался внушить опасенія въ главнѣйшихъ чиновниковъ; онъ составилъ длинной подложной списокъ особъ, будшобы обреченныхъ Императоромъ на смерть. Тѣ, которымъ онъ сіе показывалъ, ни мало не сомнѣваясь и не дѣлая ни какихъ распро-

совъ, рѣшились спасти жизнь свою умерщвленіемъ Императора. Заговорщики напали на него въ пущи между Византіею и Гераклеєю, и онъ погибъ отъ руки Мукапора, любимаго своего полководца, къ которому имѣлъ величайшую довѣренность. Народъ и войско оплакали его: одни, какъ великаго Государя, копорой имѣлъ во всемъ успѣхъ, другіе, какъ великаго полководца. Одинъ Сенатъ радовался смерти Императора, копорый былъ его гонителемъ; но всѣ соглашались въ томъ, что Государство потеряло въ немъ преобразователя спротаго, и необходимаго.

Г Л А В А VIII.

Поступки войска и Сената по смерти Аврелиановой. Царствованія Тацита, Проба, Кара и сыновей его.

Смерть Аврелианова имѣла важныя послѣдствія. Обманъ коварнаго секретаря

немедленно открылся и был наказан. Заговорщики, выведенные из заблужденія, явили непришворное раскаяніе и согласились на единодушное опредѣленіе легионовъ, выраженное въ слѣдующемъ письмѣ: „мужественное и щасливое войско, Сенату и народу Римскому. „Злодѣяніе одного человѣка и заблужденіе многихъ лишило насъ послѣдняго Императора Авреліана. Мужи знаменитые, правящіе Царствомъ съ опеческимъ раченіемъ! мы просимъ, включишь въ число боговъ сего Государя и избратишь ему въ преемники того, кто, по мнѣнію вашему, достоинъѣ порфиры. Ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ преступленіе либо несчастное заблужденіе были виною смерти, оплакиваемаго Императора, не будешь повелѣвать народомъ Римскимъ.“ Скромное и почтительное письмо сіе приятно изумило Сенатъ; но такъ какъ благоразумнѣйшіе онаго члены не хотѣли подвергать жизни и званія своего прихода вооруженной толпы; по онъ издалъ указъ, въ коемъ избраніе новаго Императора предоспалялъ войску. Сіе послѣднее снова начало умолять Сенатъ, возложишь порфиру на одного изъ своихъ членовъ. Около восьми мѣсяцовъ протекло въ семь странномъ преніи, и въ шеніи сего времени въ Государствѣ не

было ни Государя, ни самозванцевъ, ниже малѣйшаго смяшенія.

Между тѣмъ 25 Сентября, восемь мѣсяцовъ спустя послѣ смерти Авреліановой, Консуль собралъ Сенаторовъ и описалъ имъ опасное положеніе государства. Напомнивъ имъ слегка, что ненадежная преданность легионовъ зависишь отъ малѣйшаго случайнаго произшествія, онъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ обовсемъ, что могло воспослѣдовать пагубнаго для Имперіи, вовремя опсуществованія верховнаго правителя. Общее мнѣніе Сената провозгласило на царство Тацита, старшаго лѣтами всѣхъ Сенаторовъ и попомка знаменитаго бытописателя сего же имени. Новый Императоръ, имѣвшій уже семдесятъ пять лѣтъ отъ роду, напрасно представлялъ, что глубокая старость и болѣзни дѣлають его неспособнымъ быть премникомъ доблестнаго Авреліана. Его званіе, добродѣтельная жизнь, безпорочные нравы, ушверждали права его на царство; народъ, Препоріанцы и войско согласились имѣть его своимъ Государемъ.

Тацитъ, оставя Сенатъ, побхалъ осматривать спанъ Фракійскій, дабы увѣришься въ преданности легионовъ, которые щитались дошолъ швердѣйшею опорой престола. Онъ, согласно приня-

тому обычаю, явилъ рапникамъ свою щедрость, дарилъ ихъ и приобрѣлъ ихъ уваженіе общаніемъ всегда дѣйствовать, какъ прилично Римскому полководцу и преемнику Авреліанову.

Послѣдній Императоръ, готовясь къ войнѣ Персидской, вступилъ въ переговоры съ Аланами, народомъ Скиѣскимъ, живущимъ около озера Меопійскаго, и пригласилъ ихъ съ многочисленною конницею впоргнуться во владѣнія Персидскія. Кончина сего Государя прекратила войну, угрожавшую Персіи, и варвары (Аланы), присоединившись къ Римлянамъ, нашли полководцевъ ихъ нерасположенными ни къ принятію отъ нихъ услугъ, ни къ отраженію ихъ набѣга. Аланы, считая Римлянъ обманщиками, рѣшились собственнымъ мужествомъ приобрести общанную славу и удовлетворить вмѣстѣ своему мщенію. Они разсѣялись по области Понтійской, Кападокійской, Киликійской и Галапской. Тацитъ поступилъ въ семь случаевъ такъ, какъ приличествовало его лѣтамъ и положенію. Тѣ изъ Алановъ, которые покинули награбленную добычу и плѣнниковъ, получили жалованье, обещанное Авреліаномъ; прочихъ Императоръ преслѣдовалъ самъ войною, и въ нѣсколько недѣль избавилъ

Азіійскія области отъ ужаса, распространенаго набѣгами сихъ варваровъ.

Послѣ сего Тацитъ недолго жилъ и пользовался своею славою. Необыкновенные для него военные труды и различныя заботы, умножавшія ихъ бремя, ослабили его здоровье. Необузданность и своеволие рапниковъ съ каждымъ днемъ возрастали. Они презирали кротость Государя, обременяли его просьбами, которыхъ нельзя было удовлетворять, не угнѣвая народа новыми налогами. Послѣ царствованія, продолжавшагося шесть мѣсяцовъ и двадцать одинъ день, онъ умеръ въ Кападокіи. Дерзость легіоновъ была отъ части виною его смерти, хотя нельзя сказать, чтобы они обогрились его кровію.

Флоріанъ, братъ Тацитовъ, немедленно возложилъ на себя порфиру, не ожидая согласія ни войска, ни Сената. Пробъ, полководецъ Восточной арміи, объявилъ себя мстителемъ сего собранія, оскорбленнаго соволевымъ возшествіемъ на престолъ Флоріана. Казалось, что избѣженное Сирійское войско не въ состояніи будетъ сражаться съ мужественными Европейскими легіонами. Дѣятельность Проба преодолѣла всѣ препятствія. Ветераны, его противники, не могли вынести солнечнаго зноя въ Ки-

лики, и Флоріанъ, послѣ прехъ мѣсяч-
наго царствованія, умеръ въ Тарсе
жертвою презрѣнія своихъ воиновъ.

Пробъ, подобно Клавдію и Авреліану
происходилъ изъ Иллирійскихъ поселянъ,
подобно симъ славнымъ мужамъ, лич-
нымъ достоинствомъ онъ проложилъ себѣ
путь къ первѣйшимъ чинамъ военнымъ.
Африка, область Понтійская, Рейнъ,
Дунай, Евфратъ и Ниль были свидѣте-
лями его подвиговъ и мужества. Его сла-
ва, привязанность къ нему войска, крѣ-
пость шѣла и духа, дѣлавшая его спо-
собнымъ къ важнѣйшимъ и многотруд-
нымъ предпріятіямъ, доставили ему пор-
фиру на сорокъ четвертомъ году его
жизни. Почтительное письмо его къ Се-
напу было исполнено чувствъ или по-
крайней мѣрѣ выраженій Римскаго пап-
ріюша. „О еслибы Флоріанъ, говоришь
„онъ, вмѣсто того, чѣобы завладѣвъ
„престоломъ брата, какъ бы частнымъ
„наслѣдіемъ, ждалъ рѣшенія Сената и
„пріялъ бы порфиру изъ рукъ вашихъ!
„но легіоны смирили гордость его; они
„предлагають мнѣ высокое шило Авгу-
„ста; я отдаю себя на судъ вашъ;
„взвѣсьте мои заслуги и требованія.“
Сенаторы, получивъ письмо, немогли
скрыть своего удовольствія и единоглас-
но утвердили выборъ Восточныхъ легіо-

новъ. Царствованіе Пробово соотвѣтство-
вало знакамъ почтенія и покорности,
которыя онъ сначала оказалъ Сенату.
Онъ оставилъ Сенаторовъ свободно упра-
влять гражданскою частію, и въ каче-
ствѣ полководца республики, часто по-
тергалъ къ ногамъ ихъ трофеи побѣдъ
своихъ. Не смотря на все уваженіе,
сказываемое имъ всегда Сенату,
онъ писалъ къ сему сословію тайное
презрѣніе, за добровольное и охотное
его повиновеніе указа Галліанову, воспре-
щающему Сенаторамъ опправлять вся-
кую военную должность.

Авреліанъ побѣдилъ враговъ Имперіи,
но смерть его открыла новое поприще
непріязненнымъ ихъ дѣйствіямъ. Муже-
ственный Пробъ смирилъ ихъ; онъ обез-
печилъ спокойствіе Реціи и сокрушилъ
могущество Сарматовъ. Готы искали
его союза и Изоріянцы, въ горахъ своихъ,
немогли пропивиться сему воинствен-
ному Государю. Города Капшось и Пшоле-
маисъ, продолжавшіе упорствовать въ мя-
тежѣ, произведенномъ Фирмомъ, и нахо-
дившіеся въ союзѣ съ Блемейми, испы-
тали гнѣвъ Проба. Казнь сихъ городовъ
и дикихъ ихъ союзниковъ привела въ
препешъ великаго Царя, и Персія шщеш-
но старалась приобрѣсти дружбу Импе-
ратора. Славнѣйшія для Римлянъ пред-

пріятія, въ царствованіе Проба, произведены были подъ личнымъ начальствомъ сего Государя; другія поручалъ онъ полководцамъ, коихъ мужество и дарованія были ему извѣстны. Каръ, Діоклеціанъ, Максиміанъ, Констанцій, Галеръ и многіе другіе воины, питомцы школы Аврелиановой, поддерживали усилія Проба.

Величайшая услуга, оказанная симъ Государемъ Имперіи, состояла въ завоеваніи у Германскихъ варваровъ семидесяти богатыхъ Римскихъ городовъ, которыхъ они завладѣли, и въ освобожденіи Галліи отъ угнѣшенія самозванцевъ. Чтобы достигнуть сего, надлежало побѣдить при многочисленной войска. Пробъ прогналъ Франковъ въ ихъ болота, разбилъ Бургонцевъ, сильный народъ племени Вандальскаго, и истребилъ совершенно Лигійцовъ въ одномъ главномъ сраженіи. Семно, славнѣйшій ихъ полководецъ, палъ мертвой въ руки Императора. Пробъ позволилъ имъ опуститься спокойно; но уронъ, понесенный ими въ сраженіи, бѣдствія, которыя испытали они на возвращномъ пути, довершили ихъ гибель, и самое имя Лигійцовъ изгладилось изъ памяти народовъ Германскихъ.

Честолюбіе Пробово неограничилось войною оборонительною; орлы Римскіе,

переступивъ съ нимъ за Рейнъ, явились на берегахъ Эльбы и Некера. Девять Князей Германскихъ, изумленныхъ его появленіемъ въ нѣдрахъ ихъ опечесства, пришли въ станъ Римской и пали къ ногамъ его. Императоръ пребоавъ отъ нихъ обратно добычи и плѣнниковъ, награбленныхъ въ обласяхъ Римскихъ, и обложилъ ихъ значительною данію, состояшею въ хлѣбѣ, лошадяхъ и скотѣ. Онъ намѣревался даже заставить Германцевъ положить оружіе и покориться совершенно Риму; однако исполненіе сего было опложено, а Имперія защищена отъ набѣговъ варваровъ каменною стѣною, которая отъ Нейштадта и Раписбона на Дунаѣ, простиралась до самаго Вимпфена, что на Некерѣ, и достигала до береговъ Рейна, имѣя въ длину двѣсти миль (milles). Опытъ доказалъ ненадежность такихъ укрѣпленій, когда онѣ назначаются для обороны обширнаго пространства земли. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Пробовой, Германцы разрушили стѣну, воздвигнутую по его повелѣнію.

Императоръ явилъ необыкновенное благоразуміе въ условіяхъ мира, заключеннаго съ побѣжденными Германцами. Онъ пребоавъ отъ нихъ шестнадцать тысячъ ратниковъ, набранныхъ изъ цвѣщаго

ихъ юношества. Сии молодые воины пополнили легионы; ихъ размѣщали въ Римскомъ войскѣ опдѣленіями, изъ пятидесяти и шестидесяти человекъ состоящими. Пробъ заселилъ снова опустошенныя пограничныя области плѣнниками и бѣглыми варварами, коимъ онъ раздавалъ земли, домашній скотъ и земледѣльческія орудія. Между шѣмъ, лѣность сихъ новыхъ земледѣльцовъ часто обманывала надежду Императора; привязанность ихъ къ свободѣ и праздности не рѣдко была виною возмущеній, равно пагубныхъ для нихъ самихъ и для смѣжныхъ областей Имперіи.

Не смотря на свою неусыпность и дѣятельность, Пробъ немогъ удержашъ въ повиновеніи всѣ обширныя свои владѣнія. Сатурнинъ, полководецъ опличеный, начальствовавшій на Воспокѣ во время опсущствія Государева, согласился бытъ главою мяшежа, не сполько изъ честолюбія, какъ изъ снисхожденія къ друзьямъ своимъ, копорые его уловили, и довершилъ изъ страха предпріятіе пресшупное и безразсунное, начатое имъ по одной слабости. Увы! вѣщаль онъ, окружавшимъ его во время избранія на царство, республика теряетъ нынѣ службу вѣрнаго, и минушное заблужденіе испребляетъ долговременныя заслуги. Об-

лекая порфирию, вы осуждаете меня на жизнь многотрудную, готовите мнѣ кончину преждевременную. Упѣваюсь одною мыслию, что погибну не одинъ. Первая часть сего предсказанія была оправдана побѣдою Проба, другая не исполнилась по милосердію сего Государя къ мяшежникамъ. Императоръ даже старался испоргнуть самозванца изъ рукъ раздраженныхъ своихъ рапниковъ. Возмущеніе Боноза и Прокула въ Галліи, изъ коихъ первый славился на поприщѣ Вакха, а другой Циперы, имѣло шѣже послѣдствія. Предводителями были побѣждены высокимъ гениемъ Проба, а сообщники ихъ получили прощеніе.

Императоръ, побѣдивъ заграничныхъ и домашнихъ враговъ республики, возвратился въ Римъ, чптобы праздновать свой пріумфъ, коего великолѣпіе соотвѣшствовало величію его подвиговъ. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о случившемся тогда произшествіи. Восемьдесятъ Гладіаторовъ, назначенныхъ для боя въ день торжества, негодуя на то, что ихъ заставляють проливать кровь свою для увеселенія черни, умертвили спражу, разломали шемницу и бросились по улицамъ Рима, сѣя повсюду смерть и ужасъ. Войско двинулось для усмиренія сихъ несчастныхъ и успѣло истребить ихъ;

но съ опчаяніемъ въ сердцѣ они сражались упорно и пріяли честную смерть, насытившись праведною местию.

Пробъ не менѣе строгій, но не столь жестокій, какъ Авреліанъ, умѣлъ, подобно предшественнику своему, соблюсти заведенную въ войскѣ подчиненность. Онъ занималъ рапниковъ разведеніемъ богатыхъ виноградниковъ по горамъ Галліи и Панноніи. Обширныя болота, близъ Сирміума, селенія, въ коемъ онъ родился, широкими легионеровъ, обратились въ превосходныя пастбища. Къ несчастію Императоръ болѣе обращалъ вниманіе на пользу, происходящую отъ такихъ работъ, нежели на расположеніе самаго войска.

Обычная праздность и своевольство рапниковъ вознаграждаютъ всѣ шруды и опасности, которыми они подвергаются. Занимая ихъ въ мирное время сельскою работою, должно поступать съ величайшею осторожностію, дабы не произвѣсти въ нихъ отвращенія отъ оной. Пробъ искалъ одного общественнаго блага, и довольствуясь чистотою своихъ намѣреній, онъ ихъ не шайлъ, какого бы они рода впрочемъ ни были. Съ наступленіемъ всеобщаго мира, на которой онъ надѣялся, приближалось время, удобное къ распусценію большей части рапниковъ. Онъ помышлялъ и говорилъ объ этомъ

безпрестанно. Нескромность сія погубило его. Однажды, несмотря на солнечный зной, онъ съ великою строгостію понуждалъ воиновъ къ работѣ; они бросили свои заспуды, взяли за оружіе и возмутились. Императоръ скрылся въ возвышенной башнѣ, откуда надѣялся прекратитъ смятеніе. Но двери были разломаны и тысяча мечей вонзилась въ его сердце. Бѣшенство солдатъ утихло немедленно, когда увидѣли они Императора при концѣ жизни; они раскались въ своей опрометчивости и соорудили ему памятникъ, желая сохранить славное возпомяніе о его подвигахъ.

Ему наследовалъ Каръ, одинъ изъ полководцевъ Пробовыхъ. Возшествіе его на престолъ не было сопровождаемо тѣми знаками уваженія къ Сенату, которыми почтилъ сіе собраніе преемникъ Авреліановъ. Легионы объявили Кара достойнымъ порфиры, и новый Императоръ просто извѣстилъ Сенаторовъ, что съ согласія войска онъ возшелъ на престолъ, упраздненный смертію Проба. Каръ, хотя принадлежалъ къ военному званію, но имѣлъ хорошее воспитаніе и былъ весьма образованъ. Несмотря на Сенаторское его достоинство, Пробъ, во прѣки послановленію Галліанову, возвелъ его на первую военную степенъ, которой

онъ былъ достоинъ по своимъ дарованіямъ. Новый Императоръ имѣлъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду, когда сдѣлался главою Государства, и оба сыновья его были уже въ совершенномъ возрастѣ.

Воинственный Государь, съ согласія легионовъ, готовился къ войнѣ съ Персами, которую Римляне такъ часто предпринимали и откладывали до другаго времени. Въ семь намѣреній сдѣлалъ онъ Цесарями обоихъ сыновей своихъ: Карина и Нумерина, и ввѣривъ первому власть, почти равную своей, онъ повелѣлъ ему сначала успокоить одно возмущеніе въ Галліи, послѣ чего избравъ себѣ мѣстопробываніемъ Римъ и управлявъ Западными областями. Спокойствіе Иллиріи было обезпечено пораженіемъ и умерщвленіемъ шестнадцатью тысячами Сарматовъ, которые, казалось, хотѣли сдѣлать на нее набѣгъ. Престарѣлый Императоръ, одушевляемый сею побѣдою, продолжалъ походъ свой въ зимнее время черезъ Фракію и малую Азію, и прибылъ наконецъ съ сыномъ своимъ Нумирианомъ къ предѣламъ Персидской Монархіи. Варанъ, преемникъ Аршакерксовъ, усраженный приближеніемъ Императора, рѣшился вступить въ мирные переговоры. Послы Персидскіе прибыли въ станъ Римской около захожденія солнечнаго,

когда воины вкушали умѣренную пражу. Ихъ повели къ Императору, сидѣвшему тогда на правѣ и оплеченному отъ другихъ шокмо багрянымъ плащомъ, изъ простой шкани сдѣланнымъ. Кусокъ ржавата свиного сала и нѣсколько горстей сухаго гороха составляли его ужинъ; такая же простота соблюдалась и въ переговорахъ. Каръ, открывъ совершенно обнаруженную главу свою, сказалъ посламъ, что если Царь ихъ не признаетъ первенства Римлянъ; то въ Царствѣ Персидскомъ останется столь же мало деревьевъ, сколь мало волосъ на главѣ его. Угрозы Кара не были напрасны; онъ опустошилъ Месопотамію, овладѣвъ Селевкиею и Ктесифономъ и перенесъ побѣдоносное оружіе свое за Тигръ.

Персію терзали междоусобія. Часть войскъ ея находилась на Индійской границѣ. Римъ надѣялся, что паденіе Персидской Монархіи, соединенное съ завоеваніемъ Аравіи и Египта, освободитъ наконецъ Имперію отъ всѣхъ опасеній со стороны набѣговъ народа Скиѣскаго; но Римляне почти въ одно время узнали о побѣдахъ Кара и о смерти его. Трудно опредѣлить настоящую причину оной; одни приписываютъ ее громовому удару, другіе болѣзни, которая будто бы

въ весьма короткое время похитила сего Государя.

Войско немедленно признало Императора юнаго Нумеріана и брата его Карина, хошя онъ и былъ въ опсущствіи. Смерть Кара привела леіоны въ ужась; мѣста и лица, пораженныя Перуномъ, счишались у Римлянъ обрѣченными мѣстами небесной. Приводили на память слова древняго Оракула, копорый вѣщаль, что Римляне не могутъ переносить оружія своего за Тигръ, не подвергаясь явной опасности; а посему войска, вмѣсто того, чтобы воспользоваться успѣхами Кара, просили юнаго Нумеріана покориться волѣ боговъ и вывести ихъ изъ страны, гдѣ они должны были сражаться не иначе, какъ при несчастныхъ предзнаменованіяхъ.

Римъ, области, самое войско радовались возшествію на престоль сыновей Каровыхъ. Между шѣмъ порочный Каринъ успѣлъ уже заслужить презрѣніе столицы. Онъ скоро зашавилъ забыть славу, приобретенную имъ въ войнахъ Галлскихъ. Едва прибылъ онъ въ Римъ, какъ употребляя во зло шаспіе и власть свою, онъ предался совершенно всякой роскоши и всякому разврату. Въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцовъ онъ взялъ за себя и опвергнулъ опъ своего ложа девять

женъ, что впрочемъ не мѣшало ему имѣть многихъ наложницъ, и, для удовлетворенія ненасытимаго сладоспраснія, безславить благороднѣйшія семейства въ Римѣ.

Каринъ избираль сановниковъ изъ самой черни. Онъ поручилъ управление города привратнику, и писарь, извѣстный искусствомъ своимъ въ подражаніи почерку другихъ, освобождалъ сего безпечнаго Государя опъ необходимости подписывать имя свое на бумагахъ. Послѣдній Императоръ, извѣшясь о недостойномъ поведеніи сына, краснѣлъ за него; онъ объявилъ намѣреніе удовлетворить республику примѣрнымъ наказаніемъ гнуснаго сластолюбца, и усыновить на мѣсто его то добродѣтельнаго Констанція, копорый управлялъ тогда Далмаціею. Усыновленіе Констанція было опложено и скоропоспичная смерть Кара опкрыла свободный ходъ неисповѣшву старшаго его сына.

Все достоинство царствованія Карина состояло единственно въ великолѣпши, съ коимъ онъ праздновалъ игры цирка и амфитеатра. Двашцать лѣтъ спустя послѣ того, Царедворцы Діоклешіановы называли его царствованіе вѣкомъ забавъ. Въ то время какъ Римляне наслаждались великолѣпнѣйшими зрѣлищами,

братъ Императора умеръ въ девяти
стахъ миляхъ (milles) отъ столицы и
быстрый переворотъ лишилъ скиптра
преемника Карова.

Свойства Нумеріановы, совершенно оп-
личные отъ Кариновыхъ, безъ сомнѣнія
служили преградой ко взаимному со-
гласію обоихъ братьевъ. Первый былъ
права шихаго, крохотаго и въ обращеніи
своёмъ привѣтливъ и ласковъ. Надѣлен-
ный даромъ витійства и поэзіи, онъ бо-
лѣе любилъ жизнь спокойную, посвящен-
ную размышленію, нежели дѣятельныя
занятія и заботы. Государь сей не имѣлъ,
ни склонности, ни крѣпости, необхо-
димой для начальства надъ войскомъ.
Труды, которые онъ переносилъ въ вой-
нѣ Персидской, ослабили его здоровье и
чрезмѣрная жара климата имѣла вред-
ное вліяніе на его зрѣніе. Въ печеніи
долговременнаго опистхупленія, онъ при-
нужденъ былъ сидѣть на носилкахъ, по-
крытыхъ и темныхъ. Тещь его Аріи-
Аперъ, въ званіи Префекта Преторія,
управлялъ всѣми дѣлами военными и
гражданскими.

Восемь мѣсяцовъ спустя по смерти
Каровой, легіоны остановились въ Хал-
кедонѣ, между тѣмъ какъ дворъ Импе-
раторскій пробѣжалъ чрезъ сей городъ
на пути въ Гераклею, стоящую на

Европейскомъ берегу Пропонтиды. Вдругъ
разнесся слухъ, что Императоръ умеръ,
и честолюбивый его сановникъ продол-
жаетъ управлять именемъ Государя.
Вспревоженные рабники врывающіяся въ
спавку Императора и находящія одно
тѣло Нумеріаново. Съ одной стороны
поспешное расслабленіе его здоровья
заставляло почитать смерть его есте-
ственной, съ другой раченіе, съ копо-
рымъ скрывали ее, и мѣры, принятыя
Аперомъ для обезпеченія избранія своего
въ преемники покойника питали подозрѣ-
ніе и догадки. Войско собралось въ Хал-
кедонѣ для совѣщанія, призвало Апера
и заключило его, какъ преступника. Пол-
ководцы и Трибуны избрали начальникомъ
дворцовой стражи Діоклетіана, мужа
способнаго опмститъ смерть Императо-
ра и быть его наследникомъ. Діоклеті-
анъ спалъ на возвышенномъ мѣстѣ, и, во-
зведя очи къ небу, торжественно поклял-
ся въ невинности; принявъ послѣ видъ
важный, приличный судѣ и Государю,
онъ повелѣлъ привести Апера, окован-
наго цѣпями. Сей человекъ есть убійца
Нумеріановъ, сказалъ онъ, указывая на уз-
ника, и, не давъ ему времени оправдывать-
ся, вонзилъ мечъ въ его сердце. Легіоны
радостнымъ крикомъ одобрили судъ Діокле-
тіановъ и признали власшь его; они ру-

коплексаки новому Государю, который начиналъ царствованіе свое убійствомъ.

Каринь, владѣя столицей Имперіи, имѣлъ и оружіе и сокровища. Онъ могъ защитить права короны и погубить самозванца; но гнусные пороки, лишая его всѣхъ выгодъ, всѣхъ пособій, неразлучныхъ съ званіемъ Государя, сполнили ему жизни и престола. Восточное и Западное войска сошлись весною на долину, окружавшей Маргъ, небольшой городъ Мезин. Войска, возвращавшіяся изъ Персіи, значительно уменьшились въ числѣ своемъ; воины, упомянутые долговременнымъ походомъ, не могли прошившись Европейскимъ легионамъ, и вѣроятно, Діоклетіанъ претерпѣлъ бы поражение, если бы Трибунъ, коего жену соблазнилъ Каринь, не умертвилъ прелюбодѣя и своею местию не доровалъ побѣды самозванцу, который, можетъ быть, начиналъ уже опчаяваться въ успѣхѣ и даже въ своей жизни.

Г Л А В А IX.

Царствованіе Діоклетіана и трехъ его соправителей: Максиміана, Галера и Констанція. Война съ Персіею. Діоклетіанъ и Максиміанъ слагаютъ порфиру и удаляются въ уединеніе. Смерть Діоклетіанова.

Діоклетіанъ родомъ былъ ниже всѣхъ своихъ предшественниковъ. Предки его были невольниками въ домѣ Сенатора Анулина. Онъ самъ назывался именемъ одного небольшого Далматскаго города. Благопріятныя предвѣщанія Оракуловъ и честолюбивые виды заставили его вступить на военное поприще. Онъ удостоился званія Мезійскаго намѣстника, былъ почтенъ попомъ Консульствомъ и сдѣланъ начальникомъ Дворцовой стражи. Послѣ смерти Нумеріановой полководцы Восточной арміи признали его достойнымъ управлять Имперіею. Дарованія Діоклетіановы болѣе имѣли основатель-

ности, нежели наружного блеска. Великое искусство въ дѣлахъ Государственныхъ и прилѣжаніе, щедрость, умѣряемая бережливостію, строгость, соединенная съ кротостію и снисхожденіемъ, глубокая скрытность подъ личиною искренности, рѣдкое искусство владѣть своими и чужими спрасьями и пользоваться ими для удовольстворенія собственнаго честолюбія: таковы были главныя черты характера новаго Императора. Изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, кажется, онъ болѣе всѣхъ походилъ на Августа. Во время избранія своего онъ объявилъ, что намѣренъ слѣдовать кроткимъ правиламъ Философіи Марка Аврелія.

По примѣру сего Государя, онъ избралъ соправителя въ лицѣ Максиміана, которому далъ сначала титулъ Цесаря, а потомъ Августа. Максиміанъ былъ сынъ поселенца, и, подобно Авреліану, родился близъ Сирміума. Чуждый всякаго образованія, ему извѣстно было одно военное дѣло. Онъ отличился въ оборонѣ предѣловъ Имперіи, и хотя, можетъ быть, не имѣлъ всѣхъ качествъ великаго полководца; но по своему мужеству, поспоконствію и опытности, былъ способенъ исполнять самыя шрудныя порученія. Діоклетіанъ зная его совершенно, равно

пользовался его дарованіями и недостатками. Максиміанъ, имѣя отъ природы сердце жестокое и нечувствительное, былъ орудіемъ, всегда готовымъ совершать злодѣянія, входяція въ планъ власполюбивой политики Діоклетіановой, отъ коихъ сей послѣдній самъ послѣ отрѣкался, приписывая оныя исключительно Максиміану. Различіе въ характерахъ не ослабляло никогда взаимной дружбы обоихъ Императоровъ; изъ гордости или суевѣрія одинъ изъ нихъ назвался Ювіемъ, а другой Геркуліемъ.

Благоразумный Діоклетіанъ замѣтилъ, что Имперія, подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападенію, преобладала пребыванія одного изъ Императоровъ въ областяхъ, угрожаемыхъ врагами; а потому рѣшился раздѣлить еще престоль свой съ двоими достойными полководцами, дабы имъ скромное титуло Цесарей и уступилъ часть верховной власти. Галеръ и Констанцій казались ему достойными сей чести. Констанцій, знатностію породы, превосходилъ своихъ поварищей. Отецъ его былъ Паприцій и пользовался особеннымъ уваженіемъ въ Дарданіи. Мать его была племянницею Императора Клавдія. Военная служба, въ коей провелъ онъ свою молодость, не измѣнила кротости и любезныхъ свойствъ

его характера. Чтобы еще болѣе привязать къ себѣ Цесарей, каждой Императоръ усыновилъ изъ нихъ по одному: Діоклетіанъ Галера, Максиміанъ Констанція; потомъ, заставивъ ихъ развестись съ своими женами, каждый за усыновленнаго имъ сына выдалъ свою дочь. Оборона Галліи, Испаніи и Великобританіи поручена была Констанцію, береговъ Дуная Галеру, Италія и Африка достались Максиміану; Оракія, Египеть и богатыя области Азійскія составляли намѣстничество Діоклетіаново. Каждый изъ сихъ Государей былъ неотграниченнымъ властелиномъ въ областяхъ своихъ, и соединенная ихъ власть простиралась на всю Имперію.

Сія важная мѣра была принята, спустя шесть лѣтъ по возшествіи на престолъ Максиміана. Первый подвигъ сего Государя состоялъ въ усмирении поселенъ, копорые, подъ именемъ Багодовъ, произвели всеобщее возмущеніе. Въ печеніи продолжительныхъ смятеній, происходившихъ въ Галліи со времени царствованія Галліана до Діоклетіана, состояніе сихъ поселенъ было весьма бѣдственно. Угнѣшаемые и господами своими и варварами и войнами и сборщиками податей, они потеряли шерпѣніе. Опечаленіе побудило ихъ къ мяшежу; они вско-

рѣ возстали многочисленными полпами, грозили пришлѣснителямъ и мспили имъ съ ожесточенною яростію. Избѣгая вѣрной гибели, Галлскіе помѣщики искали спасенія въ укрѣпленныхъ городахъ, либо удалялись отъ театра безначалія. Могущество сихъ поселенъ исчезло съ приближеніемъ легионовъ; вооруженные были строго наказаны, а другіе удалились въ свои дома и обратились къ жизни шрудолубивой и покорной, на копорую всегда осуждены были.

Въ царствованіе Пропа, отрядъ Франковъ поселился на берегахъ моря, смежныхъ съ Понтійскою областію. Флотъ, находившійся тогда въ одной изъ пристаней Понта Евксинскаго, далъ имъ способы преплыть море и опустошить беззащитные берега Азіи, Греціи и Африки. Ихъ сообщичи послѣдовали ихъ примѣру, и области, орошаемыя океаномъ, были также ограблены сими разбойниками, сдѣлавшими нѣсколько высадокъ. Для предупрежденія сихъ набѣговъ, Каравзій Менапіанъ, равно искусный и мужественный, былъ поставленъ съ эскадрою въ Булоніи, въ проливѣ, отдѣляющемъ Великобританію отъ Галліи. Сей корыстолубивый полководецъ, не радѣя о своемъ долгѣ, не препятствовалъ варварамъ ходити на добычу, за-

держивая ихъ однако на возвратномъ пути, и опнимая награбленное для себя. Несмѣнное богатство Каравзіево казалось Максиміану явнымъ доказательствомъ его преступленія, и онъ повелѣлъ предать его смерти. Хищрый Менапіанъ, извѣстываясь о семъ заблаговременно, привлекъ дарами флотъ на свою сторону и отправился на немъ въ Великобританію. Тамъ поколебавъ онъ вѣрность легионовъ и союзныхъ войскъ, охранявшихъ сей островъ, и смѣлою рукою, возложивъ на себя порфиру, принялъ шипло Августа. Цѣлые семь лѣтъ сопротивлялся онъ власти Императоровъ со всемъ мужествомъ и дарованіями великаго полководца. Его побѣдоносные корабли плавали по проливу и опустошали берега Океана. Подъ управленіемъ его Великобританія взяла уже шопъ естественный и сильный перевѣсъ, которымъ она нынѣ пользуется въ качествѣ морской державы.

Произшествіе сіе немедленно воспослѣдовало за усмиреніемъ Гальскихъ поселенъ. Каравзіи, завладѣвъ Болонскимъ флотомъ, лишилъ Максиміана способовъ вредить ему. Съ трудомъ составили новый флотъ, который былъ разбитъ самозванцемъ. Діоклетианъ и Максиміанъ, опчаявшись послѣ сего въ успѣхъ, рѣ-

шились предоставить Каравзію владычество надъ Великобританіею.

Усыновленіе Цесарей возстановило прежнюю силу и подчиненность въ войскѣ. Констанцій взялся вести противъ Каравзіи войну, которая казалась необходимою, и предпринялъ осаду важнаго города Булони. Весьма длинная плошина, запиравшая входъ въ пристань, была такъ хорошо охраняема, что жители опчаявались въ помощи. Городъ сдался послѣ упорной обороны. Большая часть кораблей Каравзіевыхъ досталась въ руки осаждавшимъ. Приготовленія къ сей войнѣ, продолжавшіяся цѣлые три года, не были еще приведены къ концу, когда Констанцій узналъ о смерти самозванца. Каравзіи погибъ опъ руки сановника своего Алекса, который ему наслѣдовалъ, вступилъ на его опасное поприще, но не имѣлъ дарованій, необходимыхъ для самозванца. Алексъ съ шрепешомъ видѣлъ войско и флоты у береговъ Галліи. Констанцій раздѣлилъ свои силы, чтобы развлечь вниманіе и сопротивленіе непріятели. Главная эскадра подъ начальствомъ Прѣфекта Асклепіодаша избѣгла флота Алексова по случаю густаго тумана, и безопасно пристала къ Западнымъ берегамъ Брипаніи. Самозванецъ находясь близъ Лондона, спѣ-

шилъ встрѣшить приближающагося не-
 пріятели. Послѣ долгаго и затрудни-
 тельнаго похода, Алексѣ, съ небольшимъ
 опрядомъ ушомленнаго и чуждаго подчи-
 ненности войска, вступилъ въ сраженіе
 съ Префектомъ. Дѣло кончилось пора-
 женіемъ и смертію самозванца. Осталь-
 ная часть острова покорилась побѣди-
 телю, и Констанцій, спустивъ на берегъ
 близъ Кенша, нашелъ его покрытымъ
 подданными, приведенными въ повинове-
 ніе. Великобританія, окруженная моремъ,
 могла спрашиться однихъ враговъ домаш-
 нихъ. Слабыя покушенія Шотландскихъ
 дикарей едва могли превозжить сей ос-
 тровъ. Сохраненіе же внутренняго спо-
 койствія въ Имперіи и оборона предѣ-
 ловъ ея требовали значительныхъ соеди-
 ненныхъ усилій полишки и военнаго мо-
 гущества. Діоклетианъ имѣлъ искусство
 писать раздоры между варварами. Во
 всѣхъ мѣстахъ укрѣпленія были воспла-
 новлены. На Востокѣ Императоръ провелъ
 линію укрѣпленныхъ лагерей отъ самаго
 Египта до владѣній Персидскихъ. Въ Ан-
 тохіи, Эмезѣ и Дамаскѣ завели арсеналы;
 такія же мѣры и тѣ же предосторож-
 ности приняты на Сѣверѣ. Кромѣ по-
 правки древнихъ крѣпостей, строились
 еще новыя; строжайшее устройство и
 подчиненность соблюдались въ ихъ гарни-

зонахъ. Предѣлы, охраняемые столь ра-
 чительно, подвергались рѣдкимъ нападе-
 ніямъ и подданные Діоклетиановы съ у-
 довольствіемъ взирали на Готтовъ, Ван-
 даловъ, Гепидовъ и Аллемановъ, истреб-
 лившихъ другъ друга въ междоусобіяхъ.

Когда сіи варвары, прекращая вну-
 тренніе раздоры, нечаянными нападеніями
 обманывали бдительность войскъ, по
 крѣпостямъ расположенныхъ; тогда Им-
 ператоры поручали однимъ Цесарямъ оп-
 ражать ихъ, предоставляя для своей
 дѣятельности случаи важнѣйшіе. Кон-
 станцій, двумя побѣдами, одержанными
 при Лангрѣ и при Винденесѣ, освободилъ
 Галлію отъ неистовства Аллемановъ, ко-
 торые вшорглись въ сію область; но сей
 Государь, пробѣгая равниною съ мало-
 численною стражею, былъ окруженъ пол-
 ною непріятели. Съ трудомъ успѣлъ
 онъ освободиться отъ нихъ и достиг-
 нулъ города Лангра съ нѣсколькими ра-
 нами. Римское войско спѣшило къ нему
 на помощь и въ шотъ же день опомсти-
 ло за Констанція, умертвивъ шесть ты-
 сячъ Аллемановъ.

Діоклетианъ, въ обращеніи съ побѣж-
 денными варварами, подражалъ Импера-
 тору Пробу; ихъ расселяли по обла-
 стямъ, опустошеннымъ войною, поощря-
 ли къ земледѣлію и запрещали имъ но-

силь оружіе. Императоры дали земли и все нужное нѣкоторымъ поселеніямъ Карпановъ, Бастарновъ и Сармаповъ, но неоспорочно дозволивъ имъ жить по своему и сохраняя, нѣкоторымъ образомъ, привычку независимости, открыли чрезъ сіе способъ множеству непримиримыхъ враговъ Имперіи, на которыхъ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія, нечувствительно прокрадывающіяся въ самыя нѣдра государства.

Между тѣмъ, какъ Цесари воевали мужественно на берегахъ Рейна и Дуная, Императоры дѣйствовали на южныхъ предѣлахъ Имперіи. Союзъ пяти Мауританскихъ народовъ завладѣлъ областями, которыя дошолѣ наслаждались миромъ. Юліанъ объявилъ себя Государемъ въ Картагенѣ, Ахиллесъ въ Александріи, и даже Блемеи начали возобновлять свои опустошительныя набѣги на Египетъ. Максиміанъ имѣлъ, кажется, въ Западныхъ областяхъ Африки быстрые и рѣшительныя успѣхи, хотя въ лѣтописяхъ едва сохранились нѣкоторыя подробности о его подвигахъ. Діоклетіанъ, съ своей стороны, пошелъ войною на Египетъ и напалъ на Александрію, которая, послѣ восьми мѣсячной осады, прибѣгла къ милосердію побѣдителя и испытала гибель его. Бузирисъ и Капшосъ были совершенно

разрушены по повелѣнію Императора. Полишика внушила ему мысль перевести Нобашовъ изъ прежнихъ ихъ жилищъ въ Ливію, гдѣ онъ далъ имъ пространныя земли выше Сіены и Нильскихъ пороговъ, съ намѣреніемъ проивупоставить Блемеямъ сихъ непримиримыхъ враговъ ихъ. Усмиривъ Египетъ, Діоклетіанъ велѣлъ тщательнѣе собрать всѣ древнія книги, въ которыхъ писано было объ искусствѣ дѣлать драгоценныя металлы, и предать ихъ безжалостно огню. Творенія сіи, приписываемыя Пифагору, Соломону и Гермесу, были конечно произведеніемъ Алхимистовъ позднѣйшихъ временъ, которые присвоивали своимъ книгамъ имена сихъ знаменитыхъ мужей, дабы удобнѣе обманывать легковѣрный народъ. Какъ бы то ни было, сожженіе Діоклетіаномъ сихъ книгъ составляетъ древнѣйшее достоверное событіе въ Исторіи Алхиміи.

За усмирениемъ Египта немедленно слѣдовала война съ Персіею. Въ царствованіе Валлеріана Арменія подпала власти Царя Персидскаго, который въ семь случаевъ не столько дѣйствовалъ оружіемъ, сколько коварствомъ, и умертвилъ Хозроя. Друзья сего Государя спасли младенца, сына его Тиридаша, и законный наследникъ Армянскаго престола былъ воспитываемъ подъ покровительствомъ

шилъ встрѣшить приближающагося не-
 пріятели. Послѣ долгаго и запрудни-
 шельнаго похода, Алексъ, съ небольшимъ
 опрядомъ упомленнаго и чуждаго подчи-
 ненности войска, вступилъ въ сраженіе
 съ Префектомъ. Дѣло кончилось пора-
 женіемъ и смертію самозванца. Оспаль-
 ная часть острова покорилась побѣди-
 телю, и Констанцій, спустивъ на берегъ
 близъ Кенша, нашель его покрытымъ
 подданными, приведенными въ повинове-
 ніе. Великобританія, окруженная моремъ,
 могла спрашиться однихъ враговъ домаш-
 нихъ. Слабыя покушенія Шотландскихъ
 дикарей едва могли превозитъ сей ос-
 тровъ. Сохраненіе же внутренняго спо-
 койствія въ Имперіи и оборона предѣ-
 ловъ ея пребовали значительныхъ соеди-
 ненныхъ усилій полипики и военнаго мо-
 гущества. Діоклетианъ имѣлъ искусство
 пишашъ раздоры между варварами. Во
 всѣхъ мѣстахъ укрѣпленія были воспла-
 новлены. На Воспокѣ Императоръ провелъ
 линію укрѣпленныхъ лагерей отъ самаго
 Египта до владѣній Персидскихъ. Въ Ан-
 тохіи, Эмезѣ и Дамаскѣ завели арсеналы;
 шакія же мѣры и тѣ же предосторож-
 ности приняты на Сѣверѣ. Кромѣ по-
 правки древнихъ крѣпостей, строили
 еще новыя; спрожайшее устройство и
 подчиненность соблюдались въ ихъ гарни-

зонахъ. Предѣлы, охраняемые столь ра-
 чисельно, подвергались рѣдкимъ нападе-
 ніямъ и подданные Діоклетиановы съ у-
 довольствіемъ взирали на Готтовъ, Ван-
 даловъ, Гепидовъ и Аллемановъ, испреб-
 лявшихъ другъ друга въ междоусобіяхъ.

Когда сіи варвары, прекращая вну-
 шренніе раздоры, нечаянными нападені-
 ями обманывали бдительность войскъ, по-
 крѣпостямъ расположенныхъ; тогда Им-
 ператоры поручали однимъ Цесарямъ оп-
 ражашъ ихъ, предоспаляя для своей
 дѣятельности случаи важнѣйшіе. Кон-
 станцій, двумя побѣдами, одержанными
 при Лангрѣ и при Винденесѣ, освободилъ
 Галлію отъ неистовства Аллемановъ, ко-
 торые вшорглись въ сію область; но сей
 Государь, пробѣжая равниною съ мало-
 численною стражею, былъ окруженъ пол-
 ною непріятели. Съ прудомъ успѣлъ
 онъ освободиться отъ нихъ и достиг-
 нулъ города Лангра съ нѣсколькими ра-
 нами. Римское войско спѣшило къ нему
 на помощь и въ шотъ же день опомсти-
 ло за Констанція, умершвивъ шесть ты-
 сячъ Аллемановъ.

Діоклетианъ, въ обращеніи съ побѣж-
 денными варварами, подражалъ Импера-
 тору Пробу; ихъ расселяли по обла-
 стямъ, опустошеннымъ войною, поощря-
 ли къ земледѣлію и запрещали имъ но-

силь оружіе. Императоры дали земли и все нужное нѣкоторымъ поселеніямъ Карпановъ, Баспарновъ и Сармаповъ, но неосторожно дозволивъ имъ жить по своему и сохранять, нѣкоторымъ образомъ, привычку независимости, открыли чрезъ сіе способъ множеству непримиримыхъ враговъ Имперіи, на которыхъ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія, нечувствительно прокрадывающіяся въ самыя нѣдра государства.

Между тѣмъ, какъ Цесари воевали мужественно на берегахъ Рейна и Дуная, Императоры дѣйствовали на южныхъ предѣлахъ Имперіи. Союзъ пяти Мауританскихъ народовъ завладѣлъ областями, которыя дошолъ наслаждались миромъ. Юліанъ объявилъ себя Государемъ въ Картагенѣ, Ахиллесъ въ Александріи, и даже Блемеи начали возобновлять свои опустошительныя набѣги на Египетъ. Максиміанъ имѣлъ, кажется, въ Западныхъ областяхъ Африки быстрые и рѣшительныя успѣхи, хотя въ лѣтописяхъ едва сохранились нѣкоторыя подробности о его подвигахъ. Діоклетіанъ, съ своей стороны, пошелъ войною на Египетъ и напалъ на Александрію, которая, послѣ восьми мѣсячной осады, прибѣгла къ милосердію побѣдителя и испытала гибель его. Бузирисъ и Капшосъ были совершенно

разрушены по повелѣнію Императора. Полипика внушила ему мысль перевести Нобашовъ изъ прежнихъ ихъ жилищъ въ Ливию, гдѣ онъ далъ имъ пространныя земли выше Сіены и Нильскихъ пороговъ, съ намѣреніемъ противупоставить Блемеямъ сихъ непримиримыхъ враговъ ихъ. Усмиривъ Египетъ, Діоклетіанъ велѣлъ тщательнѣе собрать всѣ древнія книги, въ которыхъ писано было объ искусствѣ дѣлать драгоценныя металлы, и предалъ ихъ безжалостно огню. Творенія сіи, приписываемыя Пифагору, Соломону и Гермесу, были конечно произведеніемъ Алхимистовъ позднѣйшихъ временъ, которые присвоивали своимъ книгамъ имена сихъ знаменитыхъ мужей, дабы удобнѣе обманывать легковѣрный народъ. Какъ бы то ни было, сожженіе Діоклетіаномъ сихъ книгъ составляетъ древнѣйшее досто-вѣрное событіе въ Исторіи Алхиміи.

За усмирениемъ Египта немедленно слѣдовала война съ Персіею. Въ царствованіе Валлеріана Арменія подпала власти Царя Персидскаго, который въ семь случаевъ не столько дѣйствовалъ оружіемъ, сколько коварствомъ, и умертвилъ Хозроя. Друзья сего Государя спасли младенца, сына его Тиридаша, и законный наследникъ Армянскаго престола былъ воспитываемъ подъ покровительствомъ

Императоровъ. Щасливья способности юнаго Тиридаша, которья можеть быть не раскрылись бы при роскошномъ дворѣ отца его, созрѣвали подѣ вліяніемъ воспитанія военнаго. Съ самой молодости, онъ явилъ примѣры рѣдкаго мужества и искусства въ разныхъ пѣлесныхъ упражненіяхъ. Во время возмущенія, спойвшаго Пробу жизни, Лициній, страшный тогда для мяшежниковъ, подвергался большой опасности и былъ спасенъ отъ бѣшенства изступленныхъ ратниковъ храбростію Тиридаша, который самъ жертвовалъ жизнью для избавленія сего почтеннаго воина. Сей поступокъ не оспался безъ награжденія и содѣйствоваль къ возвращенію ему родительскаго престола. По прозьбѣ Лицинія и друга его Галера, Тиридашъ, на претѣемъ году царствованія Діоклетіанова, сдѣланъ былъ Царемъ Армянскимъ. Появленіе сына Хозроева на предѣлахъ наслѣдственныхъ его владѣній, привело въ восторгъ жипелей; народъ съ ревностію взялся за оружіе, чтобы сразиться за вѣру, независимость и своего Государя; Армянское Дворянство лешѣло подѣ знамена Тиридашovy. Сынъ Хозроя ввѣрилъ начальство надѣ войскомъ Аршавазду, коего семейство было умерщвлено за то, что отецъ его спасъ жизнь законному

наслѣднику престола. Щастіе благопріятствовало Армянскому Государю. Мужество его не ограничилось изгнаніемъ изъ своихъ владѣній враговъ своего дома; онъ дѣлалъ набѣги въ самыя нѣдра Ассиріи; но частію своихъ успѣховъ Тиридашъ былъ обязанъ раздорамъ, перзавшимъ Персію. Гормуцъ спорилъ тогда съ братомъ своимъ Нарсезомъ о престолѣ и возжегъ пламенникъ войны междуособной; но смятенія наконецъ прекрапились и Нарсезъ, признанный всѣми Царемъ Персидскимъ, обратилъ оружіе противъ чужеземнаго самозванца. Тиридашъ въ другой разъ былъ изгнанъ изъ Арменіи и снова искалъ спасенія при дворѣ Императорскомъ.

Діоклетіанъ рѣшился вспомошествовать ему всѣми силами Имперіи. Для сего избралъ онъ мѣстопробываніемъ своимъ Антіохію, откуда могъ удобнѣе управлять движеніями войска, и поручилъ начальство надѣ онымъ Галеру. Противники вспрѣпились вѣкорѣ на равнинахъ Месопотаміи. Въ двухъ битвахъ ни одна сторона не увѣнчалась побѣдою; но претія была рѣшишельна. Римляне были разбины на томъ полѣ сраженія, которое уже было ознаменовано поражениемъ Красса. Неизвѣстны причины, заспавившія Римскаго полководца обратипсья въ бѣгство; но знаемъ, что

Тиридашъ, явивъ чудеса храбрости, принужденъ былъ также послѣдовать его примѣру. Непрiятель гнался за нимъ до Евфраша, гдѣ лошадь его была ранена. Государь сей, угрожаемый плѣномъ, въ тяжелыхъ своихъ доспѣхахъ бросился рѣшительно въ глубокую и быструю рѣку, имѣвшую до полумили широты. Не смотря на сіе, искусный и сильный Тиридашъ переплылъ чрезъ нее и достигъ противоположнаго берега.

Діоклетіанъ принялъ Галера не такъ какъ Цесаря, почти равнаго ему властію, но со всѣмъ негодованіемъ оскорбленнаго Государя. Галеръ принужденъ былъ итти болѣе мили пѣшкомъ за колесницею Императора. Между тѣмъ, насытивъ гнѣвъ свой, Діоклетіанъ позволилъ ему возстановить какъ свою собственную, такъ и честь Римскихъ легионовъ. Собрали другое войско, составленное изъ оставшихъ Иллирійскихъ легионовъ, и Галеръ, съ двадцатью пятью тысячами человекъ, двинулся въ Армянскія горы, гдѣ мѣстность благопріятствовала дѣйствию пѣхоты и препятствовала движеніямъ конницы. Персіане, въ упоеніи успѣховъ ослабили въ войскѣ своемъ подчиненность и устройство. Цесарь напалъ на нихъ нечаянно; его напискъ привелъ непріятеля въ безпорядокъ, поселилъ ужасъ въ ихъ стаиѣ

и былъ поводомъ къ ужаснѣйшему кровопролитію. Раненый Нарсезъ обратился въ бѣгство и достигъ Мидійской пустыни. Нѣсколько женъ и дѣтей его, находившихся съ нимъ въ войскѣ, достались въ руки побѣдителей; но были охранены отъ насилія и грабежа рабниковъ. Въ семъ случаѣ Галеръ поступилъ точно такъ, какъ Александръ Великій съ семействомъ Даріевымъ.

Во ожиданіи послѣдствій сей важной борьбы, Діоклетіанъ собралъ въ Сиріи сильное паблюдательное войско, и получивъ извѣстіе о побѣдѣ, онъ самъ выступилъ въ походъ, дабы совѣтами смягчить строгость раздраженнаго Галера. Могущество Нарсеа было сокрушено преперѣннымъ имъ пораженіемъ. Онъ послалъ вѣрнаго слугу своего Афарбана просить мира и заключить оный на условіяхъ, какія угодны будутъ побѣдителямъ. Завоеваніе Востока льстило честолюбію Галеру. Діоклетіанъ, болѣе благоразумный, послѣдовалъ умѣренной политикѣ Августа и Антониновъ. Императоры, чрезъ секретаря своего Сикорія Проба, извѣстили Нарсеа объ условіяхъ, на коихъ онъ могъ надѣяться получить миръ. Сей Государь согласился на оныя и купилъ дружбу Римлянъ уступкою пяти областей, по ту сторону Тигра лежа-

щихъ. Четыре изъ нихъ были, правда, маловажны; названіе Интилиніи, Забдицены, Арзанены и Моксоены едва были извѣстны; но пятая была важнѣе и заключала пространную и гористую землю Кардуенскую, древнее опечество Кардуковъ. Месопотамія, предметъ споль многихъ войнъ, досталась также побѣдителю. Тиридатъ снова вступилъ на родительскій престолъ и предѣлы Арменіи простерлись до Синфіи, чпо въ Медіи. Императоры получили еще право назначать Царей въ Норіи, которая соспавляла часть удѣла Царя Персидскаго. Послѣдняя сія уступка была выгодна для Римлянъ, ибо хопя жители сей страны были дики и грубы; но они владѣли горными проходами Кавказскаго хребта и могли, по волѣ, пропускать чрезъ оныя и удерживать кочующія племена Сарматовъ.

Имперія была наконецъ освобождена отъ ига ширановъ и варваровъ. Это было совершенно Государями мужественными, которые наследовали другъ другу и всѣ были родомъ Иллирійцы. Діоклетіанъ, на двадцатомъ году своего царствованія, вознамѣрился увѣнчать свои успѣхи торжествомъ великолѣпнымъ. Хопя оба Цесаря всегда предводительствовали войскомъ и сдѣлали множество завоеваній;

но успѣхи ихъ можно было приписать вліянію Императоровъ, и по сему въ сей достопамятный день одинъ Максиміанъ раздѣлялъ славу съ Діоклетіаномъ. Африка и Великобританія, Рейнъ и Дунай, Ниль и Евфратъ доставили великолѣпные профей. Но лучшимъ украшеніемъ сего празднества была побѣда, одержанная надъ Персіанами, и копорой плодомъ было важное завоеваніе. Передъ Императорскою колесницею несли изображенія рѣкъ, горъ и областей. Одно обстоятельство дѣлаетъ сей пріумфъ преимущественно примѣчательнымъ въ глазахъ потомства; онъ былъ послѣднимъ въ Исторіи Рима. Вскорѣ Императоры переспали дѣлавать завоеванія и Римъ престалъ быть столицею Имперіи.

Діоклетіанъ и Максиміанъ, первые изъ Государей Римскихъ, жили въ мирное время въ областяхъ. Дворъ Западнаго Императора находился въ Медиоланѣ, опкуда удобнѣе можно было наблюдать движенія Германскихъ варваровъ. Діоклетіанъ жилъ въ Никомедіи, на предѣлахъ Европы и Азіи лежавшей и равно опдаленной отъ Дуная и Евфрата. Когда общеспвенныя дѣла позволяли, Императоры, кажется, съ удовольствіемъ удалялись каждый въ избранное ими мѣстопребываніе: въ Никомедію и Медиоланъ. Кажется, чпо

Діоклетіанъ для одного пріумфа своего посѣщаль Римъ; и въ сіе даже время онъ пробыль въ немъ только два мѣсяца и сѣвшиль покинуть столицу, ненавистную ему за вольное обращеніе ея жителей.

Надежды, возродившіяся въ Сенатѣ при возшествіи на престоль Тацита, были разрушены политикою Діоклетіана и суровостію Максиміана. Послѣдній замѣщаль знаменитѣйшихъ членовъ сего сословія въ мнимой заговоръ и обвинилъ ихъ въ соучастіи. Одни богатствомъ, другіе личными достоинствами, заслужили гнѣвъ ширана дикаго и жестокаго. Препоріанцы, видя упадокъ своего могущества, могли бы соединиться съ Сенатомъ; но были нечувствительно удалены изъ Рима и замѣнены двумя вѣрными Иллирійскими легіонами, которые назывались Іовіанами и Геркуліанами. Но сильнѣйшій ударъ Сенату нанесло опусушеніе Императоровъ, которые, въ опдаленіи отъ столицы, перестали подражать умѣренности Августа, и по волѣ располагали законодательною и исполнительною властію.

Лишь только Римскіе Государи потеряли изъ виду Сенатъ, то и забыли источникъ своей власти. Не спало званія Консуловъ, Проконсуловъ, Цензоровъ,

Трибуновъ, и если уцѣлѣло шшло Императора Imperator, то начали принимать его въ другомъ смыслѣ. Оно уже не означало болѣе полководца, но Государя, властелина Имперіи. Названіе господина (Dominus), оптвергнутое первыми Цесарями пошому, что оно напоминало власть неограниченную, перестало казаться уничижительнымъ для шѣхъ, которые принуждены были употреблять оное. Выраженіе: господинъ нашъ или Императоръ, нашъ вошло въ обычай между Царедворцами и спавилось вообще вначалѣ всякихъ узаконеній и другихъ публичныхъ актовъ. Раболѣпныя страны Востока скоро начали звать Императоровъ Царями, и если области, гдѣ господствоваль языкъ латинскій, сего не переняли, то пошому единственно, что смыслъ сего слова казался имъ не довольно сильнымъ для изображенія величія Императоровъ.

Отъ Августа до Діоклетіана, Римляне имѣли къ Императорамъ такое же уваженіе, какъ къ Сенаторамъ и другимъ чиновникамъ. Одинъ багряный плащъ опличалъ ихъ отъ членовъ Сената и рыцарей, но шѣ и другіе имѣли шогги; обложенныя также багряными коймами, которые на рыцарской одеждѣ были уже, нежели на Сенаторской. (8) Политикою и

тщеславіе заставили Діоклетіана возложити на себя Діадему. Она была ничто иное, какъ широкая перевязь, украшенная жемчугомъ, которая обвивалась во кругъ головы Императора. Діоклетіанъ и преемники его носили платья шелковыя, вышитыя золотомъ. Доступъ къ ихъ особѣ становился часъ ошь часу затруднительнѣе, и подданный, допущенный къ Императору, долженъ былъ падать передъ нимъ на землю и поклоняясь господину и владыкѣ своему подобно жителямъ Востока. Сими средствами старался Діоклетіанъ приучить подданныхъ къ поблострастію и внушить въ нихъ чувство рабскаго благоговѣнія къ Государю. Убѣжденный въ томъ, что одного человека недостаточно для охраненія безопасности Имперіи, Діоклетіанъ избралъ трехъ товарищей. Ему хотѣлось, чтобы сія новая форма правленія сохранялась всегда и въ будущее время. Главные два Государя должны были опличаться титуломъ Августа и выбирать еще двоихъ, которые, пользуясь сперва титуломъ Цесарей, въ свою очередь достигали бы Императорскаго достоинства. Къ несчастію, такая система подала поводъ къ несогласіямъ, раздѣлившимъ послѣ въ короткое время Имперію на Восточную и Западную. Сей образъ управленія

имѣлъ еще другія неудобства. Съ нимъ возрастали издержки, потребныя для содержанія нѣсколькихъ дворовъ, которые старались первенствовать другъ передъ другомъ пустымъ великолѣпіемъ и роскошью. Государственные налоги увеличивались, и подати—подушная и поземельная особенно обременяли и истощали области Имперіи.

Діоклетіанъ покинулъ Италію вскорѣ послѣ своего триумфа и побѣхалъ на Востокъ. Труды, сопряженные съ путешествіемъ и ненастной погодою, причинили ему болѣзнь, которая сдѣлалась опасною еще до прибытія его въ Никомедію. Во всю зиму Государь сей не покидалъ дворца и жилъ такъ уединенно, что сочли его умершимъ. Между тѣмъ перваго Марша онъ показался опяшь народу; но болѣзнь такъ его измѣнила, что тѣ самые, кои дошолъ бывали при немъ обыкновенно, съ трудомъ его узнавали. Разсброенное его здорбве пребывало предосторожностей и жизни покойной; а посему онъ и рѣшился провести остатокъ дней своихъ въ уединеніи, и оставивъ шеапръ политическаго міра юнымъ и дѣятельнымъ своимъ товарищамъ.

Обрядъ опрѣченія совершился на пространной равнинѣ близъ Никомедіи. Съ возвышеннаго прона онъ объявилъ народу и воинамъ свое намѣреніе, и сложивъ съ себя

порфиру, немедленно отправился въ свое уединеніе, приготоовленное ему въ Далмаціи на его родинѣ. Въ ночь же самый день, но несполь добровольно, сложилъ съ себя и Максиміанъ Императорское достоинство въ Медиоланѣ, и удалился въ Луканію въ сельское жилище. Сей Государь болѣе безпокойнаго духа, нежели Діоклетіанъ, съ сожалѣніемъ покорился вліянію своего поварища, который въ день самаго шріумфа своего принялъ на мѣреніе опказаться опъ престолоа, и взялъ съ него кляшву послѣдовать его примѣру.

Діоклетіанъ послѣднія девять лѣтъ своей жизни провелъ въ Салонѣ, занимаясь надосугѣ спроеіемъ и садоводствомъ. Опъ вѣлъ его посламъ Максиміана, который приглашалъ его принять снова бразды правленія, заслуживаетъ вниманіе. „Если бы, поварищъ мой, сказалъ Діоклетіанъ, видѣлъ капусту, которую я самъ сажу и возвращаю; но пересталъ бы предлагать, чшобы я пожертвовалъ властолюбію домашнимъ щастіемъ, которое теперь вкушаю.“ Однако мѣсто, какое Діоклетіанъ занималъ въ мірѣ, было сполько важно, что онъ не могъ спокойно наслаждаться выгодами уединенія. Не лзя, чшобы онъ не зналъ смятеній, которые производили въ Имперіи, и невѣрояшно, чшобъ онъ взиралъ на сіе равнодушно. Бѣдствія его супруги

и дочери терзали его нѣжность и чувствительныя оскорбленія, опъ коихъ Лициній и Константинъ могли бы пощадить опца споль многихъ Императоровъ, обязанныхъ ему своимъ щастіемъ, оправили скорбію послѣднія минушы его жизни. Полагали, не выдавая однако сего за событіе досповѣрное, что Государь сей добровольною смертію избѣжалъ гоненій, коихъ спрашилъ со стороны своихъ преемниковъ.

Конецъ первой части.

ПРИМЪЧАНІЕ.

10.

Что есть роскошь? Потребленіе предметовъ и работы другихъ изъ одного тщеславія, а не для удовлетворенія какихъ-либо нуждъ. Богачь, испрачивая имѣніе на предметы роскоши и моды, не всегда обогащаетъ другихъ. Если много уже людей въ Государствѣ исключительно промышляютъ работою на прихотливыя желанія богачей; то полезно, чпобы сіи послѣдніе не вдругъ сдѣлались бережливими, ибо внезапная умѣренность ихъ въ расходахъ пустила бы по міру тѣхъ несчастныхъ, которые съ дѣтства обучены тонкостямъ либо повареннаго, либо портнаго, либо тому подобнаго ремесла, и которые неспособны ни на какую дѣльную работу и даже считаютъ ее черною. Въ Государствѣ же, гдѣ, благодаря Бога, богатые не знаютъ пустыхъ прихотей, внезапная распочительность многихъ доспащочныхъ особъ на предметы роскоши, заставивъ полезныхъ, но неблагоприятныхъ работниковъ, постепенно переходить отъ земледѣлія, либо необходимыхъ мануфактуръ, къ ремесламъ роскоши, гдѣ съ начала, какъ и во всякой новой отрасли промышленности, прибытки бывають значительны; такимъ образомъ нечувствительно образуется тол-

на модныхъ торговкѣ, порпныхъ, поваровъ, камердинеровъ, ливрейныхъ лакеевъ, драпировщиковъ, кружевницъ и всякихъ другихъ бесполезныхъ производителей, уже пошому несчастныхъ, что успѣхъ промысла ихъ зависилъ отъ непостоянства моды, униженныхъ, ибо цѣлой вѣкѣ трудятся для прихожей, а не для нуждъ челоѣка. Роскошь можно сравнить съ мыльными пузырями; если въ Государствѣ много до нихъ охотниковъ и много дѣлашелей пузырей, то пусть первые продолжаютъ ими увѣщаваться, покупая оныя у послѣднихъ; но если въ Государствѣ (которое, безъ сомнѣнія, можно назвать Упошлѣю) ни одно сословіе не занимается шаковыми пузырями, то всякой охотникъ до оныхъ и покупатель ихъ долженъ почитаться врагомъ обществу, блескомъ золота переманивающимъ полезныхъ работниковъ къ занятію суетному.

Простаковы всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ восклицаютъ: „роскошь полезна, безъ нее чѣмъ бы кормиться тысячамъ семействъ? Но если бы ее вовсе не было, то не было бы и сихъ семействъ; они пришельцы, роскошью привлеченные, либо изъ подъ деревенской соломенной кровли, либо изъ за машины полезной мануфактуры.

26.

Гиббонъ писалъ свое сочиненіе, когда наука Государственнаго хозяйства не была еще обработана. Въ слѣдствіе ложныхъ понятій цѣнили тогда весьма высоко драгоценные металлы, и уменьшеніе оныхъ въ

Государствѣ, хотя производимое торговлею, щитали бѣдствіемъ. Между тѣмъ какъ теперь извѣстно, что драгоценные металлы служатъ преимущественно для одной мѣны; что богатство народа не въ нихъ состоитъ исключительно, а въ произведеніяхъ его земледѣлія и мануфактуръ; что цѣнность звонкой монеты равна цѣнности всякаго другаго шовара. Римляне, отсылая серебро и золото на Востокъ, получали въ обмѣнъ вещи, имѣющія цѣнность, и вѣроятно не были въ накладѣ. Уступая свое, они приобретали чужое; шѣряли на девятнадцать милліоновъ двѣсти тысячъ ливровъ Турскихъ золота и серебра, но получали Восточныхъ произведеній на такую же сумму. Настоящія понятія о свойствахъ звонкой монеты и о заграничной торговлѣ мало еще распространены; въ прошедшемъ столѣтіи глубокомысленнѣйшіе писатели, говоря о семъ предметѣ, часто ошибались. Желающимъ болѣе ознакомиться съ онымъ соѣтую читать: *Сокращенное ученіе о Государственномъ хозяйствѣ Гна. Сея, его Traité d'Economie politique, либо изслѣдованія о богатствѣ народовъ Адама Смита.*

36.

Авторъ говоритъ, что ремесла и искусства, разпространившись въ областяхъ Римскихъ, ослабили духъ тамошнихъ жителей. Мнѣніе сіе тогда только, кажется, справедливо, когда подъ искусствами Авторъ разумѣетъ искусства роскоши. Но и здѣсь замѣтимъ, что не искусства порождаютъ роскошь; она произтекаетъ отъ праздно-

спи людей, отъ незаконнаго приобрѣтенія собственности, отъ невѣжества, отъ неравенства имуществъ, отъ худыхъ Политическихъ и Гражданскихъ постановленій. Знаменишый Робертсонъ (*), въ славномъ ввѣденіи своемъ къ Исторіи Карла Vго, говоритъ о состояніи Римскихъ областей слѣдующее: „ побѣжденные народы были обезо-
 „ руживаемы побѣдителями и удерживаемы
 „ въ повиновеніи наемными войсками, ко-
 „ рые наблюдали каждое ихъ движеніе. Раз-
 „ личные области, отданныя на жертву
 „ сребролюбю намѣстниковъ, копорые
 „ грабили ихъ ненаказанно, лишились бо-
 „ гатствъ своихъ чрезъ непомѣрные налоги,
 „ коихъ раскладка производилась произволь-
 „ но и противъ правилъ человеколюбія и
 „ справедливости, такъ что подати обык-
 „ новенно были тѣмъ болѣе обременительны,
 „ чѣмъ менѣе народъ въ состояніи былъ оныя
 „ плащать. Люди, болѣе другихъ промыш-
 „ ленные, принуждены были покидать роди-
 „ ну и идти искать счастья либо почестей
 „ въ отдаленной столицѣ, гдѣ привыкали
 „ къ проiskanъ. При спеченіи такихъ об-
 „ стоятельствъ невозможно было, чтобы
 „ сіи народы сохранили силу и возвышен-
 „ ность духа.“ Римское владычество до ша-

(*) Histoire du regne de Charles V. Paris 1822, Tome I, page 3m. Первая часть сей книги, заключающая въ себѣ ввѣденіе въ Исторію Карла Vго, переведена на Русской языкъ въ 1775 году Г. Смирновымъ и напечатана въ 2хъ частяхъ. Сіе ввѣденіе, образецъ Историческаго глубокомыслія, увѣнчало Автора безсмертною славою, и достойно бысть подѣ-
 ружкою всѣхъ учащихъ Исторію.

кой степени исказило родъ человеческій, что Британцы, нѣкогда страшные саму Цезарю, послѣ долговременнаго порабоженія оставленные наконецъ своими завоевателями, съ ужасомъ взирали на набѣги Каледонянъ, и не обрѣтая въ себѣ ни силы, ни мужества, молили прежнихъ господъ своихъ о помощи со всемъ усердіемъ малодушія.

46.

Должно съ оспорожностію судить о благосостояніи Римлянъ при Императорахъ. Мы видимъ теперь развалины водопроводовъ, памятники того времени, и славимъ его, какъ будто бы великолѣпіе зданій общественныхъ было основаніемъ блага народнаго, и счастье онаго зависѣло отъ груды камней, его же попомъ воздвигаемой. Есть причины сомнѣваться въ благосостояніи Римлянъ даже при Антонинахъ. Возмемъ за основаніе нашего разсужденія слѣдующее неоспоримое начало, что счастье народа можетъ быть только основано на его нравственности, и посмотримъ, украшались ли подданные Антониновъ добродѣтелию, которая для частнаго человека состоитъ въ самоопроверженіи, а для гражданина—въ любви къ опечеству. Патриотизмъ и любовь къ ближнему должны быть поддерживаемы въ Государствѣ религіею и политическими постановленіями. Первая даетъ человеку правила поведенія и подавляетъ въ немъ себялюбіе, напоминая ему о вѣчности, о послѣднемъ, неизбѣжномъ судѣ, и являя эпоху вознагражденій и возмездія. Вторыя дол-

жны обеспечивать права каждого и всѣмъ гражданамъ открывать возможность служить Государству дѣломъ, а не однимъ именемъ на различныхъ поприщахъ. Всѣ способности человека изощряются чрезъ упражненіе. Патриотизмъ есть также способность, и если совершенство законовъ раскрываетъ ее въ сердцѣ гражданина, то одна дѣятельность, на пользу общественную обращенная, питаетъ ее и поддерживаетъ. То Государство достигло политическаго совершенства, гдѣ всѣ полезныя заведенія поддерживаются усиліями частныхъ людей, гдѣ каждый живетъ для всѣхъ; напрошивъ поглагола спрана, гдѣ подвиги на поприщѣ полезнаго окупаются презрѣніемъ и насмѣшками, еще далека отъ настоящей образованности.

Во что вѣровали Римляне при Антонинахъ? Какъ понимали они обязанности? Какія имѣли постановленія? Вотъ вопросы, которые намъ рѣшить надлежитъ.

Языческая религія состояла первоначально въ поклоненіи силамъ природы, удивительной, страшной для людей еще новыхъ въ міръ; такимъ образомъ они подъ именемъ Цереры обожали плодоносіе земли, подъ именемъ Юпитера — Эфиръ.

Силы сіи представлялись въ видѣ человека, животныхъ; чрезъ сіе старались изобразить аллегорически свойства ихъ и нашуру. Въ послѣдствіи Поэты и все измѣняющее время нечувствительно обратили въ умахъ людей существа физическія въ лица нравственные, божественныя, и отношенія между различными силами природы и ихъ дѣйствія послужили основаніемъ повѣстей о дѣяніяхъ боговъ.

Вездѣ общія понятія язычества слились съ мѣстными преданіями, украсились Поэзією, и суевѣріе освящало холмы, лѣса, урочища, а признательность людей назвала полубогами тѣхъ вишязей, которые ополчались на пользу общественную и прославились своими подвигами. Языческая вѣра древнихъ, носящая на себѣ явной отпечатокъ вымысла, если, съ одной стороны, и имѣла на умы нравственное вліяніе, угрожая Адамъ и судомъ Миносовымъ; то съ другой, представляя людямъ боговъ порочныхъ, подобно имъ несовершенныхъ, она производила соблазнъ. Образованнѣйшіе, въ любовныхъ приключеніяхъ Юпитера, видѣли одну аллегорію; но чернь непросвѣщенная принимала исторію боговъ въ буквальномъ смыслѣ. Правда, Философическія системы, болѣе или менѣе совершенныя, омыты Метаматематики и Нравственности, очищали нѣсколько понятія людей; но они не могли имѣть всеобщаго вліянія, ибо народъ нигдѣ и ни когда не философствуетъ, ему нужны одни результаты умозрѣній, освященные, если можно, религією, долговременнымъ опытомъ, примѣромъ предковъ; результаты ясныя, которые бы преимущественно говорили сердцу, ибо оно въ простомъ люднѣ, во всемъ, что касается до нравственности, замѣняетъ разумъ (*). Но и самыя ученія философовъ всегда ли были спасительны и назидательны? Стоики, дѣлая человека независимымъ отъ ощущеній, власпелиномъ

(*) Иисусъ Христосъ всегда почти говорилъ сердцу людей; Онъ проглаголетъ поучая, и Святая Вѣра Его назидательна для каждого.

своей воли, не признавали съ другой спорны духовности существъ.

Эпикурейцы, подъ именемъ наслажденія благами жизни, проповѣдывали себялюбіе и боговъ безпечныхъ и лѣнивыхъ.

Между шѣмъ ученіе Эпикурово было господствующимъ во время Антониновъ между богатыми людьми Италіи, то есть, между людьми, кои должны бы примѣромъ своимъ поддерживать бѣдную толпу народа на скользкой спезѣ общественной жизни, гдѣ все держится дѣйствительностію и добровольнымъ пожертвованіемъ одного на пользу всѣхъ. При всѣхъ доблестяхъ Антониновъ, еспешивенное ли дѣло, чтобы они могли находить всегда достойныхъ исполнителей своей воли среди народа, зараженного эгоизмомъ и дремлющего въ нѣгѣ? Но безъ достойныхъ помощниковъ Государь добродѣтельный можетъ только желать добра, а не совершать оное. Непрудно постигнуть, отъ чего ученіе Эпикурейское сдѣлалось господствующимъ у Римлянъ. Они долгое время были завоевателями и обладателями корыстолюбивыми. Мечемъ поработили они народы и присвоили ихъ сокровища; способъ пріобрѣтенія легкой, но непрочной, ибо Творецъ природы устроилъ вещи міра сего такъ, что всякое насиліе въ самомъ себѣ находитъ наказаніе, и время, судія безпристрастный, вѣнчаетъ дѣйствительнымъ успѣхомъ одніе предпріянія благія, совершенныя средствами законными. Обогащившись быстро достояніемъ другихъ, завоеватели вселенной недорожили награбленнымъ (одни плоды мирнаго трудолюбія для людей безцѣнны); они искали наслажденій рос-

коши, чувственности, и софизмы Эпикурейцовъ, согласные съ ихъ разположеніемъ духа, сдѣлались правилами ихъ поведенія. Христіанской религіи предоспавлено было воспановить правила чистой нравственности, упраченныя среди великихъ завоеваній, грабительствъ и повсемѣстнаго поработченія владычеству одного города, который Югурта называлъ уже продажнымъ. Христіанская вѣра начинала только возникать при Антонинахъ; она просвѣщала нѣкоторыхъ, но народъ продолжалъ еще поклоняться ложнымъ богамъ своимъ, жилъ въ нѣгѣ и веселился зрѣлищами амфитеатра, гдѣ кровь людей и дикихъ звѣрей лилась при рукоплесканіяхъ толпы жестокосердой. Тамъ пѣвникъ, опшоргнумый отъ своего семейства и родины, погибалъ нерѣдко подъ ударами пропивника, и Римляне всѣхъ сословій, Римляне вѣка Антониновъ, спокойно взирали на послѣднее пренешаніе несчастнаго. Тамъ боецъ, расперзанный Пантерою, либо умерщвленный рогами Оленя, удостоивался особеннаго вниманія: больные сѣшили пить кровь несчастнаго и обширали ею свое шѣло. Вотъ черты, по которымъ судить можно о Римлянахъ, и есть ли вѣроятность, чтобы сей кровожадный и распушный народъ могъ быть щасливъ? Антонины, царствуя надъ онымъ, изцѣляли только раны временъ Тиверія и Нерона; подъ ихъ сѣнію оны успокоился, забылъ прошедшія бѣдствія, но печать униженія лежала на немъ и не изгладилась, ибо усилія нѣкоторыхъ добрыхъ и мудрыхъ Государей не исправляютъ нравственности вѣка.

Посмотримъ теперь на Политическія постановленія Римлянъ. Они допускали рабство, и, по словамъ Автора, невольниковъ было не менѣ Гражданъ: но въ смыслѣ Римскаго законодательства рабы считались вещами и были отчуждены отъ всѣхъ благъ жизни. Возмущеніе Спартикія, война рабовъ въ Сициліи, доказываютъ намъ, что Римскіе помѣщики обращались съ ними въ духѣ отечественныхъ законовъ; слѣдовательно, если и предположимъ, что при Антонинахъ Римская Имперія была раемъ, то все выйдетъ, что половина только жителей вкушала сіе благо, а прочіе страдали подъ бичемъ господъ безчеловѣчныхъ. Антонины, лишивъ сихъ послѣднихъ права убивать невольниковъ, смягчили только ихъ участь, но не оцаспливили. За мѣсяцъ мимоходомъ, что рабство, развращая господина, дѣлаетъ несчастнымъ и его самого; страсти необузданны въ томъ челоуѣкѣ, которой безъ опасенія можетъ вредить себѣ подобнымъ.

Далѣе; управленіе зависѣло отъ Императора и Сената, того самаго Сената, который при Тиверіѣ собрался разсуждать, какимъ соусомъ приправить рыбу, пойманную для стола Императорскаго. Собраніе сіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть опорю Государя добродѣтельнаго. Гдѣ и когда, послѣ паденія республики, явилось оно великодушную смѣлость? Дѣйствовало ли оно для спасенія отечества? Небыло ли оно всегдашнимъ рабомъ Препоріанцевъ? Недостатокъ того сословія людей, въ коемъ можно бы избирать надежныхъ правителей областей, былъ, конечно, важною препоною для блага народнаго, и Антонины болѣе

другихъ Государей должны были ошибаться въ людяхъ, ибо повсюду встрѣчались гражданъ, равнодушныхъ ко благу отечества. Между тѣмъ, для хорошаго управленія обширнаго Государства, нужно: 1 е, чтобы сановники Государя были добродѣтельны и опытны; 2 е, чтобы всѣ правители областей и городовъ были также люди достойные; 3 е, чтобы по крайней мѣрѣ часть мѣстнаго управленія находилась въ рукахъ жителей, ибо всѣ подробности и обстоятельство какой-либо страны болѣе извѣстны живущимъ въ ней, нежели чиновнику, посланному изъ отдаленной столицы (*); 4 е, чтобы малѣйшія злоупотребленія быспродѣлались гласными и были наказываемы общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ. Но въ безпредѣльной Имперіи, при всей удобности сообщеній и при недостаткѣ книгопечатанія, гласности быть не могло, а общественное мнѣніе у народа развращеннаго не наказуетъ и не награждаетъ. У Римлянъ существовало мѣстное управленіе, но безъ гласности, и сія гласность при намѣстникахъ полномочныхъ не могла имѣть силы. Сановники Антониновъ были вѣроятно люди достойные, но сего не лзя сказать утвердительно о многочисленномъ классѣ управлявшихъ ибо находить много хорошихъ людей было трудно въ Римѣ, а въ цѣпи управленія одно худое звѣно портитъ благія намѣренія правительсва.

(*) Екатерина II чувствовала сіе, и въ узаконеніяхъ своихъ ввѣрила часть мѣстнаго управленія людямъ, избраннымъ либо Дворянствомъ, либо Городскими жителями, либо Экономическими крестьянами.

50.

Мягшежные Преторіанцы умершвляють Першинакса и продають Имперію недостойному Юліану. Безоружные жители Рима покоряются волѣ измѣнниковъ, и Авторъ замѣчаетъ, что десять или пятнадцать тысячъ воиновъ всегда доспащочны для удержанія въ повиновеніи многочисленной толпы народа. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но если бы жители Италіи любили свое опечество, то не пошербили бы, чтобы войско, возвращенное и продажное, портовало престоломъ, возводило и умершвляло Государей. Преторіанцы могли удержатъ въ повиновеніи городъ Римъ, но необширную область, какова была Италія.

60.

Двести пятьдесятъ французскихъ миль составляютъ около тысячи верстъ, пространство, которое, въ сорокъ дней, всякое усстроенное войско пройти можетъ.

О богатствѣ областей по одной быстротѣ похода заключить невозможно; мы не знаемъ, шелъ ли Северъ нѣсколькими колоннами, или одною; заготовляли для его рапниковъ провіантъ, или они питались грабежемъ, посылая фуражировъ и мародеровъ.

70.

Авторъ утверждаетъ, что подать на предметы роскоши преимущественно падала

на богатыхъ. Это не совсѣмъ справедливо; не всегда шло несеть бремя налога, кто его вноситъ въ казну государственную. Человѣкъ богатый есть вмѣстѣ и потребитель и производитель. Заплативъ налогъ, онъ всячески старается возвысить цѣну на свои произведенія, дабы вознаграждать ущербъ свой, и если совмѣстничество потребителей его продуктовъ велико, то онъ всегда успѣетъ въ своемъ намѣреніи; такимъ образомъ онъ возвращаетъ нерѣдко все, уплаченное чрезъ плату налога, и слѣдовательно бремя онаго слагаетъ на другихъ. Къ тому же Римляне, имѣя невольниковъ, во всякомъ случаѣ могли, нѣкоторымъ образомъ, облегчать тяжесть падавшихъ на нихъ податей, либо пребуя отъ своихъ рабовъ большей противъ прежняго работы, либо ограничивая содержаніе оныхъ; нѣмъ и другимъ способомъ они увеличивали доходы свои, и прибыль оныхъ замѣняла, въ нѣкоторой степени, убыль, налогомъ произведенную.

80.

Авторъ утверждаетъ, что Римляне, со временъ Августа до Діоклетіана, оказывали Императорамъ такое же уваженіе, какое Сенаторамъ и другимъ проснымъ чиновникамъ. Въ этомъ можно сомнѣваться; мнѣ кажется, что Тиверій, Неронъ, Коммодъ, Каракала, Калигула, Геліогобалъ, недовольствовались обыкновенными почестями; малодушные современники страшились сихъ изверговъ, а по сему вѣроятно, чествовали ихъ безъ мѣры. Я думаю также, что

Максимианъ, убійца сорока тысячъ гражданъ, повелѣвая зашивать въ кожи живописныхъ Римскихъ Патриціевъ и отдавать ихъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, внушалъ въ подданныхъ особенное чувство трепетнаго благоговѣнія, независимо отъ багряной тоги, которую онъ носилъ, и которая одна отличала, по мнѣнію Авшора, Государя отъ другихъ людей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Г Л А В А I.

	страницъ
Введение - - - - -	1.
Умѣренность Августа - - - - -	2.
Подражаемая его преемниками - - - - -	—
Завоеваніе Велико-Британіи - - - - -	3.
Завоеваніе Дакии - - - - -	—
Завоеванія Траяна въ Азіи - - - - -	—
Возвращенныя Адрианомъ, преемникомъ его - - - - -	4.
Анioniны - - - - -	—
Оборонительныя войны Марка Аврелія - - - - -	—
Военныя учрежденія Римскихъ Императоровъ - - - - -	5.
Военная подчиненность — ученія - - - - -	6.
Римскіе легіоны при Императорахъ - - - - -	8.
Конница - - - - -	9.
Союзники - - - - -	—
Спаны - - - - -	10.
Число и размѣщеніе легіоновъ - - - - -	12.
Морская сила - - - - -	13.
Изчисленіе силъ Имперіи - - - - -	14.
Обозрѣніе областей Имперіи - - - - -	—
Испанія - - - - -	—
Галлія - - - - -	15.
Великобританія - - - - -	16.
Италія - - - - -	—
Дунай и предѣлы Иллирійскіе - - - - -	—
Реція, Норика и Паннонія - - - - -	17.
Далмація, Мезія и Дакия - - - - -	—
Фракія, Македонія и Греція - - - - -	—

	стр.
Малая Азія - - - - -	18.
Сирія, Финикія и Палестина - - - - -	—
Египецъ - - - - -	19.
Африка - - - - -	—
Острова Средиземнаго моря - - - - -	—
Пространство Римской Имперіи - - - - -	20.
Всеобщая терпимость въ роисовданіи	21.
О Философахъ - - - - -	22.
О чиновникахъ - - - - -	24.
Привилегіи города Рима - - - - -	25.
Области, Колоніи или города Муниципальные - - - - -	—
Всеобщее употребленіе двухъ языковъ	26.
Невольники, обращеніе съ ними господъ	27.
Освобожденіе ихъ - - - - -	—
Число невольниковъ - - - - -	28.
Народонаселеніе Римской Имперіи - - - - -	29.
Памятники, храмы, театры, водопроводы и проч. - - - - -	30.
Число и величина городовъ Имперіи - - - - -	32.
Большія дороги - - - - -	34.
Почты - - - - -	35.
Судоходство - - - - -	—
Искусства роскоши, заграничная торговля - - - - -	—
Упадокъ мужества и генія - - - - -	38.

ГЛАВА II.

Что есть Монархія? - - - - -	42.
Положеніе Августова - - - - -	—
Преобразование Сенаша - - - - -	44.
Раздѣлъ областей между Императоромъ и Сенашомъ - - - - -	48.

	стр.
Императоръ сохраняетъ начальство надъ военною силою - - - - -	48.
Онъ заводитъ спражу для охраненія своей особы - - - - -	—
Права Императора - - - - -	49.
Чиновники - - - - -	50.
Сенатъ - - - - -	51.
Дворъ Императорской - - - - -	52.
Обоготвореніе Императоровъ - - - - -	—
Типла Августа и Цезаря - - - - -	54.
Характеръ и политика Августова	—
Покушенія Сенаша послѣ смерти Калигулы - - - - -	55.
Августъ возстановляетъ воинскую подчиненность - - - - -	56.
Онъ избираетъ Тиверія въ преемники	57.
Веспасіанъ, Типъ - - - - -	—
Нерва - - - - -	—
Усыновленіе Траяна и характеръ его - - - - -	58.
Адрианъ ему наследуетъ - - - - -	—
Усыновленіе обоихъ Веровъ - - - - -	59.
Усыновленіе обоихъ Антониновъ - - - - -	60.
Характеръ и царствованіе Антонина благочестиваго - - - - -	—
О Маркѣ Авреліѣ - - - - -	—
Благоденствіе Римлянъ - - - - -	62.
Бѣдствія ихъ подъ владычествомъ пирановъ - - - - -	63.

ГЛАВА III.

Снисхожденіе Марка Аврелія - - - - -	66.
Возшествіе на престолъ сына его Коммода - - - - -	68.
Характеръ сего Государя - - - - -	—

IV.

	страни.
Онъ уязвленъ убійцею	70.
Ненависть Коммода къ Сенату	71.
Жестокости сего Государя	—
Братья Квинтилианы	72.
Переннисъ сдѣланъ Министромъ	—
Возмущеніе Маперна	73.
Клеандръ сдѣланъ Министромъ	74.
Мяшежъ, смерть Клеандра	75.
Распутство Коммода	—
Ловля дикихъ звѣрей	76.
Искусство, которое являетъ онъ въ Амфишестрѣ	—
Онъ дѣлается Гладіаторомъ	77.
Заговоръ противъ его жизни	78.
Смерть его	79.
Пертинаксъ выбранъ въ Императоры	—
Нравы его и узаконенія, любовь къ не- му народа	81.
Онъ умерщвленъ Преторіанцами	83.
Они продаютъ Имперію съ публичнаго шоргу	86.
Юліанъ покидаетъ ее	—
Войска расположенныя въ Великобританіи, Сиріи и Панноніи несоглагошающ- ся на избраніе Юліана	88.
Клавдій Альбинъ въ Великобританіи	—
Песценій Нигеръ въ Сиріи	90.
Сепсимъ Северъ въ Панноніи	—
Провозглашаются легіонами въ Импера- торы	—
Смущеніе Юліана	92.
Преторіанцы оспариваютъ его	93.
Онъ осужденъ Сенатомъ и преданъ смерти	—
Уничженіе Преторіанцевъ	94.

V.

	страни.
Успѣхи Севера противъ Нигера и Аль- бина	95.
Смерть Нигера и Альбина	—
Гнѣвъ Северовъ на Сенатъ	98.
Мудрость его правленія	—
Новая Преторіанская сража	99.
Новыя понятія о правахъ Император- ской власти	100.

ГЛАВА IV.

Величіе и безпокойство Севера	101.
Императрица Юлія его супруга	102. ✓
Сыновья его Каракалла и Гета	103.
Ихъ взаимная ненависть	—
Три Императора	104.
Война съ Каледонянами	—
Честолюбіе Каракаллы	105.
Смерть Севера и возшествіе на пре- столю обоихъ сыновей его	106.
Зависнь и ненависнь обоихъ Импера- торовъ	—
Намѣреніе ихъ раздѣлить Имперію меж- ду собою	107.
Умерщвленіе Геты	108.
Угрызенія совѣсни и жестокость Кара- каллава	109.
Смерть Папиніана	110.
Умерщвленіе Каракаллы	112.
Избраніе на царство Макрина и его характеръ	113.
Неудовольствіе Сената и войска	114.
Возмущеніе Геліогабала	116.
Пораженіе и смерть Макрина	117.
Изображеніе Геліогабала	118.

VI.

страниц.

Его суевѣріе - - - - -	119.
Его необузданное распутство и роскошь - - - - -	—
Умершвлєніє Геліогабала - - - - -	121.
Возшествіє на престолъ Александра Севера - - - - -	122.
Регентство матери его Мамеи - - - - -	—
Воспитаніє и характеръ Александра - - - - -	123.
Порядокъ ежедневныхъ его занятій - - - - -	124.
Онъ предпринимаетъ преобразование войска - - - - -	125.
Возмущеніє Преторіанцевъ - - - - -	126.
Умершвлєніє Ульпіана - - - - -	—
Возмущеніє въ легіонахъ - - - - -	127.
Твердость Императора - - - - -	128.
Недостатки его царствованія и характера - - - - -	129.
О финансахъ Римскихъ - - - - -	131.
Количество доходовъ - - - - -	132.
Подати, учрежденныя Августомъ - - - - -	—
Налогъ съ попребленія вещей - - - - -	—
Налогъ съ завѣщаемыхъ предметовъ и наследствъ - - - - -	133.
Указъ Каракаллы, дающій званіє гражданъ жителямъ областей - - - - -	134.
Заговоръ Максимиана - - - - -	136.
Умершвлєніє Александра Севера - - - - -	137.

ГЛАВА V.

Происхождение и свойства Максиминины 139.	139.
Должности и мѣста, которыя занималъ онъ въ военной службѣ - - - - -	—
Самовластіє Максимининово - - - - -	140.
Возмущеніє въ Африкѣ - - - - -	142.

VII.

страниц.

Избраніє на царство обоихъ Гордіановъ - - - - -	143.
Максиминъ объявленъ врагомъ общесшвеннымъ - - - - -	144.
Пораженіє и смерть обоихъ Гордіановъ Максиминъ и Бальбинъ провозглашены опъ Сената Императорами - - - - -	145.
Смятеніє въ Римѣ; младшій изъ Гордіановъ сдѣланъ Цезаремъ - - - - -	146.
Максиминъ идетъ въ Италію - - - - -	147.
Осада Аквилеи - - - - -	148.
Умершвлєніє Максимиана и сына его - - - - -	151.
Изображеніє его - - - - -	—
Возмущеніє въ Гимѣ - - - - -	153.
Умершвлєніє Максима и Бальбина - - - - -	155.
Юный Гордіанъ остается одинъ Императоромъ - - - - -	—
Война съ Персією - - - - -	157.
Умершвлєніє Гордіана - - - - -	158.
Царствованіє Филиппа - - - - -	—
Игры Юбилея - - - - -	—
Монархія Персидская, возстановленная Артаксерксомъ - - - - -	159.
Мнимая побѣда Александра Севера - - - - -	160.
Характеръ Артаксеркса - - - - -	—
Военная сила Персіанъ - - - - -	161.
Просперанство Германіи - - - - -	162.
Климатъ - - - - -	—
Дѣйствіє его на жителей - - - - -	163.
Невѣжество Германцевъ - - - - -	—
Народныя собранія - - - - -	165.
Власть Князей и спаршинъ - - - - -	166.
Цѣломудріє Германскихъ женъ - - - - -	—
Религія - - - - -	—
Вліаніє ея - - - - -	—

Барды	-	-	-	-	-	167.
Причины, замедлившія успѣхи Германцевъ	-	-	-	-	-	---
Недостатокъ въ оружіи и военной подчиненности	-	-	-	-	-	---
Римъ съесть между ними раздоры	-	-	-	-	-	168.
Они соединяются противъ Имперіи	-	-	-	-	-	---

ГЛАВА VI.

Императоръ Филиппъ	-	-	-	-	-	169.
Сенаторъ Децій избранъ легіонами въ Императоры	-	-	-	-	-	170.
Побѣда его надъ Филиппомъ	-	-	-	-	-	---
Происхождение и Религія Готфовъ	-	-	-	-	-	---
Одинъ	-	-	-	-	-	171.
Переселеніе Готфовъ изъ Скандинавіи	-	-	-	-	-	---
Народъ Готфскій умножается въ числѣ на походъ своемъ	-	-	-	-	-	172.
Готфы вшоргаются въ Римскія области	-	-	-	-	-	173.
Децій учреждаетъ Цензоровъ	-	-	-	-	-	174.
Пораженіе и смерть Деція и сына его	-	-	-	-	-	175.
Избраніе на царство Галла	-	-	-	-	-	176.
Галль покупаетъ миръ	-	-	-	-	-	---
Всеобщее неудовольствіе	-	-	-	-	-	---
Побѣда и возмущеніе Эмилиана	-	-	-	-	-	---
Галль оставленъ всѣми и умерщвленъ	-	-	-	-	-	177.
Валеріанъ мститъ за Галла и избранъ въ Императоры	-	-	-	-	-	---
Царствованіе сего Государя и сына его Галліана	-	-	-	-	-	178.
Набѣги варваровъ	-	-	-	-	-	---
Происхождение и союзъ Франковъ	-	-	-	-	-	---
Аллеманы вшоргаются въ Галлію и Италію	-	-	-	-	-	179.

Сенатъ и народъ Римскій отражаютъ ихъ	-	-	-	-	-	179.
Галліанъ воспрещаетъ Сенаторамъ военную службу	-	-	-	-	-	---
Набѣги Готфовъ	-	-	-	-	-	180.
Они покоряютъ Босфорское царство	-	-	-	-	-	---
Они приобретаютъ морскую силу	-	-	-	-	-	---
Осаждаютъ и берутъ Трбизондъ	-	-	-	-	-	---
Грабятъ города въ Виѣннѣ	-	-	-	-	-	181.
Проходятъ чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ	-	-	-	-	-	---
Берутъ Аѣины	-	-	-	-	-	---
Завоеваніе Арменіи Персіанами	-	-	-	-	-	182.
Валеріанъ идетъ въ Восточныя области	-	-	-	-	-	---
Онъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Сапуромъ	-	-	-	-	-	---
Сапуръ опустошаетъ Сирію, Киликію и Кападокію	-	-	-	-	-	183.
Оденатъ съ успѣхомъ сопротивляется Сапору	-	-	-	-	-	184.
Участъ Валеріана	-	-	-	-	-	---
Характеръ и управленіе Галліана	-	-	-	-	-	185.
Тридцать Римскихъ пиромовъ	-	-	-	-	-	---
Безпорядки въ Сициліи	-	-	-	-	-	186.
Смятеніе въ Александріи	-	-	-	-	-	---
Возмущеніе Исаврійцевъ	-	-	-	-	-	187.
Голодъ и моровая язва	-	-	-	-	-	---
Уменьшеніе числа жителей въ Имперіи	-	-	-	-	-	188.

ГЛАВА VII.

Авреоль вшоргается въ Италію, но потерѣваетъ пораженіе и спасается въ Медиоланъ	-	-	-	-	-	189.
Смерть Галліана	-	-	-	-	-	---
Характеръ и возшествіе на престолъ Клавдія	-	-	-	-	-	190.

	страни
Смерть Авреола - - - - -	190.
Милосердіе и правосудіе Клавдія - - - - -	—
Онъ предпринимаетъ преобразование войска - - - - -	—
Готфы вшоргаются въ Имперію - - - - -	191.
Затруднительное положеніе и швердость Клавдія - - - - -	192.
Побѣда его надъ Готфами - - - - -	—
Смерть его - - - - -	193.
Клавдій назначаетъ въ преемники Авреліана - - - - -	—
Возмущеніе и паденіе самозванца Квинтилия - - - - -	—
Произхожденіе и заслуги Авреліановы - - - - -	194.
Царствованіе его - - - - -	—
Его строгая воинская подчиненность - - - - -	—
Договоръ сего Государя съ Готфами - - - - -	195.
Война противъ Аллемановъ - - - - -	—
Аллеманы вшоргаются въ Италію - - - - -	196.
Они побѣждены Авреліаномъ - - - - -	197.
Укрѣпленіе Рима - - - - -	—
Авреліанъ побѣждаетъ двухъ самозванцевъ - - - - -	198.
Царствованіе и пораженіе Тетрика - - - - -	—
Характеръ Зиновіи - - - - -	199.
Она мститъ за смерть своего мужа - - - - -	200.
Она царствуетъ на Воспокѣ и въ Египтѣ - - - - -	—
Походъ противъ нее Авреліана - - - - -	—
Пораженіе Пальмирянъ - - - - -	201.
Описаніе Пальмиры - - - - -	—
Авреліанъ осаждаетъ ее - - - - -	202.
Зиновія падаетъ въ руки Императора - - - - -	203.
Возмущеніе и разрушеніе Пальмиры - - - - -	—
Авреліанъ прекращаетъ возмущеніе Фирма въ Египтѣ - - - - -	204.

	страни
Триумфъ Авреліановъ - - - - -	204.
Онъ прекращаетъ возмущеніе въ Римѣ - - - - -	205.
Жестокость Авреліанова - - - - -	—
Онъ идетъ на Воспокѣ войною и погибаетъ отъ руки убійцы - - - - -	206.

ГЛАВА VIII.

Преніе Сената съ войскомъ о выборѣ Императора - - - - -	208.
Безмятежное осьмимѣсячное междуцарствіе - - - - -	—
Консулъ собираетъ Сенатъ - - - - -	209.
Тацитъ избранъ въ Императоры - - - - -	—
Войско признаетъ его Государемъ - - - - -	—
Онъ выгоняетъ Алановъ изъ Азіи - - - - -	210.
Смерть Императора Тацита - - - - -	211.
Похищеніе престола братомъ его Флоріаномъ и смерть его - - - - -	—
Характеръ и возшествіе на престолъ Проба - - - - -	—
Обращеніе его съ Сенатомъ - - - - -	212.
Побѣды его надъ варварами - - - - -	213.
Онъ освобождаетъ Галлію отъ нашествія Германцевъ - - - - -	214.
Пробъ идетъ войною въ Германію - - - - -	215.
Онъ строитъ стѣну отъ Рейна до Дуная - - - - -	—
Введеніе и поселеніе варваровъ въ Имперію - - - - -	216.
Возмущеніе Сатурнина на Воспокѣ - - - - -	—
Мятежъ Боноза и Прокула въ Галліи - - - - -	217.
Триумфъ Проба - - - - -	—
Возмущеніе восьмидесяти Гладіаторовъ - - - - -	—
Строгость военной подчиненности при Пробѣ - - - - -	218.

	спран.
Онъ умершвленъ ратниками -	219.
Избраніе на царство и характеръ Кара	---
Государь сей побѣждаетъ (армаиъ и	
идеть на Воспокъ войною -	220.
Онъ принимаетъ пословъ Персидскихъ	---
Побѣды и необыкновенная его кончина	221.
Два сына его Каринъ и Нумеріанъ ему	
наслѣдующъ - - - -	222.
Пороки Карина - - - -	---
Онъ празднуеть игры въ Римѣ -	223.
Возмущеніе Нумеріана съ войскомъ изъ	
Персіи - - - -	224.
Смерть его - - - -	225.
Избраніе на царство Діоклетіана	---
Смерть Карина - - - -	226.

Г Л А В А IX.

Возшествіе на престолъ и характеръ Діо- клетіана - - - -	227.
Возвышеніе Максиміана и его свойства	228.
Избраніе двухъ Цезарей: Галера и Кон- станція - - - -	229.
Раздѣленіе областей на четверыхъ и связь оныхъ между собою - -	230.
Возмущеніе поселянъ въ Галліи -	230.
Возмущеніе Каравзія въ Великобританіи	231.
Власть Каравзія признана Императо- рами - - - -	232.
Смерть Каравзія - - - -	233.
Констанцій снова покаряетъ Великобри- танію - - - -	234.
Войны въ Африкѣ и въ Египтѣ -	---
Мѣры, принятыя Діоклетіаномъ въ Егип- тѣ - - - -	236.

	спран.
Онъ сожигаетъ книги Алхимистовъ -	237.
Война съ Персією - - - -	---
Тириданъ восходитъ снова на престолъ	
Армянской - - - -	238.
Народъ и Дворянство Арменіи возму- щаются въ его пользу - - -	---
Персіане покаряютъ снова Арменію	239.
Война между Персією и Римомъ -	---
Пораженіе Галера - - - -	---
Второй походъ Галера - - - -	240.
Побѣда его, мирные переговоры -	241.
Заключеніе мира - - - -	---
Уступки въ слѣдствіе онаго сдѣланныя	---
Тріумфъ Діоклетіана и Максиміана -	242.
Римъ лишенъ присутствія Императо- ровъ - - - -	243.
Пребываніе ихъ въ Медиоланѣ, и Нико- медіи - - - -	---
Учрежденіе Іовіанъ и Геркуліанъ -	244.
Небреженіе о Гражданскихъ Магистра- турахъ - - - -	---
Достоинство и пишло Императорскія	245.
Діоклетіанъ надѣваетъ Діадиму -	246.
Новая форма управленія - - - -	---
Два Августа и два Цезаря - - - -	---
Діоклетіанъ и Максиміанъ слагаютъ съ себя порфиру - - - -	247.
Уединеніе Діоклетіаново въ Салонѣ	248.
Смерть его - - - -	249.

К О Н Е Ц Ъ.